

ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ
КУЛЬТУРЫ

РОДНОЕ СЛОВО

5

класс

ХРЕСТОМАТИЯ

Комплексный учебный курс
«Основы религиозных культур
и светской этики»

Учебный предмет
«Основы православной культуры»

РОДНОЕ СЛОВО

5 класс

ХРЕСТОМАТИЯ

*Допущено Отделом религиозного образования и катехизации
Русской Православной Церкви (ОРОиК РПЦ 15-007-008)*

*Допущено к распространению Издательским советом
Русской Православной Церкви на основании заключения
Синодального отдела религиозного образования и катехизации
(ИС Р15-533-3532)*

Православная Гимназия
во имя Преподобного Сергия Радонежского
Новосибирск
2015

ББК 86.372я72
Р 60

Одобрено Высокопреосвященнейшим Тихоном,
Митрополитом Новосибирским и Бердским

Рекомендовано экспертным советом НИПКиПРО к изучению учащимися образовательных организаций разных типов и видов, а также их родителей и учителей, к внедрению в педагогическую практику учителей общеобразовательных учреждений НСО, преподавателей системы повышения квалификации и переподготовки работников образования, студентов высших учебных заведений (степень бакалавра по курсу «Основы религиозных культур и светской этики»).

Родное слово: хрестоматия к учебному пособию
Р 60 Б. И. Пивоварова «Родное слово» для 5 кл. общеобразовательных организаций. Новосибирск: Православная Гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 2015. 276 с.: цв. ил. ISBN 978-5-7674-0051-5

В хрестоматии собраны произведения русских поэтов и писателей, пословицы, поговорки и крылатые слова на темы, изложенные в учебном пособии протоиерея Б. И. Пивоварова «Родное слово» для учащихся 5-х классов, продолжающих изучать учебный предмет «Основы православной культуры» в рамках комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики».

Содержание хрестоматии соответствует требованиям пп. 1, 3, 6 ст. 87 Закона «Об образовании в Российской Федерации» (№ 273–ФЗ).

ББК 86.372я72

ISBN 978-5-7674-0051-5

© Православная Гимназия во имя
Преподобного Сергия Радонежского, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие друзья!

Перед вами — хрестоматия к учебному пособию протоиерея Б.И. Пивоварова «Родное слово». В ходе изучения основ православной культуры в 5-м классе это учебное издание призвано помочь более глубокому знакомству с основами русской словесности.

Весь подобранный в книге хрестоматийный материал представлен в двух разделах, соответствующих содержанию учебного пособия «Родное слово»:

Раздел 1. Такие разные слова!

Раздел 2. Введение в русскую словесность.

В первый раздел книги для чтения вошли отрывки из литературных произведений, дающие представление о многообразии слов родного языка — слова обязательные, святые, мудрые, слова забытые и неологизмы, заимствованные слова, а также лишние слова в нашей родной речи. Каждую тему раздела открывает подборка стихов, за которой следуют отрывки из отечественной прозы.

Во второй раздел хрестоматии включены извлечения из русских летописей, достопамятных сказаний, жизнеописаний святых Русской Церкви, отрывки из научно-популярной литературы, публицистических и мемуарных изданий. Весь этот хрестоматийный материал способствует более глубокому раскрытию тем учебного пособия, посвящённых началу славянской письменности на Руси, появлению первых рукописных книг, развитию книгопечатания и возникновению в конце X — начале XII века древнерусской литературы, которое, по словам Д.С. Лихачёва, было «дивлению подобно».

Разнообразные материалы разделов «Русские сказки», «Русские басни», «Русские песни», «Русские писатели о родном языке и родном слове», завершающие учебную книгу, дают наглядное представление о богатстве родной словесности.

Русская классическая литература представлена в хрестоматии именами В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, П. А. Вяземского, А. Н. Майкова, А. Н. Плещеева, Ф. И. Тютчева, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского. В книгу для чтения по курсу «Родное слово» вошли также произведения поэтов и прозаиков В. А. Солоухина, Р. Г. Гамзатова, С. Я. Маршака, А. Я. Яшина, Б. А. Слуцкого, Н. Н. Рыленкова, М. С. Лисянского, А. В. Жигулина И. С. Шмелёва, Д. Н. Мамина-Сибиряка П. П. Бажова, К. Г. Паустовского В. И. Порудоминского В. А. Осевой, В. А. Никифорова-Волгина, А. С. Некрасова и других. Круг современных авторов представлен произведениями М. Зайцева, Н. Луканова, Э. Эльгена и других.

Среди авторов научных и научно-популярных работ, вошедших в хрестоматию, — учёные-лексикографы, педагоги, лингвисты, историки, книговеды: В. И. Даль, К. Д. Ушинский, А. Н. Зализняк, В. Л. Янин, Н. Н. Покровский, Е. И. Осетров.

Хрестоматия предназначена для учащихся 5-х классов, продолжающих изучать учебный предмет «Основы православной культуры» в рамках комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики».

Книга для чтения по «Родному слову» будет полезна преподавателям общеобразовательных организаций, родителям учащихся и всем любителям российской словесности.

Раздел 1

ТАКИЕ РАЗНЫЕ СЛОВА!

ВЫСОКОЕ РУССКОЕ СЛОВО

То нежно звучит,
То сурово
Высокое русское слово.
Оно, как державная слава,
Сияло в устах Ярослава.
Его возносил, как молитву,
Суворов, стремившийся в битву,
И Пушкин, в волнении строгом,
Держал, как свечу перед Богом.
Храните и в счастье, и в горе,
На суше его и на море.
Не будет наследства другого
Главнее,
 чем русское слово!

Н. Рачков

Каждое слово имеет свой вкус.
Одни слова —
Горьки, как полынь.
Другие — слаще абхазских дынь.
Те свежестью радуют нас
Особенной,

А эти —
Давно набили оскомину.
Есть слова,
Как приправы у горцев.
А есть ещё
И такие слова,
Что морской воды
Солоней и горше.
Есть и безвкусные,
Как трава.
Всеякие есть у людей слова...

Ю. Сеницын

СУДЬБА СЛОВА

У любого из слов есть судьба,
Та же, что и у наших поступков.
Ведь одежда поступков — слова,
Тело лишь командирская рубка.
Если чистая в теле душа,
То увидим мы все пред собою
Слов судьбу, что всегда хороша.
Бог вложил их в уста нам с тобою.
Вознесутся слова в небеса,
Не закроют их чёрные тучи.
И они, как весною гроза,
Всё очистят и сделают лучше.
Если с чёрной душой человек —
Все слова отдают чернотой,
Очень трудно в наш атомный век
Не запачкаться мерзостью тою.
Гадких слов так уродлива смесь:
Грязь словесная с грязью земною,
Ложь и хамство, коварство и лесть —
Вот слова с незавидной судьбою.

Если правда в словах зазвенит,
Значит, все они родом из сердца.
Из того, что порою болит,
Будто в рану насыпали перца.

Высота этих слов, чистота,
Мир украсят, как алые розы,
Заключённая в них красота
Заблестит в стихах или прозе.

А. Гаврюшкин

Константин Георгиевич Паустовский

ЗОЛОТАЯ РОЗА

СЛОВАРИ

Всякие мысли приходят иногда в голову. Например, мысль о том, что хорошо бы составить несколько новых словарей русского языка (кроме, конечно, уже существующих общих словарей).

В одном таком словаре можно, предположим, собрать слова, имеющие отношение к природе, в другом — хорошие и меткие местные слова, в третьем — слова людей разных профессий, в четвёртом — мусорные и мёртвые слова, всю канцелярщину и пошлость, засоряющие русский язык.

Этот последний словарь нужен для того, чтобы отучить людей от скудоумной и ломаной речи.

Мысль о том, чтобы собрать слова, имеющие отношение к природе, пришла мне в голову в тот день, когда на луговом озере я услышал, как хрипловатая девочка перечисляла разные травы и цветы.

Словарь этот будет, конечно, толковым. Каждое слово должно быть объяснено, и после него следует помещать несколько отрывков из книг писателей, поэтов и учёных, имеющих научное или поэтическое касательство к этому слову.

Например, после слова «сосулька» можно напечатать отрывок из Пришвина:

«Повислые под кручей частые длинные корни деревьев теперь под тёмными сводами берега превратились в сосульки и, нарастая больше и больше, достигли воды. И когда ветерок, даже самый ласковый, весенний, волновал воду и маленькие волны достигали под кручей концов сосуллек, то волновали их, они качались, стуча друг о друга, звенели, и этот звук был первый звук весны, эолова арфа».

А после слова «сентябрь» хорошо бы напечатать отрывок из Баратынского:

И вот сентябрь! Замедля свой восход,
Сияньем хладным солнце блещет,
И луч его в зеркале зыбких вод
Неясным золотом трепещет...

Думая об этих словарях, особенно о словаре «природных» слов, я делил его на разделы: слова «лесные», «полевые», «луговые», слова о временах года, о метеорологических явлениях, о воде, реках и озёрах, растениях и животных.

Я понимал, что такой словарь нужно составить так, чтобы его можно было читать как книгу. Тогда он давал бы представление как о нашей природе, так и о широких богатствах языка. <...>

У некоторых наших писателей, насколько я знаю, есть такие «личные» словари. Но они никому их не показывают и упоминают о них неохотно.

То, что я недавно говорил о роднике, дождях, грозах, заре, «свее» и именах разных трав и цветов, — тоже возобновлённые в памяти «записи для словаря».

Первые мои записи были о лесах. Я вырос на безлесном юге и потому, может быть, больше всего в средне-русской природе полюбил леса.

Константин Георгиевич Паустовский
(1892–1968)

Первое «лесное» слово, какое меня совершенно заворожило, было «глухомань». Правда, оно относится не только к лесу, но я впервые услышал его (так же как и слово «глушняк») от лесников. С тех пор оно связано в моём представлении с дремучим, замшелым лесом, сырыми чащами, заваленными буреломом, с йодистым запахом прели и гнилых пней, с зеленоватым сумраком и тишиной. «Сторона ли моя ты, сторонущка, вековая моя глухомань!»

А затем уже шли настоящие лесные слова: корабельная роцца, осинник, мелколесье, песчаный бор, чапыга, мшары (сухие лесные болота), гари, чернолесье, пустошь, опушка, лесной кордон, березняк, порубка, живица, просека, кондовая сосна, дубрава и много других простых слов, наполненных живописным содержанием.

Даже такой сухой технический термин, как «лесной межевой столб», или «пикет», полон неуловимой прелести. Если вы знаете леса, то согласитесь с этим. Невысокие межевые столбы стоят на пересечении узких просек. Около них всегда есть песчаный бугор, заросший подсохшей высокой травой и земляникой.

Этот бугор образовался из того песка, который выбрасывали из ямы, когда копали её для столба. На стёсанной верхушке столба выжжены цифры — номер «лесного квартала». Почти всегда на этих столбах греются бабочки, сложив крылья, и озабоченно бегают муравьи.

Около этих столбов теплее, чем в лесу (или, может быть, так только кажется). Поэтому здесь всегда садишься отдохнуть, прилонившись к столбу спиной, слушая тихий гул вершин, глядя на небо. Оно хорошо видно над просеками. По нему медленно плывут облака с серебряными краями. Должно быть, можно просидеть так неделю, и месяц и не увидеть ни одного человека <...>

В поисках слов нельзя пренебрегать ничем. Никогда не знаешь, где найдёшь настоящее слово.

Изучая море, морское дело и язык моряков, я начал читать лоции — справочные книги для капитанов. В них были собраны все сведения о том или ином море: описание глубин, течений, ветров, берегов, портов, маячных огней, подводных скал, мелей

и всего, что необходимо знать для благополучного плавания. Существуют лоции всех морей.

Первая лоция, попавшая мне в руки, была лоция Чёрного и Азовского морей. Я начал читать её и был поражён великолепным её языком, точным и неуловимо своеобразным.

Вскоре я узнал причину этого своеобразия: безыменные лоции издавались с начала XIX века через равный промежуток лет, причём каждое поколение моряков вносило в них свои поправки. Поэтому вся картина изменения языка больше чем за сто лет с полной наглядностью отражена в лоции. Рядом с современным языком мирно существует язык наших прадедов и дедов.

По лоции можно судить, как резко изменились некоторые понятия. Например, о самом жестоком и разрушительном ветре — новороссийском норд-осте (боре) — в лоции говорится так:

«Во время норд-оста берега покрываются густою мрачностью».

Для наших прадедов «мрачность» означала чёрный туман, для нас она — наше душевное состояние.

Вся морская терминология, так же как и разговорный язык моряков, великолепна. Почти о каждом слове можно писать поэмы, начиная от «розы ветров» и кончая «гремящими сороковыми широтами» (это не поэтическая вольность, а наименование этих широт в морских документах).

А какая крылатая романтика живёт во всех этих фрегатах и баркантинах, шхунах и клиперах, вантах и реях, кабестанах и адмиралтейских якорях, «собачьих» вахтах, звоне склянок и лагах, гуле машинных турбин, сиренах, кормовых флагах, полных штормах, тайфунах, туманах, ослепительных штилях, плавающих маяках, «приглубых» берегах и «обрубистых» мысах, узлах и кабельтовах — во всём том, что Александр Грин называл «живописным трудом мореплавания».

Язык моряков крепок, свеж, полон спокойного юмора. Он заслуживает отдельного исследования, так же как и язык людей многих других профессий.

АЛМАЗНЫЙ ЯЗЫК

Многие русские слова сами по себе излучают поэзию, подобно тому как драгоценные камни излучают таинственный блеск.

Я понимаю, конечно, что ничего таинственного в их блеске нет и что любой физик легко объяснит это явление законами оптики.

Но всё же блеск камней вызывает ощущение таинственности. Трудно примириться с мыслью, что внутри камня, откуда льются сияющие лучи, нет собственного источника света.

Это относится ко многим камням, даже к такому скромному, как аквамарин. Цвет его нельзя точно определить. Для него ещё не нашли подходящего слова.

Аквамарин считается по своему имени (аква марин — «морская вода») камнем, передающим цвет морской волны. Это не совсем так. В прозрачной его глубине есть оттенки мягкого зеленоватого цвета и бледной синевы. Но всё своеобразие аквамарина заключается в том, что он ярко освещён изнутри совершенно серебряным (именно серебряным, а не белым) огнём.

Кажется, что если взглядеться в аквамарин, то увидишь тихое море с водой цвета звёзд.

Очевидно, эти цветовые и световые особенности аквамарина и других драгоценных камней и вызывают у нас чувство таинственности. Их красота нам всё же кажется необъяснимой.

Сравнительно легко объяснить происхождение «поэтического излучения» многих наших слов. Очевидно, слово кажется нам поэтическим в том случае, когда оно передаёт понятие, наполненное для нас поэтическим содержанием.

Но действие самого слова (а не понятия, которое оно выражает) на наше воображение, хотя бы, к примеру, такого простого слова, как «зарница», объяснить гораздо труднее. Самое звучание этого слова как бы передаёт медленный ночной блеск далёкой молнии.

Конечно, это ощущение слов очень субъективно. На нём нельзя настаивать и делать его общим правилом. Так я воспринимаю

и слышу это слово. Но я далёк от мысли навязывать это восприятие другим.

Бесспорно лишь то, что большинство таких поэтических слов связано с нашей природой.

Русский язык открывается до конца в своих поистине волшебных свойствах и богатстве лишь тому, кто кровно любит и знает «до косточки» свой народ и чувствует сокровенную прелесть нашей земли.

Для всего, что существует в природе, — воды, воздуха, неба, облаков, солнца, дождей, лесов, болот, рек и озёр, лугов и полей, цветов и трав — в русском языке есть великое множество хороших слов и названий.

Чтобы убедиться в этом, чтобы изучить ёмкий и меткий словарь, у нас есть, помимо книг таких знатоков природы и народного языка, как Кайгородов, Пришвин, Горький, Алексей Толстой, Аксаков, Лесков, Бунин и многие другие писатели, главный и неиссякаемый источник языка — язык самого народа, язык колхозников, паромщиков, пастухов, пасечников, охотников, рыбаков, старых рабочих, лесных объездчиков, бакенщиков, кустарей, сельских живописцев, ремесленников и всех тех бывалых людей, у которых что ни слово, то золото...

ЯЗЫК И ПРИРОДА

Я уверен, что для полного овладения русским языком, для того, чтобы не потерять чувство этого языка, нужно не только постоянное общение с простыми русскими людьми, но общение с пажитями и лесами, водами, старыми ивами, с пересвистом птиц и с каждым цветком, что кивает головой из-под куста лещины.
<...>

Я уже упоминал о зарнице.

Чаще всего зарницы бывают в июле, когда созревают хлеба. Поэтому и существует народное поверие, что зарницы «зарят хлеб» — освещают его по ночам — и от этого хлеб наливаются быстрее.

Рядом с зарницей стоит в одном поэтическом ряду слово «заря» — одно из прекраснейших слов русского языка.

Это слово никогда не говорят громко. Нельзя даже представить себе, чтобы его можно было прокричать. Потому что оно сродни той устоявшейся тишине ночи, когда над зарослями деревенского сада занимается чистая и слабая синева. «Развидняет», как говорят об этой поре суток в народе.

В этот заревой час низко над самой землёй пылает утренняя звезда. Воздух чист, как родниковая вода.

В заре, в рассвете, есть что-то девическое, целомудренное. На зорях трава омыта росой, а по деревьям пахнет тёплым парным молоком. И поют в туманах за околицами пастушьи жалейки.

Светает быстро. В тёплом доме тишина, сумрак. Но вот на бревенчатые стены ложатся квадраты оранжевого света, и брёвна загораются, как слоистый янтарь. Восходит солнце.

Осенние зори иные — хмурые, медленные. Дню неохота просыпаться — всё равно не отогреешь озябшую землю и не вернёшь убывающий солнечный свет.

Всё никнет, только человек не сдаётся. С рассвета уже горят печи в избах, дым мотается над сёлами и стелется по земле. А потом, глядишь, и ранний дождь забарабанил по запотевшим стёклам.

Заря бывает не только утренняя, но и вечерняя. Мы часто путаем два понятия — закат солнца и вечернюю зарю.

Вечерняя заря начинается, когда солнце уже зайдёт за край земли. Тогда она овладевает меркнувшим небом, разликает по нему множество красок — от червонного золота до бирюзы — и медленно переходит в поздние сумерки и в ночь.

Кричат в кустах коростели, бьют перепела, гудит выпь, горят первые звёзды, а заря ещё долго дотлевет над далями и туманами.

Северные белые ночи, летние ночи Ленинграда — это непрерывная вечерняя заря или, пожалуй, соединение двух зорь — вечерней и утренней.

Никто не сказал об этом с такой поразительной точностью, как Пушкин:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой её гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская мглу ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.

Эти строки — не только вершины поэзии. В них не только точность, душевная ясность и тишина. В них ещё всё волшебство русской речи.

Если бы можно было представить, что исчезла бы русская поэзия, что исчез бы самый русский язык, а остались от него только эти несколько строк, то и тогда богатство и певучая сила нашего языка были бы ясны каждому. Потому что в этих стихах Пушкина собраны, как в магическом кристалле, все необыкновенные качества нашей речи.

Тот народ, который создал такой язык, — поистине великий и счастливый народ.

«Родное слово» К. Д. Ушинского

ИЗ «РОДНОГО СЛОВА»

ВЕТЕР И СОЛНЦЕ

Однажды Солнце и сердитый северный Ветер затеяли спор о том, кто из них сильнее. Долго спорили они и наконец решились померяться силами над путешественником, который в это самое время ехал верхом по большой дороге.

— Посмотри, — сказал Ветер, — как я налечу на него: мигом сорву с него плащ.

Сказал и начал дуть что было мочи. Но чем более старался Ветер, тем крепче закутывался путешественник в свой плащ: он ворчал на непогоду, но ехал всё дальше и дальше. Ветер сердился, свирепел, осыпал бедного путника дождём и снегом; проклиная Ветер, путешественник надел свой плащ в рукава и подвязался поясом. Тут уже Ветер и сам убедился, что ему плаща не сдёрнуть. Солнце, видя бессилие своего соперника, улыбнулось, выглянуло из-за облаков, обогрело, осушило землю, а вместе с тем и бедного полузамёрзшего путешественника. Почув-

Константин Дмитриевич Ушинский
(1823–1870)

ствовав теплоту солнечных лучей, он приободрился, благословил Солнце, сам снял свой плащ, свернул его и привязал к седлу.

– Видишь ли, — сказала тогда кроткое Солнце сердитому Ветру, — лаской и добротой можно сделать гораздо более, чем гневом.

СОЛНЦЕ И БОРЕЙ

Солнцу раз сказал Борей:
«Солнце, ярко ты сияешь!
Ты всю землю оживляешь
Теплотой своих лучей!..
Но сравнишься ль ты со мною?
Я сто раз тебя сильнее!
Захочу — пушусь, завою
И в минуту мраком туч
Потемню твой яркий луч.
Всей земле своё сиянье
Ты без шума раздаёшь,
Тихо на небо взойдёшь,
Продолжаешь путь в молчанье,
И закат спокоен твой!
Мой обычай не такой!
С рёвом, свистом я летаю,
Всем верчу, всё возмущаю,
Всё дрожит передо мной!
Так не я ли царь земной?..
И труда не будет много
То на деле доказать!
Хочешь власть мою узнать?
Вот, гляди: большой дорогой
Путешественник идёт;
Кто скорей с него сорвёт
Плащ, которым он накрылся, —
Ты иль я?..» И вмиг Борей
Всею силою своей

Как неистовый пустился
С путешественником в бой.
Тянет плащ с него долой.
Но напрасно он хлопочет...
Путешественник вперёд
Всё идёт себе, идёт,
Уступить никак не хочет
И плаща не отдаёт.
Наконец Борей в досаде
Замолчал; и вдруг из туч
Показало Солнце луч,
И при первом Солнца взгляде,
Оживлённый теплотой,
Путешественник по воле
Плащ, ему не нужный боле,
Снял с себя своей рукой.
Солнце весело блеснуло
И сопернику шепнуло:
«Безрассудный мой Борей!
Ты расхвастался напрасно!
Видишь: злобы самовластной
Милость кроткая сильней!»

В. А. Жуковский

ХЛЕБ

Земля кормит человека, но кормит не даром. Много должны потрудиться люди, чтобы поле вместо травы, годной только для скота, дало рожь для чёрного хлеба, пшеницу для булки, гречу и просо для каши.

Сначала земледелец пашет поле *сохою*, если не нужно пахать глубоко, или *плугом*, если пашет *новину*, или такое поле, что его пахать нужно глубже. Соха легче плуга, и в неё запрягают одну лошадку. Плуг гораздо тяжелее сохи, берёт глубже, и в него впрягают несколько пар лошадей или волов.

Вспахано поле; всё оно покрылось большими глыбами земли, но этого ещё мало. Если поле новое или земля сама по себе очень жирна, то *навоза* не надобно; но если на ниве что-нибудь уже было сеяно и она истощилась, то её надобно удобрить навозом.

Навоз вывозят крестьяне на поле осенью или весною и разбрасывают кучками. Но в кучках навоз мало принесёт пользы: надобно его запахать сохою в землю.

Вот навоз перегнил, но сеять всё ещё нельзя. Земля лежит комьями, а для зёрнышка надобно мягкую постельку. Выезжают крестьяне на поле с зубчатыми бородами: боронят, пока все комья разобьются, и тогда только начинают сеять.

Сеют или весною, или осенью. Осенью сеют *озимый* хлеб: рожь и озимую пшеницу. Весною сеют яровой хлеб: ячмень, овёс, просо, гречиху и яровую пшеницу.

Озимь всходит ещё с осени, и когда на лугах трава давно пожелтела, тогда озимые поля покрываются всходами, словно зелёным бархатом. Жалко смотреть, как падает снег на такое бархатное поле. Молодые листочки озими под снегом скоро вянут, но тем лучше растут корешки, кустятся и глубже идут в землю. Всю зиму просидит озимь под снегом, а весною, когда снег сойдёт и солнышко пригреет, пустит новые стебельки, новые листки, крепче, здоровее прежних. Дурно только, если начнутся морозы прежде, чем ляжет снег; тогда, пожалуй, озимь может вымерзнуть. Вот почему крестьяне боятся морозов без снега и не жалеют, а радуются, когда озимь прикрывается на зиму толстым снежным одеялом.

КАК РУБАШКА В ПОЛЕ ВЫРОСЛА

Увидела Таня, как отец её горстями разбрасывал по полю маленькие блестящие зёрна, и спрашивает:

– Что ты, тятя, делаешь?

– А вот сею леноч, дочка; вырастет рубашка тебе и Васютке.

Задумалась Таня: никогда она не видала, чтобы рубашки в поле росли.

Недели через две покрылась полоска зелёною шелковистой травкой, и подумала Таня: «Хорошо, если бы у меня была такая рубашечка!» Раза два мать и сёстры Тани приходили полоску полоть и всякий раз говорили девочке: «Славная у тебя рубашечка будет!» Прошло ещё несколько недель; травка на полоске поднялась, и на ней показались голубые цветочки. «У братца Васи такие глазки, — подумала Таня, — но рубашечек таких я ни на ком не видала».

Когда цветочки опали, то на место их показались зелёные головки. Когда головки забурели и подсохли, мать и сёстры Тани повыдергали весь лён с корнем, навязали снопиков и поставили их на поле просохнуть.

II

Когда лён просох, то стали у него головки отрезывать, а потом потопили в речке безголовые пучки и ещё камнем сверху навалили, чтобы не всплыл.

Печально смотрела Таня, как её рубашечку топят, а сёстры тут ей опять сказали: «Славная у тебя, Таня, рубашка будет!»

Недели через две вынули лён из речки, просушили и стали колотить сначала доской на гумне, потом *трепалом* на дворе, так что от бедного льна летела *кострика* во все стороны. Вытрепавши, стали лён чесать железным гребнем, пока он сделался мягким и шелковистым. «Славная у тебя рубашка будет!» — опять сказали Тане сёстры. Но Таня подумала: «Где же тут рубашка? Это похоже на волоски Васи, а не на рубашку».

III

Настали длинные зимние вечера. Сёстры Тани надели лён на гребни и стали из него нитки прясть. «Это нитки, — думает Таня. — А где же рубашечка?»

Прошла зима, весна и лето, настала осень. Отец установил в избе *кросна*, натянул из них основу и начал ткать. Забегал проворно челночок между нитками, и тут уже Таня сама увидела, как из ниток выходит холст.

Когда холст был готов, стали его на морозе морозить, по снегу расстилать; а весной расстилали его по траве на солнышке и взбрызгивали водой. Сделался холст из серого белым, как кипень.

Настала опять зима. Накроила из холста мать рубашек; принялись сёстры рубашки шить и к Рождеству надели на Таню и Васю новые белые, как снег, рубашечки.

ПЧЁЛКИ НА РАЗВЕДКАХ

Настала весна; солнце согнало снег с полей; в пожелтевшей, прошлогодней травке проглядывали свежие ярко-зелёные стебельки; почки на деревьях раскрывались и выпускали молоденькие листочки.

Вот проснулась и пчёлка от своего зимнего сна, прочистила глазки мохнатыми лапками, разбудила подруг, и выглянули они в окошечко разведать — ушёл ли снег, и лёд, и холодный северный ветер?

Видят пчёлки, что солнышко светит ярко, что везде светло и тепло; выбрались они из улья и полетели к яблоньке:

— Нет ли у тебя, яблонька, чего-нибудь для бедных пчёл? Мы целую зиму голодали!

— Нет, — говорит им яблонька. — Вы прилетели слишком рано: мои цветы ещё спрятаны в почках. Попробуйте у вишни.

Полетели пчёлки к вишне:

— Милая вишенка! Нет ли у тебя цветочка для голодных пчёл?

— Наведайтесь, милочки, завтра, — отвечает им вишня. — Сегодня ещё нет на мне ни одного открытого цветочка; а когда откроются, я буду рада гостям.

Полетели пчёлки к тюльпану; заглянули в его пёструю головку, но не было в ней ни запаха, ни мёду.

Печальные и голодные пчёлки хотели уже домой лететь, как увидели под кустиком скромный тёмно-синий цветочек: это была фиалочка. Она открыла пчёлкам свою чашечку, полную аромата и сладкого сока. Наелись, напились пчёлки и полетели домой веселёшеньки.

ЛАСТОЧКА

Мальчик осенью хотел разорить прилепленное под крышей гнездо ласточки, в котором хозяев уже не было: почуяв приближение холодов, они улетели.

– Не разоряй гнезда, — сказал мальчику отец. — Весной ласточка опять прилетит, и ей будет приятно найти свой прежний домик.

Мальчик послушался отца.

Прошла зима, и в конце апреля пара острокрылых красивеньких птичек, весёлых, щебечущих, прилетела и стала носиться вокруг старого гнёздышка. Работа закипела, ласточки таскали в носиках глину и ил из ближнего ручья. И скоро гнёздышко, немного попортившееся за зиму, было отделано заново. Потом ласточки стали таскать в гнездо то пух, то пёрышко, то стебелёк моха.

Прошло ещё несколько дней, и мальчик заметил, что уже только одна ласточка вылетает из гнезда, а другая остаётся в нём постоянно.

«Видно, она наносила яичек и сидит теперь на них», — подумал мальчик.

В самом деле, недели через три из гнезда стали выглядывать крошечные головки. Как рад был теперь мальчик, что не разорил гнёздышка!

Сидя на крылечке, он по целым часам смотрел, как заботливые птички носились по воздуху и ловили мух, комаров и мошек. Как быстро сновали они взад и вперёд, как неумоимо добывали

пищу своим деткам! Мальчик дивился, как это ласточки не устают летать целый день, не приседая почти ни на одну минуту, и выразил своё удивление отцу.

— Посмотри, какие у ласточки длинные большие крылья и хвост, в сравнении с маленьким лёгким туловищем и такими крошечными ножками, что ей почти не на чем сидеть, вот почему она может летать так быстро и долго. Если бы ласточка умела говорить, то такие бы диковинки рассказала она тебе — о южно-русских степях, о крымских горах, покрытых виноградом, о бурном Чёрном море, которое ей нужно было пролететь, не присевши ни разу, о Малой Азии, где всё цвело и зеленело, когда у нас выпал уже снег, о голубом Средиземном море, где пришлось ей раз или два отдохнуть на островах, об Африке, где она вила себе гнёздышко и ловила мошек, когда у нас стояли крещенские морозы.

— Я не думал, что ласточки улетают так далеко, — сказал мальчик.

— Да и не одни ласточки, — продолжал отец. — Жаворонки, перепела, дрозды, кукушки, дикие утки, гуси и множество других птиц, которых называют перелётными, также улетают от нас на зиму в тёплые страны. Для одних довольно и такого тепла, какое бывает зимою в Южной Германии и Франции, другим нужно перелететь высокие снежные горы, чтобы приютиться на зиму в цветущих лимонных и померанцевых рощах Италии и Греции, третьим надобно лететь ещё дальше, перелететь всё Средиземное море, чтобы вывести и накормить детей где-нибудь на берегах Нила.

— Отчего же они не остаются в тёплых странах целый год, — спросил мальчик, — если там так хорошо?

— Видно, им недостаёт корма для детей или, может быть, уж слишком жарко. Но ты вот чему подивись: как ласточки, пролетая тысячи четыре вёрст, находят дорогу в тот самый дом, где у них построено гнездо?..

О «РОДНОМ СЛОВЕ» К. Д. УШИНСКОГО

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

КНИЖКА С КАРТИНКАМИ (ВОСПОМИНАНИЯ)

I

В радужной перспективе детских воспоминаний живыми являются не одни люди, а и те неодушевлённые предметы, которые так или иначе были связаны с маленькой жизнью начинающего маленького человека. И сейчас я думаю о них как о живых существах, снова переживая впечатления и ощущения далёкого детства.

В этих немых участниках детской жизни на первом плане, конечно, стоит детская книжка с картинками... Это была та живая нить, которая выводила из детской комнаты и соединяла с остальным миром. Для меня до сих пор каждая детская книжка является чем-то живым, потому что она пробуждает детскую душу, направляет детские мысли по определённом руслу и заставляет биться детское сердце вместе с миллионами других детских сердец. Детская книга — это весенний солнечный луч, который заставляет пробуждаться дремлющие силы детской души и вызывает рост брошенных на эту благодарную почву семян. Дети благодаря именно этой книжке сливаются в одну громадную духовную семью, которая не знает этнографических и географических границ.

Здесь мне приходится сделать небольшое отступление, именно, по поводу современных детей, у которых приходится сплошь и рядом наблюдать полное неуважение к книге. Растрёпанные переплёты, следы грязных пальцев, загнутые углы листов, всевозможные каракули на полях — одним словом, в результате получается книга-калека. Может быть, здесь виноваты взрослые, которые подают живой пример своим детям. Спросите каждого библиотекаря, как его сердце обливается кровью, когда у него на

глазах совершенно новая книга превращается в грязную тряпку. Кто пишет на полях нелепые замечания? Кто и для какой цели вырывает из середины целые страницы? Вообще, кому нужно увечить книгу и безобразить её? Особенно, конечно, страдают рисунки. В лучшем случае, их вырывают «с мясом», а в худшем — портят пером, карандашом и красками. Тут даже не простое неуважение к книге, а какое-то злобное отношение к ней. Трудно понять причины всего этого, и можно допустить только одно объяснение, именно, что нынче выходит слишком много книг, они значительно дешевле и как будто потеряли настоящую цену среди других предметов домашнего обихода. У нашего поколения, которое помнит дорогую книгу, сохранилось особенное уважение к ней как к предмету высшего духовного порядка, несущего в себе ярую печать таланта и святого труда.

II

Как сейчас, вижу старый деревянный дом, глядевший на площадь пятью большими окнами. Он был замечателен тем, что с одной стороны окна выходили в Европу, а с другой — в Азию. Водораздел Уральских гор находился всего в четырнадцать верстах.

— Вон те горы уже в Азии, — объяснял мне отец, показывая на громоздившиеся к горизонту силуэты далёких гор. — Мы живём на самой границе...

В этой «границе» заключалось для меня что-то особенно таинственное, разделявшее два совершенно несоизмеримых мира. На востоке горы были выше и красивее, но я любил больше запад, который совершенно прозаически заслонялся невысокой горкой Кокурниковой. В детстве я любил подолгу сидеть у окна и смотреть на эту гору. Мне казалось иногда, что она точно сознательно загораживала собой все те чудеса, которые мерещились детскому воображению на таинственном далёком западе. Ведь всё шло оттуда, с запада, начиная с первой детской книжки с картинками... Восток не давал ничего, и в детской душе просыпалась, росла и назревала таинственная тяга именно на запад. Кстати, наша угловая комната, носившая название чайной, хотя в ней

и не пили чая, выходила окном на запад и заключала в себе заветный ключ к этому западу, и я даже сейчас думаю о ней, как думают о живом человеке, с которым связаны дорогие воспоминания.

Душой этой чайной, если можно так выразиться, являлся книжный шкаф. В нём, как в электрической батарее, сосредоточилась неиссякаемая таинственная могучая сила, вызвавшая первое брожение детских мыслей. И этот шкаф мне кажется тоже живым существом. Его появление у нас составляло целое событие.

Мой отец, небогатый заводский священник, страстно любил книги и затрачивал на них последние гроши. Но ведь для книг нужен шкаф, а это

вещь слишком дорогая, да, кроме того, в нашем маленьком заводе не было и такого столяра, который сумел бы его сделать. Пришлось шкаф заказать в соседнем Тагильском заводе, составлявшем главный центр округа Демидовских заводов. Когда шкаф был сделан, его нужно было привезти, а это тоже дело нелёгкое. Помню, как мы ждали несколько недель, прежде чем подвернулась подходящая оказия. Его привезли зимой, вечером, в порожнем угольном коробе. Это было уже настоящее торжество. В детстве я не знал другой вещи более красивой. Представьте себе две тумбы, на них письменный стол, на нём две маленьких тумбы, а на них уже самый шкаф со стеклянными дверками. Выкрашен он был в коричневую краску и покрыт лаком, который, к общему нашему огорчению, скоро растрескался и облупился благодаря плутовству мастера, пожалевшего масла на краску. Но этот недостаток нисколько не мешал нашему книжному шкафу быть самой замечательной вещью в свете, — особенно когда на его полках разместились переплетённые томики сочинений Гоголя,

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк
(1852–1912)

Карамзина, Некрасова, Кольцова, Пушкина и многих других авторов.

— Это наши лучшие друзья, — любил повторять отец, указывая на книги. — И какие дорогие друзья... Нужно только подумать, сколько нужно ума, таланта и знаний, чтобы написать книгу. Потом её нужно издать, потом она должна сделать далёкий-далёкий путь, пока попадёт к нам на Урал. Каждая книга пройдёт через тысячи рук, прежде чем встанет на полочку нашего шкафа.

Всё это происходило в самом конце пятидесятых годов, когда в уральской глуши не было ещё и помину о железных дорогах и телеграфах, а почта приходила с оказией. Не было тогда самых простых удобств, которых мы сейчас даже не замечаем, как, например, самая обыкновенная керосиновая лампа. По вечерам сидели с салными свечами, которые нужно было постоянно «снимать», то есть снимать нагар со светильни. Счёт шёл ещё на ассигнации, и тридцать копеек считались за рубль пять копеек. Самовары и ситцы составляли привилегию только богатых людей. Газеты назывались «Ведомостями», иллюстрированные издания почти отсутствовали, за исключением двух-трёх, да и то с такими аляповатыми картинками, каких не решатся сейчас поместить в самых дешёвых книжонках. Одним словом, книга ещё не представляла необходимой части ежедневного обихода, а некоторую редкость и известную роскошь.

III

Как всё это было давно, и вместе с тем точно всё было вчера. Каких-нибудь сорок лет — и всё кругом изменилось. В какую глушь сейчас не приходят великолепные иллюстрированные издания необыкновенной дешевизны? Где вы не встретите иллюстрированный журнал, иллюстрированную детскую книжку или детский журнал?

Наша библиотека была составлена из классиков, и в ней — увы! — не было ни одной детской книжки... В своём раннем детстве я даже не видал такой книжки. Книги добывались длинным путём выписывания из столиц или случайно попадали при

посредстве офеней-книгонош. Мне пришлось начать чтение прямо с классиков, как дедушка Крылов, Гоголь, Пушкин, Гончаров и т.д. Первую детскую книжку с картинками я увидел только лет десяти, когда к нам на завод поступил новый заводский управитель из артиллерийских офицеров, очень образованный человек. Как теперь помню эту первую детскую книжку, название которой я, к сожалению, позабыл. Зато отчётливо помню помещённые в ней рисунки, особенно живой мост из обезьян и картины тропической природы. Лучше этой книжки потом я, конечно, не встречал.

В нашей библиотеке первой детской книжкой явился «Детский мир» Ушинского. Эту книгу пришлось выписывать из Петербурга, и мы ждали её каждый день в течение чуть не трёх месяцев. Наконец, она явилась и была, конечно, с жадностью прочитана от доски до доски. С этой книги началась новая эра. За ней явились рассказы Разина, Чистякова и другие детские книги. Моей любимой книжкой сделались рассказы о завоевании Камчатки. Я прочитал её десять раз и знал почти наизусть. Нехитрые иллюстрации дополнялись воображением. Мысленно я проделывал все геройские подвиги казаков-завоевателей, плавал в лёгких алеутских байдарках, питался гнилой рыбой у чукчей, собирал гагачий пух по скалам и умирал от голода, когда умирали алеуты, чукчи и камчадалы. С этой книжки путешествия сделались моим любимым чтением, и любимые классики на время были забыты. К этому времени относится чтение «Фрегата „Паллады“» Гончарова. Я с нетерпением дожидался вечера, когда мать кончала дневную работу и усаживалась к столу с заветной книгой. Мы путешествовали уже вдвоём, деля поровну опасности и последствия кругосветного путешествия. Где мы не были, чего не испытали, и плыли всё вперёд и вперёд, окрылённые жаждой видеть новые страны, новых людей и неизвестные нам формы жизни. Встречалось, конечно, много неизвестных мест и непонятных слов, но эти «подводные камни» обходились при помощи словаря иностранных слов и распространённых толкований.

Обязательные слова

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Задремали звёзды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.

Улыбнулись сонные берёзы,
Растрепали шёлковые косы.
Шелестят зелёные серёжки,
И горят серебряные росы.

У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»

С. Есенин

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

В небытие теперь уходит часто
Извечный смысл давно знакомых слов.
Всегда ли мы, роняя слово «здравствуй»,
И впрямь хотим, чтоб кто-то был здоров?

Всегда ли помним, что самой любовью
Был побуждаем в древности народ,
Желая высшей благости — здоровья —
Всем, с кем судьба когда-нибудь сведёт.

Слова с рожденья ждёт жестокий выбор.
Не всякий возглас в речи выжить смог.
Но вот звучат во все века «спасибо»!
Спаси, мол, брат, тебя за это Бог!

И также срок нам видится немалый,
С тех пор, как просьба в речи принята.
Мы говорим по-прежнему «пожалуй»
С частицей величательною «ста».

Касаются веков сквозные грани.
И снова в нас преемственность жива.
И из старинных лучших пожеланий
Кроются наши русские слова!

Н.Веселовская

ЗДРАВСТВУЙТЕ

Мне навстречу попалась крестьянка,
Пожилая,
Вся в платках (даже сзади крест-накрест).
Пропуская её по тропинке, я в сторону резко шагнул,
По колено увязнув в снегу.
– Здравствуйте! —
Поклонившись, мы друг другу сказали,
Хоть были совсем незнакомы.
– Здравствуйте! —
Что особого тем мы друг другу сказали?
Просто «здравствуйте», больше ведь мы ничего не сказали.
Отчего же на капельку солнца прибавилось в мире?
Отчего же на капельку счастья прибавилось в мире?
Отчего же на капельку радостней сделалась жизнь?
– Здравствуйте! — был ведь когда-то обычай такой.
Мы его в городах потеряли,
Потому что нельзя ж перекланяться всем,
Кто ходит по улице Горького,
В ГУМе толпится,

И даже кто вместе с тобой приходит в театр, на спектакль.
– Здравствуйте! —
Был ведь, был ведь прекрасный обычай у русских
Поклониться друг другу при встрече
(Хотя бы совсем незнакомы)
И «здравствуйте» тихо сказать.
«Здравствуйте!» — то есть будьте в хорошем здоровье,
Это — главное в жизни.
Я вам главного, лучшего в жизни желаю.
– Здравствуйте! Я вас встретил впервые.
Но я — человек, и вы — человек.
Мы люди на этой земле. —
Поклонимся же друг другу при встрече
И тропинку друг другу уступим
(Если даже там снег,
Если даже там грязь по колено).
– Здравствуйте,
Как я рад,
Что могу вам это сказать!

В. Солоухин

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

С ним я подружился знойным летом,
В дни, когда у деда был подпаском,
В дни, когда не думал быть поэтом,
Зная мир по бабушкиным сказкам.
— Здравствуйте! —
Негромким этим словом
Я его приветствовал вначале.
Я его поизносил коровам,
Но они, как дед, всегда молчали.
А когда я в луг шагал с обедом,
Кто-то крикнул мне в ответ:
– Здорово!

Я любил свой кнут, сплетённый дедом,
Но ещё сильнее — это слово.

Я любил сидеть с кнутом у вяза
Перед садом за селом заречным,
Повторяя за день по три раза
– Здравствуйте! —
Одним и тем же встречным.

Нравилось, как сумрачные лица
Озарялись весело при этом.
Разве мог тогда я не влюбиться
В слово, переполненное светом!

Д. Блынский

Я очень устала не слушаться маму
И в наказание гулять не ходить.
Обиды творить то коту, то дивану
И слёзы украдкой тихонечко лить.
А нужно лишь просто сказать:
«Простите!»

И слёзы просохнут, и грусть улетит.
Я знаю, что с мамой бывает всегда так:
Прощенья попросишь —
И мама простит.

Л. Воронина

УРОК ВЕЖЛИВОСТИ

Слон муравью уступает дорогу:
– Доброе утро! Спешим понемногу?
А муравей: — Ах, спасибо, спешу.
Как вы любезны! Прощенья прошу!

Жаворонок в небе
Так сказал орлу:
– Вы, орёл, устали, сядьте на скалу.
А орёл ответил: — Правильно, сынок,
Много лет живу я, вот и занемог.
И тебе желаю долго жить, как я, —
Пусть тебе поможет вежливость твоя.
В небе красивый закат догорал,
Ласковый ветер с травой играл,
Суслик сказал: — Уважаемый крот,
День угасает, и ночь настаёт,
Скоро взойдёт золотая луна...
– Доброй вам ночи. Спокойного сна.

М. Алимбаев

«Спасибо!», «Простите!»,
«Пожалуйста!», «Здравствуйте!» —
Щедро дарите!
Дарите прохожим,
Друзьям и знакомым.
В троллейбусе,
В парке,
И дома.
Слова эти очень
И очень важны.
Они человеку
Как воздух
Нужны.
Без них невозможно
На свете прожить.
Слова эти надо
С улыбкой дарить.

В. Кудлачёва

Доброта нужна всем людям,
Пусть побольше добрых будет.
Говорят не зря при встрече
«Добрый день» и «Добрый вечер».
И не зря ведь есть у нас
Пожеланье «В добрый час».
Доброта — она от века
Украшенье человека...

– Добрый день! — тебе сказали,
– Добрый день! — ответил ты.
Как две ниточки связали
Теплоты и доброты.

Неизв. автор

Валентина Александровна Осеева

ЧУДЕСНОЕ СЛОВО

Маленький старичок с длинной седой бородой сидел на скамейке и зонтиком чертил что-то на песке.

– Подвиньтесь, — сказал ему Павлик и присел на край.

Старик подвинулся и, взглянув на красное сердитое лицо мальчика, сказал:

– С тобой что-то случилось?

– Ну и ладно! А вам-то что? — покосился на него Павлик.

– Мне ничего. А вот ты сейчас кричал, плакал, ссорился с кем-то...

– Ещё бы! — сердито буркнул мальчик. — Я скоро совсем убегу из дому.

– Убежишь?

– Убегу! Из-за одной Ленки убегу. — Павлик сжал кулаки. — Я ей сейчас чуть не поддал хорошенько! Ни одной краски не даёт! А у самой сколько!

– Не даёт? Ну, из-за этого убежать не стоит.

– Не только из-за этого. Бабушка за одну морковку из кухни меня прогнала... прямо тряпкой, тряпкой...

Павлик засопел от обиды.

– Пустяки! — сказал старик. — Один поругает, другой пожалеет.

– Никто меня не жалеет! — крикнул Павлик. — Брат на лодке едет кататься, а меня не берёт. Я ему говорю: «Возьми лучше, всё равно я от тебя не отстану, вёсла утащу, сам в лодку залезу!»

Павлик стукнул кулаком по скамейке. И вдруг замолчал.

– Что же, не берёт тебя брат?

– А почему Вы всё спрашиваете?

Старик разгладил длинную бороду:

– Я хочу тебе помочь. Есть такое чудесное слово...

Павлик раскрыл рот.

– Я скажу тебе это слово. Но помни: говорить его надо тихим голосом, глядя прямо в глаза тому, с кем говоришь. Помни — тихим голосом, глядя прямо в глаза...

– А какое слово?

Старик наклонился к самому уху мальчика. Мягкая борода его коснулась Павликовой щеки. Он прошептал что-то и громко добавил:

– Это чудесное слово. Но не забудь, как нужно говорить его.

– Я попробую, — усмехнулся Павлик, — я сейчас же попробую. — Он вскочил и побежал домой.

Лена сидела за столом и рисовала. Краски — зелёные, синие, красные — лежали перед ней. Увидев Павлика, она сейчас же сгребла их в кучу и накрыла рукой.

«Обманул старик! — с досадой подумал мальчик. — Разве такая поймёт чудесное слово!..»

Павлик боком подошёл к сестре и потянул её за рукав. Сестра оглянулась. Тогда, глядя ей в глаза, тихим голосом мальчик сказал:

– Лена, дай мне одну краску... пожалуйста...

Лена широко раскрыла глаза. Пальцы её разжались, и, снимая руку со стола, она смущённо пробормотала:

– Ка-кую тебе?

— Мне синюю, — робко сказал Павлик. Он взял краску, подержал её в руках, походил с нею по комнате и отдал сестре. Ему не нужна была краска. Он думал теперь только о чудесном слове.

«Пойду к бабушке. Она как раз стряпает. Прогонит или нет?»

Павлик отворил дверь в кухню. Старушка снимала с противня горячие пирожки.

Внук подбежал к ней, обеими руками повернул к себе красное морщинистое лицо, заглянул в глаза и прошептал:

— Дай мне кусочек пирожка... пожалуйста.

Бабушка выпрямилась. Чудесное слово так и засияло в каждой морщинке, в глазах, в улыбке.

— Горяченького... горяченького захотел, голубчик мой! — приговаривала она, выбирая самый лучший, румяный пирожок.

Павлик подпрыгнул от радости и расцеловал её в обе щеки.

За обедом Павлик сидел притихший и прислушивался к каждому слову брата. Когда брат сказал, что поедет кататься на лодке, Павлик положил руку на его плечо и тихо попросил:

— Возьми меня, пожалуйста.

За столом сразу все замолчали. Брат поднял брови и усмехнулся.

— Возьми его, — вдруг сказала сестра. — Что тебе стоит!

— Ну, отчего же не взять? — улыбнулась бабушка. — Конечно, возьми.

— Пожалуйста, — повторил Павлик. Брат громко засмеялся, потрепал мальчика по плечу, взъерошил ему волосы:

— Эх ты, путешественник! Ну ладно, собирайся!

«Помогло! Опять помогло!»

Павлик выскочил из-за стола и побежал на улицу. Но в сквере уже не было старика. Скамейка была пуста, и только на песке остались начерченные зонтиком непонятные знаки.

Осеева Валентина Александровна
(1902–1969)

Святые слова

ЦЕРКОВНАЯ МОЛИТВА

Вот мирная семья смиренных поселян
На благовест любви, сзывающий мирян,
Толпою соберётся в день воскресный,
И молятся они, чтобы Отец Небесный
Послал им вышний мир, чтобы за их труды
Им принесла земля обильные плоды;
Чтоб день был совершен, свят, мирен и безгрешен;
Чтоб исцелел больной, чтоб скорбный был утешен;
Живущим верою, хранящим Божий страх,
Трудящимся в молитве и слезах,
Всем странствующим, всем далече в море сущим
Господь послал Свой мир, любовь и благодать;
Чтоб в покаяньи им дни прочие скончать,
Чтоб Ангел мирный, душ их и телес хранитель,
Берёг и стадо их, и поле, и обитель, —
Чтоб помянул Господь во Царствии Своём
Отцов и братию, почивших смертным сном.

П. А. Вяземский

К Тебе, Господь, восстав от сна,
Спешу с молитвой благодарной!
Душа моя любви полна,
Стремится в свет Твой лучезарный.

Отец щедрот! К стопам Твоим
Я припадаю со смиренъем:
«Благослови дела мои
Твоим святым благословеньем».

Р. И.

Святитель Нектарий Эгинский

ПУТЬ К СЧАСТЬЮ

Христианин должен быть вежлив со всеми. Слова и дела его должны дышать благодатью Святого Духа, которая обитает в душе его, чтобы таким образом славилось имя Божие. Тот, кто выверяет каждое слово, тот и выверяет каждое дело. Тот, кто исследует слова, которые собирается сказать, исследует и дела, которые намеревается совершить, и никогда не перейдет границ хорошего и добродетельного поведения. Благодатные речи христианина характеризуются деликатностью и вежливостью. Это то, что рождает любовь, приносит мир и радость. Напротив, грубость порождает ненависть, вражду, скорбь, желание побеждать в спорах, беспорядки и войны.

Святитель Нектарий Эгинский
(1846–1920)

Святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский

О РОДИТЕЛЬСКОМ БЛАГОСЛОВЕНИИ

Благословение по своему имени происходит от благого слова. Если же хотите доискиваться, откуда происходит благое слово, где первоначальный его источник и глубочайший корень его силы, то найдёте у божественного мудреца Иоанна: *В начале бе*

Святитель Филарет (Дроздов;
1782–1867)

Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово... в Том живот бе, и живот бе свет человеком (Ин. 1, 1, 4). Поелику человек сотворён по образу Божию, то из сего самого заключить можно, что и в даре слова он получил нечто по образу творческого Слова Божия. Святой Иоанн доводит эту мысль до высочайшей степени знаменательности, когда говорит, что та самая жизнь или сила, которая есть в Боге Слове, соделалась светом человек. Внутренний свет человека проявляет себя в слове. Итак, поелику Бог Слово *рече... и бысть*, и притом вся *добра зело* (Быт. 1, 36, 31), то неудивительно, что и человек, когда он находится в возвышенном состоянии образа Божия, из полноты веры в Бога Слова, Которого *живот бе свет*

человеком, из глубины благости сердечной изрекает слово, и оно действует, оказывается могущественным, творит благо.

Итак, благословлять, в сильнейшем значении этого слова, значит простирать действие Божия Слова на творения Божии. Благословляющий есть благой волей посредствующий между Словом Божиим и творением Божиим. По сему понятию верховный и всеобщий раздаятель благословений есть Иисус Христос, Ходатай Бога и человек, Богочеловек, в Котором *Слово плоть бысть* (Ин. 1, 14). Вот почему благословение было древнейшей чертой, которой Он означен был ещё Патриархам, например, Аврааму: *и благословятся о семени твоём вси языцы земнии* (Быт. 22, 18). Вот почему и Апостол, желая изобразить благодетельства Христовы роду человеческому, сказал, что Бог Отец благословил нас *всяцем благословением духовным в небесных о Христе* (Еф. 1, 3). Вот почему и (духовные пастыри), преподавая заимствованное благословение, обыкновенно употребляют имя Иисуса Христа в особенности, или в составе имени Пресвятой Троицы, и крестное знамение Христово.

Итак, родители должны благословлять детей своих любящим сердцем и стараться возвысить силу своего естественного благословения, привлекая благочестием и верой силу благодатную.

Дети! Дорожите благословением родителей тысячекратно более, нежели прочим наследством, ибо через оное по вере можете получить благословение Отца, *из Негоже всяко отечество на небесех и на земли именуется* (Еф. 3, 15). *Делом и словом чти отца твоего и матерь, да найдет ти благословение от них. Благословение бо отчее утверждает дома чад* (Сир. 3, 8–9).

ПРИТЧА О МОЛИТВЕ «ОТЧЕ НАШ»

У одного благочестивого отрока спросили:

– Как думаешь, есть на свете такая молитва, которая была бы важнее и нужнее других?

– Конечно, есть! — не задумываясь, ответил тот. — Это молитва, которой научил людей Сам Господь: *«Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя...»*

– Какие же слова тут важнее других?

– *«Да будет воля Твоя»*, — отвечал благочестивый отрок.

– Отчего ты так думаешь?

– Оттого, — сказал отрок, — что не ведает человек, что для него лучше, что полезнее.

Поэтому и просим мы Господа, чтобы воля Его была и на небесах, и на земле. Что с человеком по воле Господней свершается, какой бы она ни была, то и есть самое важное и самое нужное.

(Из «Патерики для детей». Кн. 2.)

СИЛА ПРОСТОЙ МОЛИТВЫ

Бдите и молитесь, да не внидите в напасть:
дух убо бодр, плоть же немощна.
(Мф. 26, 41)

Когда началась война, Андрея забрали одним из первых. Наскоро обучили — и на передовую. В первые месяцы 1941 года немцы быстро наступали, окружая и уничтожая многие русские части. Так случилось и с ним.

Ночью, когда он с другом спал в одной хате, село было окружено. Из окна они видели, как колонна танков прошла по улице, потом проехали мотоциклисты, после всех появились автоматчики с собаками. Заходили в каждую хату. Тех, кто выскакивал на улицу, немедленно убивали. Если кто стрелял из окна, то просто сжигали хату вместе со всеми, кто там был. Да и что сделаешь с винтовкой против автомата? Тех же, кого находили с поднятыми руками, выводили и увозили на грузовиках.

От страха Андрей начал молиться, да только из всех молитв, что его мать учила, ничего припомнить не мог, кроме какого-то начала: *«Живый в помощи Вышняго, живый в помощи Вышняго...»* — только и твердил всё время.

Когда немцы вошли в хату, он с другом залез от страха под кровать. Андрей лежал с краю, а его друг ближе к стенке. *«Живый в помощи Вышняго...»* — продолжал повторять он. Что же немцы? Зашли, сразу вытащили того, кто лежал ближе к стенке, а его оставили, как будто это был мешок или пустое место, совсем не заметили.

Прочесали село, отобрали, что хотели, и уехали. Он же лежал, до ночи повторяя: *«Живый в помощи Вышняго...»*

Лиха беда начало. В первой же деревне, где была церковь, достал нательный крестик и переписал весь псалом. Потом выучил его наизусть. Позже достал и молитвослов, читал, когда мог. Всю войну прошёл, домой вернулся *«живый в помощи Вышняго...»*

СЛОВА

Много слов на земле...

Словом можно убить, словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести.

Словом можно продать, и предать, и купить,
Слово можно в разящий свинец перелить.

Но слова всем словам в языке нашем есть:
Слава, Родина, Верность, Свобода и Честь.

Повторять их не смею на каждом шагу —
Как знамёна в чехле, их в душе берегу.

Кто их часто твердит — я не верю тому,
Позабудет о них он в огне и дыму.

Он не вспомнит о них на горящем мосту,
Их забудет иной на высоком посту.

Тот, кто хочет нажиться на высоких словах,
Оскорбляет героев бесчисленный прах —

Тех, что в тёмных лесах и в траншеях сырых,
Не твердя этих слов, умирали за них.

Пусть разменной монетой не служат они —
Золотым эталоном их в сердце храни!

И не делай их слугами в мелком быту —
Береги изначальною их чистоту.

Когда радость — как буря, иль горе — как ночь,
Только эти слова тебе могут помочь!

В. Шефнер

Любовь! Россия! Солнце! Пушкин! —
Могущественные слова!..

И не от них ли на опушке
Нам распускается листва?

И молодеет не от них ли
Стареющая молодёжь?..
И не при них ли в душах стихли
Зло, низость, ненависть и ложь?
Да, светозарны и лазорны,
Как ты, весенняя листва,
Слова, чьи звуки чудотворны, —
Величественные слова!

И. Северянин

НЕ ТОЛЬКО СЛОВА

В несметном нашем богатстве
Слова драгоценные есть:
Отечество,
Верность,
Братство.
А есть ещё:
Совесьть,
Честь...
Ах, если бы все понимали,
Что это не просто слова,
Каких бы мы бед избежали.
И это не просто слова!

А. Яшин

ЖАЛОСТЬ И НЕЖНОСТЬ

Острая нежность и острая жалость
Рядом вошли в мой дом.
Жалость и нежность, нежность и жалость
Ходят всегда вдвоём.
Ни оправдать, ни понять другого
Люди не могут ещё.

Только жалеют. И нежное слово
Другу кладут на плечо.

Жалость и нежность сплелись, как умели.
Нежность глядит вперёд.
Жалость всё делает в мире белым,
С жалостью нежность идёт.

Архиепископ Иоанн (Шаховской)

Немало встречается злого
В любой человеческой судьбе.
А скажут лишь доброе слово —
И легче на сердце тебе.
Но доброе слово такое
Не каждый умеет найти,
Чтоб справиться другу с тоскою,
Невзгоды осилить в пути.
Нет доброго слова дороже,
Заветного слова того,
Но редко, друзья мои, всё же
Мы вслух произносим его.

М. Шехтер

А как нам добрые слова нужны!
Не раз мы в этом убедились сами,
А может, не слова — дела важны?
– Дела — делами, а слова — словами.
Они живут у каждого из нас,
На дне души до времени хранимы,
Чтоб их произнести в тот самый час,
Когда они другим необходимы.

М. Лисянский

По-русски — «мама», по-грузински — «нана»,
А по-аварски — ласково «баба́».
Из тысяч слов земли и океана
У этого — особая судьба.

Став первым словом в год наш колыбельный,
Оно порой входило в дымный круг
И на устах солдата в час смертельный
Последним зовом становилось вдруг.

На это слово не ложатся тени,
И в тишине, наверно, потому
Слова другие, преклонив колени,
Желают исповедаться ему...

Тайком вздохну, о чём-нибудь горяя,
И, скрыв слезу при ясном свете дня,
«Не беспокойся, — маме говорю я, —
Всё хорошо, родная, у меня».

Тревожится за сына постоянно
Святой любви великая раба —
По-русски — «мама», по-грузински — «нана»,
А по-аварски — ласково «баба́».

Р. Гамзатов

ВСЁ ОНА

Кто вас, дети, больше любит,
Кто вас нежно так голубит
И заботится о вас,
Не смыкая ночью глаз?
— Мама дорогая.

Колыбель кто вам качает,
Кто вам песни напевает,
Кто вам сказки говорит

И игрушки вам дарит?
– Мама дорогая.

Если, дети, вы ленивы,
Непослушны, шаловливы,
Что бывает иногда, —
Кто же слёзы льёт тогда?
– Всё она, родная.

И. Косяков

КРАЙ РОДНОЙ

Лесок весёлый, родные нивы,
Реки извивы,
Цветущий склон,
Холмы и сёла, простор привольный
И колокольный
Певучий звон...
С твоей улыбкой, с твоим страданьем,
С твоим дыханьем
Сливаюсь я —
Необозримый, Христом хранимый,
Мой край родимый,
Любовь моя!

М. Пожарова

Станислав Тимофеевич Романовский

РУСЬ

У каждого народа и государства много песен и стихов о Матери-Родине. Есть они и у моего народа. С малых лет я помню стихотворение Ивана Никитина «Русь»:

Под большим шатром
Голубых небес

Вижу — даль степей
Зеленеется.
И на гранях их,
Выше тёмных туч,
Цепи гор стоят
Великанами...
Широко ты, Русь,
По лицу земли
В красе царственной
Развернулася!..
И во всех концах
Света белого
Про тебя идёт
Слава громкая.

Кто она такая — великая Русь? Сколько ей лет? Как жила она прежде, обувалась-одевалась, бедовала и радовалась? Что ела, что строила и какие песни складывала и пела?

Что обозначает само это загадочное слово — Русь? Как наше прошлое проявляется в нашем настоящем?

Короткое — в один слог всего! — а какое просторное и загадочное слово! Оно пришло к нам из седой древности и навеки осталось с нами.

Учёные высказывали много соображений, что оно обозначает; и кто из учёных прав, а кто — нет, я не знаю. Да и никто, наверное, не знает.

Положа руку на сердце, я считаю, что у слова «Русь» не одно значение, а много, как много притоков у великой реки.

Русь. Русские. Россия. Россияне.

Может быть, слова эти родственны словам: «русло», то есть ложе реки, по которому она течёт; «роса» и производное от него слово «росяница» — обильная роса, лежащая поутру на травах или деревьях.

Есть у слова «Русь» и ещё одно значение, которое я не вычитал в книгах, а услышал из первых уст от живого человека. На севере, за лесами, за болотами, встречаются деревни, где старые

Художник А. Олейник

люди говорят по-старинному. Почти так же, как тысячу лет назад. Тихо-смирно я жил в такой деревне и ловил старинные слова.

Моя хозяйка Анна Ивановна как-то внесла в избу горшок с красным цветком. Говорит, а у самой голос подрагивает от радости:

- Цветочек-то погибал. Я его вынесла на русь — он и зацвёл!
- На Русь? — ахнул я.
- На русь, — подтвердила хозяйка.
- На Русь?!
- На русь.

Я молчу, боюсь, что слово забудется, упорхнёт, — и нет его, откажется от него хозяйка. Или мне послышалось? Записать надо слово. Достал карандаш и бумагу. В третий раз спрашиваю:

– На Русь?..

Хозяйка не ответила, губы поджала, обиделась. Сколько, мол, можно спрашивать? Но увидела огорчение на моём лице, поняла, что я не насмехаюсь, а для дела мне нужно это слово. И ответила, как пропела, хозяйка:

– На русь, соколик, на русь. На самую, что ни на есть, русь.

Осторожней осторожного спрашиваю:

– Анна Ивановна, не обидитесь на меня за назойливость?

Спросить хочу: что такое — русь?

– Русью светлое место зовём. Где солнышко. Да всё светлое, почитай, так зовём. Русый парень. Русая девушка. Русая рожь — спелая. Убирать пора. Не слышал, что ли, никогда?

Я слова вымолвить не могу. У меня слёзы из глаз от радости. Русь — светлое место! Русь — страна света.

Милая светоносная моя Русь, Родина, Родительница моя! Мне всегда виделся не вечерний свет в русом имени твоём, коротком, как вздох счастья.

Мудрые слова-пословицы

ПОСЛОВИЦЫ

О признательности

Хорошо тому добро делать, кто помнит.

Спаси Бог того, кто поит да кормит, а вдвое того, кто хлеб-соль помнит.

Не стыдись, а нагнись да поклонись.

Долг платежом красен.

От учтивых слов язык не отсохнет.

И собака на того не лает, чей хлеб ест.

Как надо благодарить

За хлеб за соль, за щи с квасом, за лапшу, за кашу, за милость Вашу.

О неблагодарности

Вспоил, вскормил на себя врага.

Отогрел змею за пазухой.

За неблагодарных Бог благодарит.

О добродетели

Доброхотна дателя любит Бог.

Добро добро покрывает.

Брось хлеб-соль назад, очутится впереди.

Велико слово: спасибо!

За спасибо солдат год служил.

За спасибо кум пеши в Москву ходил.

За спасибо мужичок в Москву ходил да ещё полспасиба домой принёс.

Своего спасибо не жалеи, а чужого не жди.
«Пожалуйста» не кланяется, а «спасибо» спины не гнёт.

Константин Дмитриевич Ушинский

ТИШЕ ЕДЕШЬ, ДАЛЬШЕ БУДЕШЬ

Катит барин в своей бричке, на тройке, во всю мочь и спрашивает у встречного мужичка: «Далёко ли до города?» Посмотрел мужик на колёса и говорит: «А как тише, барин, поедешь, то к ночи доедешь». Рассердился барин на глупый ответ и велел кучеру погнать лошадей. Не проехал барин и трёх вёрст, как колесо переднее разлетелось; а железная ось с размаху въехала в землю и лопнула пополам. К счастью, неподалёку от дороги была кузница: кое-как дотащили туда бричку и чинили её целый день. Только на другой день к ночи попал барин в город.

ГОРШОК КОТЛУ НЕ ТОВАРИЩ

Кухарка мыла на реке глиняный горшок и чугунный котёл, вымыла да и позабыла. Котёл и горшок обрадовались случаю, сговорились путешествовать вместе и поплыли по реке. Но недолго они вместе плавали: глиняный горшок стукнулся о чугунный котёл и разбился.

КОНЧИЛ ДЕЛО, ГУЛЯЙ СМЕЛО

За уроками давно
У окна дитя сидит,
И давно уже в окно
Солнце мальчика манит:
«Не довольно ли учиться?
Не пора ли порезвиться?»
А мальчик-то солнцу в ответ:
«Нет, ясное солнышко, нет!
Теперь мне гулянье не впрок —
Дай прежде окончу урок!»

Мальчик пишет и читает,
А на ветке, за окном,
Птичка звонко распевает
И поёт всё об одном:
«Не довольно ли учиться?
Не пора ли порезвиться?»
А мальчик-то птичке в ответ:
«Нет, милая пташечка, нет!
Теперь мне гулянье не впрок —
Дай прежде окончу урок!»

Мальчик всё сидит за книгой
И в окно уж не глядит;
А ему давно из сада
Вишня красная твердит:
«Не довольно ли учиться?
Не пора ли порезвиться?»
А мальчик-то вишне в ответ:
«Нет, красная вишенка, нет!
Теперь мне гулянье не впрок —
Дай прежде окончу урок!»

Кончил мальчик! Сделал дело!
Книгу в столик положил;
Прыгнул в сад и крикнул смело:
«Ну-ка, кто меня манил?»
Ему солнышко смеётся,
Ему пташечка поёт,
Ему вишенка, краснея,
Свои ветки подаёт.

Л. Модзалевский

ПОСЛОВИЦЫ-ЗАГАДКИ

О грамоте

Поле белó, семя чернó, кто его сеет, тот понимает. (*Письмо*)

Голову срезали, сердце вынули, дают пить, велят говорить.
(*Перо*)

Сверху пушисто, снизу остро, всунешь — сухо, вынешь — мокро. (*Перо*)

Ни небо, ни земля, видением бела; трое по ней ходят, одного водят; два соглядают, один повелевает. (*Бумага, пальцы, перо, глаза, ум*)

Два косяка с притолокой, два полколеса, два стяга с колесом, два стяга с крючком. (*«Покой» — буква церковнославянской азбуки*)

Загадки на другие темы

Раскину я рогожку, насыплю горошку, поставлю квасу кадушку, положу хлеба краюшку. (*Небо, звёзды, дождик, месяц*)

Стоит дуб-стародуб, на том дубе-стародубе сидит птица веретеница; никто её не поймает: ни царь, ни царица, ни красная девица. (*Небеса и солнце*)

Поутру с сажень, в полдень с пядень, а к вечеру через поле хватает. (*Тень*)

Выросло дерево от земли до неба, на этом дереве двенадцать сучков, на каждом сучке по четыре кошеля, в каждом кошеле по семи яиц, а седьмое красное. (*Год, месяцы, недели, дни недели*)

Махнула птица крылом и покрыла весь свет одним пером. (*Ночь*)

Кабы встал, я бы до неба достал; кабы руки да ноги, я бы вора связал; кабы рот да глаза, я бы всё рассказал. (*Дорога*)

О РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ.
Статья, читанная в собрании Русского
географического общества
7 мая 1847 года
(в сокращении)

Не пускаясь в споры и изыскания о том, что такое пословица, удовольствуемся тем, что это на деле всякому известно: пословица — это короткая притча, или окончательное суждение, приговор, пущенный в оборот под чеканом народности. От этого приговора взноса нет; обжаловать его нельзя; меткая пословица решает в высшей и последней степени. А собрание пословиц — это свод народной опытной премудрости, цвет здравого ума, житейская правда народа.

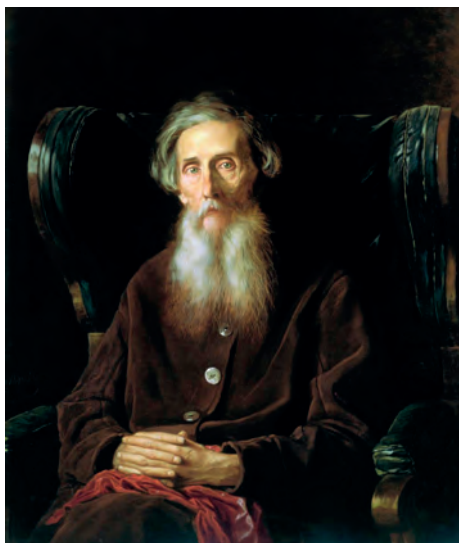
Многие изречения писателей, по резкости и меткости своей, обратились в пословицы; и здесь нельзя не вспомнить Грибоедова, Кюрылова и даже Пушкина. Образованное общество иногда создаёт свои пословицы, но редко...

Самое большое число пословиц находим мы в простонародьи, у крестьян. Тут выражается ими вся житейская опытность человечества, вся веками нажитая премудрость, передаваемая, через десятки поколений, от отца к сыну и внуку. Не знаю, все ли новые книги лучше старых, но старые беспрерывно вытесняются новыми и забываются, потому что всех их, по множеству, нельзя объять. А между тем, в новой книге всё должно быть сказано по-новому, то есть хотя то же, да другими словами. Устное предание напротив, если оно сложено из немногих метких и резких слов, передаётся и сохраняется от слова до слова. Вот почему в пословицах виден даже и неискажённый дух и сила языка.

Пословицы бывают *общие*, выражающие общие житейские истины или премудрость народа. Например: «За друга поручишься, от недруга помучишься», «Ищи доброго, а худое само придёт», «Шей да пори, не будет глухой поры»... Некоторые из этих

пословиц ходят с привесками: «Век живи, век учись — а умри дураком», «Дело мастера боится, а иной мастер дела боится» и пр.

Далее, пословицы бывают *частные*, или *случайные*, происшедшие от известного случая, обстоятельства или обычая. Например: «Вот тебе, бабушка, Юрьев день», «От искры — от

Портрет Владимира Ивановича Даля.
Художник В. Перов

копеечной свечи — Москва загорелась». О городе Себеж (Витебской губернии), который в половодье кругом заливают, а также о Каменец-Подольском говорят: «Кругом вода, а в середине беда». Сюда же относят и пословицы *исторические*, например: «Тут словно Мамай воевал», «Пропал, как швед под Полтавой», «Голодный француз и вороне рад». Многие из этих случайных пословиц, по употреблению, обратились в общие, и нередко даже самое происхождение их забыто.

По смыслу и значению пословиц их можно разделить на *политические*, *юридические*, *житейские*, собственно *семейные* и проч.

В летописях наших находим мы следы самых древних пословиц: они есть у Нестора, есть в «Песни о полку Игореве», а «Слово Даниила Заточника» буквально наполнено ими.

Есть много пословиц *переводных* или *принятых от других народов*, как например: «Новая метла чисто метёт», но они большей частью переложены дурно, и слава эта принадлежит не простому народу, а нам. Заметим, впрочем, что множество пословиц сделались общими у разных народов, будучи приноровлены к быту каждого из них. А между тем их нельзя назвать собственно переводными — неизвестно, где они изобретены и по какому случаю приняты.

Народ обращал иногда в пословицы *изречения Святого Писания*, например: «Много званых, мало избранных», «Отцы терпкое ели, а на детей оскомина напала», «Своя своих не познаша».

Есть примеры народных пословиц из *уложений и указов царских*: Петра I — «Втуне писать законы, аще их не исполнять»; Екатерины II — «Лучше десять виновных простить, чем одного невинного наказать» и проч.

Но большинство ходячих пословиц как по вымыслу, так и по одежде, платью и по уму, конечно, принадлежит не истории и не частному случаю или происшествию, а прямо *вымыслу или изобретательности народа*. Он, однако же, не ломал над ними головы, не сочинял их — они пришли сами. Зато он же сам и ценит эти приговоры премудрости своей, эти несудимые грамоты, созданные складчиной целых поколений. Например: «По старой памяти, что по грамоте», «Старая пословица во век не уломится», «Добрая пословица не в бровь, а в глаз».

Слова забытые и неологизмы

УСТНАЯ РЕЧЬ

Это так, а не иначе.
Ты мне, друг мой, не перечь:
Люди стали жить богаче,
Но беднее стала речь.
Гаснет устная словесность,
Разговорная краса;
Отступают в неизвестность
Речи русской чудеса.
Сотни слов родных и метких,
Сникнув, голос потеряв,
Взаперти, как птицы в клетках,
Дремлют в толстых словарях.
Ты их выпусти оттуда,
В быт обыденный верни,
Чтобы речь — людское чудо —
Не скудела в наши дни.

В. Шефнер

СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА...

Всему название дано —
И зверю, и предмету.
Вещей вокруг полным-полно,
А безымянных — нету.
И всё, что может видеть глаз —
Над нами и под нами —

И всё, что в памяти у нас, —
Означено словами.
Они слышны и здесь и там,
На улице и дома:
Одно — давно привычно нам,
Другое — незнакомо.
Язык — и стар, и вечно нов!
И это так прекрасно —
В огромном море —
Море слов —
Купаться ежечасно!

А. Шибает

НОВЫЕ СЛОВА

...Ветер с севера сильней.
Ветер с юга горячей.
Не найти ни слов точней,
ни значительней речей.
Белой полосой едва
Обозначила Москва
На асфальте переход,
и весёлый пешеход
«зеброю» её зовёт.
Я по «зебре» перейду,
Радуюсь тому словцу.
Может быть, и я найду
что-нибудь Москве к лицу.
Вот найти бы оборот,
сказануть настолько метко,
чтоб нечаянно народ
подобрал, словно монетку,
спотыкнулся, подобрал,
много раз бы повторял.

Б. Слуцкий

ВЕСЕННИЙ ХЛЕБ

На потеху молодёжи старики Таракановы говорят старинными, давным-давно умершими словами. У них колёсная мазь — *коляни́ца*, кони — *комóни*, имущество — *собина*, млечный путь — *девы зори*, приглашение — *повещáнки* или *позывáтки*, запевало — *почина́льник*, погреб — *меду́ша*, шуметь на сходе — *вэчать*, переулки — *засóры*.

Речь свою старик украшает пословицами и любит похвастаться ими; так, бывало, и сеет старинными зернистыми самоцветами.

Соседу, у которого дочь «на выданье», скажет:

– *Заневестилась дочь, так росписи готовь!*

Про себя со старухой говорит:

– *Только и родни, что лапти одни!*

Соседского сына за что-то из деревни выслали, и старик утешал неутешную мать:

– *Дальше солнца не сошлют, хуже человека не сделают, подумаешь — горе, а раздумаешь — Божья воля!*

Бойким, весёлым девушкам тихо грозит корявым пальцем:

– *Смиренье — девушки ожерелье.*

Баба жаловалась Митрофану на нищее житьё своё, а он наставлял её:

– *Бедная прядёт, Бог ей нитки даёт!..*

Владимир Ильич Порудоминский

ДАЛЬ

(отрывок из книги в серии «Жизнь замечательных людей»)

Середина лета 1824 года...

Пыльные степные тракты, и над ними — неподвижное солнце в выцветшем, тонко звенящем от зноя небе. На обочинах толстые воробьи весело купаются в пыли. Надоедают оводы, глупые и тя-

жёлые, как пули. Тупой стук копыт, щёлканье бича, шлёпанье тяжёлых хвостов по влажным и потемневшим лошадиным бокам.

Во время Даля дорога входила в жизнь, становилась её частью. Была пословица: «Печка нежит, а дорожка учит». В дороге Даль слушал людей — и схватывал не только суть их речи, но слова, из которых она составлена.

— Проведать бы, нет ли где поблизости кузнеца, — задумчиво молвит возница, сворачивая с тракта на просёлок.

А пока куют лошадей, одна из попутчиц охотно объясняет:

— Вот и отправилась в Петербург сынка проведать...

Хозяйка на постоялом дворе предлагает радушно:

— Отведайте, сударь, наших щей.

Случившийся тут же странник-старичок с привычной готовностью принимается за рассказ:

— Поведаю вам, государи мои, историю жизни своей...

Повозился на скамье и, усевшись поудобнее, начинает:

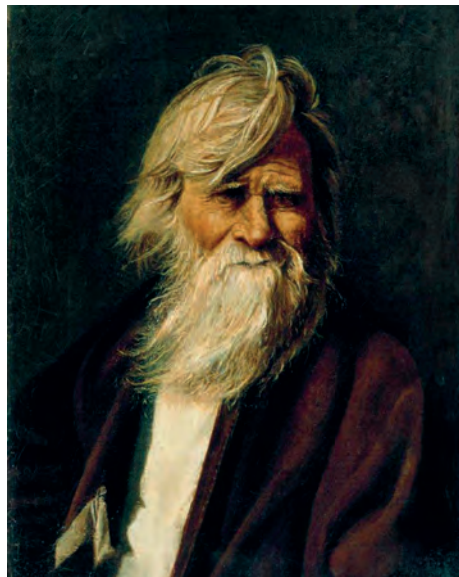
— Не изведав горя, не узнаешь радости...

«Проведать» — «отведать» — «поведать» — «изведать»...

Даль настораживается: слово меняет цвет на глазах.

Слова тревожат Даля. Подобно музыканту, он слышит в речи людей и многоголосье оркестра, и звучанье отдельных инструментов. Он признавался на старости, что, «как себя помнит», его тревожила «устная речь простого русского человека»; поначалу не рассудок — какое-то чувство отвечало ей, к ней тянулось.

Но есть ещё дело. Пока просто странность, чудачество, ни к чему большому вроде бы не приложимое, — так, потребность души. Один из будущих героев Даля — и тут уж, без сомнения, слышим мы голос автора, — чувствуя необходимость

Портрет старика.
Художник В. Максимов

«соединить с прогулкой своею какую-нибудь цель», «задал себе вот какую задачу:

1. Собирать по пути все названия местных урочищ, расспрашивать о памятниках, преданиях и поверьях, с ними соединённых...

2. Разузнавать и собирать, где только можно, народные обычаи, поверья, даже песни, сказки, пословицы и поговорки и всё, что принадлежит к этому разряду...

3. Вносить тщательно в памятную книжку свою все народные слова, выражения, речения, обороты языка, общие и местные, но неупотребительные в так называемом образованном нашем языке и слоге...»

...Солнце вдруг тронулось с места, быстро спускается по заголубевшему небу, из ослепительно-белого, словно расплющенного ударом кузнечного молота, оно становится огненно-красным, потом, остывая, малиново-красным чётким кругом, сползающим за край степи. Сверкнул, исчезая, последний багровый уголёк, яркая полоса заката сужается понемногу, блёкнет (будто размывается или выветривается, что ли), становится палевой, но опять ненадолго — вот покрывается пеплом, тускнеет, а с востока надвигается, поднимаясь и всё шире захватывая небо, лиловая тьма. Степь за обочиной ещё пахнет теплом и созревающими хлебами, но воздух быстро свежеет; скрип колёс, шлёпанье хвостов, человеческие голоса в густеющей прохладной темноте звучат резче. Легко дышится. Прохлада сначала пьянит, потом нагоняет сладостную дремоту. Повозка останавливается. Даль открывает глаза, но тут же снова задрёмывает. Слышит сквозь сон, как кто-то спрашивает возницу:

— Куды путь держите?

Другой голос, басовитый, встречает:

— Не кудыкай...

Возница сердится:

— Чем ляды точить, подсказали б, где тут на постой проситься, чтоб в поле под шапкой не ночевать.

Встречные в два голоса объясняют.

— Далече? — спрашивает возница.

Дорога. Художник К. Крыжицкий

– Вёрст пять.

– Близко видать, да далеко шагать, — прибавляет басовитый. Щёлкают вожжи. Повозка резко подаётся вперёд и опять катится, поскрипывая.

Басовитый весело кричит вслед:

– Добрый путь, да к нам больше не будь!

Даль спохватывается; не проснувшись вполне, шарит по карманам: надо тотчас записать слова, поговорки...

Есть загадка про дорогу: «И долга и коротка, а один другому не верит, всяк сам по себе мерит». Даль мерил дорогу встречами, историями бывалых людей и историями, которые случались с ним, превращая его в человека бывалого; главное же — словами.

САМОЛЁТ ПРИ ПЕТРЕ I

Вы снимаете с полки 78-й том Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона и открываете его на статье «Шлиссельбург».

В статье, напечатанной, к слову говоря, в 1903 году, то есть ещё до того, как вышла «из пелёнок» авиация, рассказывается, как войска Петра I овладели крепостью Нотебург у истока Невы: «...особый отряд... переправлен на правый берег и, овладев находившимися там укреплениями, прервал сообщения крепости с Ниеншанцем, Выборгом и Кексгольмом; флотилия блокировала её со стороны Ладожского озера; на *самолёте* устроена связь между обоими берегами Невы...»

Слыхали ли вы когда-нибудь, чтобы во времена Петра I в армиях применялись самолёты, на которых можно было бы пересекать широкие реки?

Рёв мотора под Санкт-Петербургом! Самолёт в шведских войнах великого Петра! Да это прямо удивительное открытие! Посмеиваясь, вы скажете: «Тут что-то не так! Очевидно, речь идёт не о наших воздушных машинах». А о чём же?

Придётся провести целое военно-историческое исследование, прежде чем мы добьёмся истины. Да, двести лет назад самолётом называлось нечто, очень мало похожее на наши нынешние самолёты. Впрочем, если вы спросите у современного сапёра, он сообщит вам, что слово это живо и донныне: и сейчас понтонёры на фронте, при переправах, применяют порой особые самоходные паромы, движущиеся силой речной струи. Эти своеобразные приспособления издавна и называли *самолётами*.

На таком именно самолёте поддерживал и Пётр I связь между частями, находящимися по обе стороны могучей реки. Значит, слово «самолёт» в нашем языке существовало за много времени до того, как первые пропеллеры загудели в небе. Только оно имело тогда совершенно иное значение.

В разное время оно имело таких значений даже не одно, а несколько.

Возьмём ту же энциклопедию и откроем на слове «самолёт». Эта словарная статья находится в 56-м томе; том этот вышел в свет в 1900 году. «Самолёт, — говорится там, — ручной ткацкий станок, с приспособлением для более удобной перекидки челнока».

А кроме того, как мы хорошо помним с детства, в самых старых сказках именовалось искони самолётом всё то, что может само летать по воздуху, — например волшебный ковёр. Слово это вообще охотно применяли ко всему быстрому на ходу, подвижному. Одно из акционерных пароходных обществ на Волге до самой революции было известно под названием «Самолёт». Отдельным пароходам тоже охотно давали это имя. В пьесе «Бесприданница» А. Н. Островского Паратов спрашивает у Вожеватова: «Так вы меня, Василий Данилович, „Самолётом“ ждали? Мне хотелось обогнать „Самолёт“, да трус машинист...»

Другое значение этого слова (ткацкий станок) употреблялось только техниками да рабочими-текстильщиками. Третье значение — сказочное — никак не могло помешать: настоящих ковров-самолётов в реальном мире не было, спутать их никто не мог ни с чем. И язык спокойно передал это название новому предмету: он создал новое слово, перелицевав, переосмыслив старое. Он придал ему совершенно иной, небывалый смысл.

Вы, может быть, теперь представляете себе дело так: народ наш по поводу названия новой машины устраивал специальные совещания, рассуждал и обсуждал, как поступать лучше, потом

«проголосовал» этот вопрос и решил его «большинством голосов»...

А другим, возможно, всё рисуется иначе: просто нашёлся умный и знающий человек, который помнил старое слово; он придумал употреблять его в новом значении и «пустил в ход». И то и другое неверно.

Разумеется, новое употребление слова «самолёт» сначала пришло в голову одному или двум-трём людям; не всем же сразу! Но совершенно так же другим людям казалось в те дни более удобным и подходящим назвать новую машину заимствованным из древних языков словом «аэроплан». В первое время, когда только возникла авиация, почти все говорили именно «аэроплан», а вовсе не «самолёт». А потом, совершенно независимо от того, чего хотели отдельные люди, язык как бы сам по себе выбрал то, что ему казалось более удобным и пригодным. Слово «аэроплан» постепенно исчезло; слово «самолёт» завоевало полное владычество. И сделано это было не моим, не вашим, не чьим-нибудь одиночным вкусом или выбором, а и мной, и вами, и миллионами других — могучим чутьём к языку, свойственным всему народу — хозяину и хранителю этого языка.

Андрей Сергеевич Некрасов

КАК ШКОЛЬНИКА СЪЕЛИ

У меня две дочки. И пишут они правильно, и читают много. А всё равно частенько бывало: я сижу, работаю. Они своими делами заняты. Вдруг одна влетает ко мне.

— Это слово как пишется? Через полчаса другая спрашивает:

— А это слово что значит?

Прежде я отвечал им. А потом сказал:

— Вот вам «Словарь русского языка». Тут понятно растолковано, что какое слово значит. А это «Орфографический словарь» — тут показано, как какое слово пишется. А это «Словарь ударений». В этом словаре вы найдёте, как какое слово произносится. А ко мне с такими пустяками больше не приставайте.

Сказал так сгоряча, а потом опомнился: что же это я сказал? Да разве слово — это пустяк? Капитан кораблём командует, а команда — те же слова. Тебя к доске вызовут — без слова что будешь делать?

А уж обо мне-то и говорить нечего. Я писатель. Моё дело так распорядиться словами, так их ставить, чтобы моя мысль была понятна. И вроде бы должен я знать все слова. А тоже, бывает, без словаря не обойдётся.

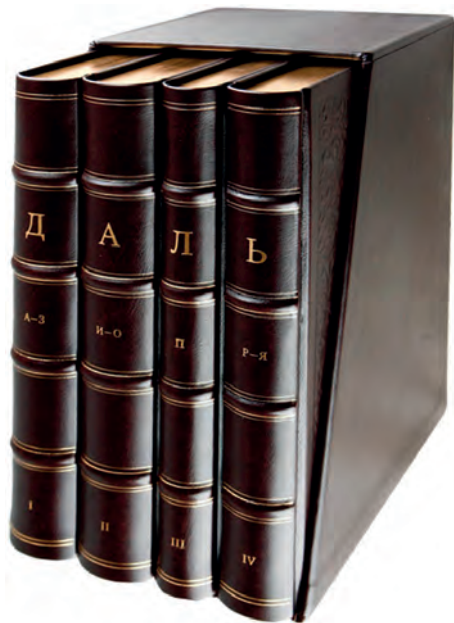
Вот был у меня недавно случай... Я сейчас книжку пишу про наших моряков, которые двести лет назад открыли Алеутские острова в Тихом океане. Двести лет — срок большой. Как узнаешь, что они там делали, как плыли? Но остались записки, рапорты, письма, дневники. И вот в одной записке читаю: «В обед Щапов ходил на байдаре к тем камням, убил школьника, и мясо его и печень сварили...»

В обед — это понятно. В полдень, значит. Щапов — фамилия моряка. Ходил — это всё равно что ездил или плавал. Байдара — лодка такая. Камни — скалы. А вот что за школьник, откуда он там взялся и за что Щапов его убил? И с чего это вдруг стали школьника есть?

Смотрю в «Словарь русского языка». Там написано: «Школьник — ученик начальной или средней школы». И всё.

Это-то я и сам знал. Но ведь словарь у меня новый, а язык, он вместе с людьми живёт, стареет, молодеет. Одни слова забываются, другие приходят. Вот тогда я заглянул в «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля.

Есть такой замечательный словарь, в котором собрано множество слов. Он давным-давно вышел в свет, а его и до сих пор

«Толковый словарь живого великорусского языка». Современное издание

издают, и читают, и изучают. Когда этот словарь впервые напечатали, не было, наверное, слова, которое в него не вошло. Удивительный словарь! А человек, который его составил, ещё удивительнее...

Родился Владимир Иванович Даль в 1801 году. И кем он только не был! Сперва стал морским офицером, потом выучился на врача, потом воевал, потом в Оренбурге стал важным чиновником, потом поехал в Нижний Новгород. Он и с Пушкиным был на «ты», и знаменитого Пирогова — лучшего хирурга того времени — знал. Они учились вместе. И с адмиралом Нахимовым, великим нашим флотоводцем, был знаком — тоже вместе учились. Владимир Иванович своими руками и ковать умел, и столярничать, и книги переплетать. Владимир Иванович многое умел, но больше всего любил он собирать слова. Услышит новое слово — запишет в книжечку. Услышит сказку — запишет. Пословицу — тоже запишет. И вот к концу жизни набралось у него больше двухсот тысяч слов. Он их разобрал, объяснил каждое слово, собрал все вместе и выпустил свой знаменитый словарь.

Словарь сразу прославил Даля. Его избрали почётным академиком, наградили разными наградами. Словарь и сегодня служит человечеству.

Сослужил он и мне службу: открыл я четвёртый, последний том на 658 странице. Слово «школа». Читаю: «Школьник... ученик, кто ходит в школу». Нет, не то! Дальше читаю: «Школьник, *кмч.* акипка, молодой тюлень».

Вот оно что, оказывается! *Кмч.* значит слово камчатское, *акипка* — это я и прежде знал — тюленёнок. А вот чтобы тюленя *школьником* называли, впервые прочитал.

Вот так мне Даль помог. И не первый раз и не в последний, надеюсь. И тебе, кем бы ты ни стал, непременно придётся когда-нибудь заглянуть в словарь Даля. И будь уверен: он и тебя выручит.

Займствованные слова

ИЗ РОМАНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

...Я мог бы пред учёным светом
Здесь описать его наряд;
Конечно б это было смело,
Описывать моё же дело:
Но панталоны, фрак, жилет,
Всех этих слов на русском нет;
А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами...

А. С. Пушкин

Такой был чемоданчик — патефон
И это было чудо из чудес.
Теперь — айфон, мобильник и смартфон,
А вот восторг от техники исчез.
Стремителен технический прогресс,
А слово — медленно.
Не поспевает слово?
Вокруг такой индустриальный лес...
А слово — это всё-таки основа.
Устаивают выдумки людей —
Идут в политехнический музей,

А вот обычное, казалось бы нам, слово
Жить и сиять всегда готово снова.

Г. Иванов

РЕЧЕНЬКА

Реченька, речушка, речь,
Нам с тобой шагать и течь
Полям, лугом и лесами,
И заботливыми снами
О величии страны...
Как прекрасны эти сны!
...Так-то так, но Русь в слезах —
Сохнет речка на глазах!
Речь народная велика,
Но вцепилась повилика
Слов поганых в горло ей
И сжимает всё сильнее.
Кто виновен — не поймёшь,
Правды вовсе не найдёшь.
Иностранные словечки
Греются на нашей печке,
И вздыхает грустно печь:
«Леденит мне сердце речь».

М. Зайцев

Лишние слова

КАК БЫ СТИХ

Мы нынче как бы все глупеем —
Все стали как бы забывать,
Что как бы даже не умеем
Без «как бы» пару слов связать.
Добро бы было как бы в дело,
Пусть даже как бы наугад.
А то ведь как бы неумело
И чаще как бы невпопад.

Ю. Важдает

Язык народа и богат, и точен,
Но есть, увы, неточные слова,
Они растут, как сорная трава,
У плохо перепаханных обочин.

Н. Рыленков

СИЛЬНОЕ КИНО

Заранее, заранее всё было решено:
У школьников собрание, потом у них кино.
Домой придёт мой старший брат,
Он мне расскажет всё подряд,
Он объяснит мне, что к чему.
А я большая! Я пойму.

И вот он начал свой рассказ:
— Они ползут, а он им — раз!
А тут как раз она ползла,
А он как даст ему со зла!
Они ей — раз! Она им — раз!
Но тут как раз её он спас,
Он был с ней заодно...
Ух, сильное кино!
Нет, видно, я ещё мала:
Я ничего не поняла.

А.Барто

Плохие слова

СЛОВО О СЛОВАХ

Слова бывают разные —
То дельные, то праздные.
То честные, правдивые.
То льстивые, фальшивые.
Есть слово-утешение
И слово-удушение.
Есть трезвые и пьяные,
Лукавые, туманные.
Есть чистые, алмазные,
А есть бесстыдно-грязные,
Одни помогут выпрямить,
Другие — душу вытравить.
Есть речь огнём горящая,
Есть тлением смердящая.
Слова — высокой доблести,
И — самой низкой подлости...
Поэт, тебе назначено
Засеять душу зёрнами.
Так сей же не иначе, как
Чистейшими, отборными.
Не злыми, не блудливыми,
А добрыми, правдивыми,
Чтоб хлеб добросердечности
Давала нива вечности.

В. Полторацкий

Я не играл словами, помня
И в стужу лютую, и в зной,
Что у меня деревня Ломня
Есть на Смоленщине лесной.

Там я возрастал в хлебах и травах
И всюду шёл с друзьями в ряд.
Слов неправдивых, слов лукавых
Мне там вовеки не простят.

Н. Рыленков

Упражняться в нежном, чутком слове
У сограждан нынче нет нужды —
Наступила эра сквернословий
С обострённым признаком вражды.
Время рвёт исконный быт на части,
Подбивает к смуте молодых.
Всех, кто к человечности причастен,
Хамство бьёт безжалостно под дых.
Речь моя! Изволь посторониться.
Просияй, как рдяный лист во мгле...
Запылились вечные страницы
О любви, о Боге, о земле.

Н. Луканов

Как камень тяжёлый — обидное слово.
Как сильно ударить умеет оно!
Змеёй ядовитой ужалить готово,
Ужалит — и станет на сердце темно.

Неизв. автор

Слова-имена

Что в имени тебе моём?
Оно умрёт, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мёртвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нём? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его, тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...

А.С.Пушкин

Имена, имена, имена...
В нашей речи звучат не случайно.
Как загадочна эта страна,
Так и имя — загадка и тайна.

В этой жизни, а может быть, в той,
Под земною звездой и небесной
Охраняет любого святой,
Не для каждого, впрочем, известный.

Посреди разорённой земли
На ветру разгорелась рябина.
В сентябре прозвучит Натали,
В октябре отзовется Марина.

И осыплется с веток листва,
Не убавить уже, не прибавить.
Имена ведь — не просто слова,
А почти воплощённая память.

Ради вечной надежды своей
Вспоминайте судьбою хранимых,
Имена самых верных друзей,
Даже боль приносивших любимых...

Имена, имена, имена —
В этой жизни звучат не случайно.
Как загадочна наша страна,
Так и имя — загадка и тайна.

С. Маршак

Если только ты умён, не давай ребятам
Столь затейливых имён, как Паром и Атом.
Удружить хотела мать дочке белокурой,
Вот и вздумала назвать дочку Диктатурой.
Хоть семья её звала сокращённо Дита,
На родителей была девушка сердита.
Для другой искал отец имя похитрее,
И назвал он, наконец, дочь свою Идея.
Звали мама и сестра девочку Идейкой,
А ребята со двора стали звать Индейкой.

А один оригинал, начинён газетой,
Сына Спутником назвал, дочь назвал Ракетой.
Пусть поймут отец и мать, что с прозванием этим
Век придётся вековать злополучным детям.

С. Маршак

**Святитель Филарет (Дроздов),
митрополит Московский**

О НАРЕЧЕНИИ ИМЁН

Наречение имён не такое маловажное дело, как думают люди, которые лучше помнят имена, нежели знают существо и отношения предметов. Мудрость первозданного человека испытана и проявлена была наречением имён всякой душе живой. В наречении имён патриархами не раз проявлялся дар прозорливости и пророчества. Сам Бог, когда благоволил дать Аврааму новое, многознаменательное, потомственное благословение, как залог, как печать, как таинственное знамение сего благословения дал ему новое имя: *и не наречется ктому имя твое Аврам, но будет имя твое Авраам: яко отца многих языков положих тя* (Быт. 17, 5). Святая Церковь, зная, что немногие способны от себя нарекать имена, приносящие с собой благословение, учредила прекрасный обычай от святых заимствовать имена, которые по благодати святых всегда благознаменательны и способны принести с собой благословение. Но притом особенно благо младенцу, которому дают имя святого не по обычаю только, но по вере и любви к святому.

Святые Вера, Надежда, Любовь
и мать их София

Крылатые слова

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ БИБЛИИ

Не хлебом единым жив человек

Это выражение пришло в наш язык из Евангелия. В 4-й главе Евангелия от Луки рассказывается, что когда Иисус Христос был в пустыне, постился 40 дней и напоследок взалкал (сильно захотел есть), *«приступил к Нему искуситель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Иисус сказал ему в ответ: написано, что не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим»* (Мф. 4, 3–4).

Это евангельское выражение чаще употребляется в церковнославянской форме **«Не хлебом единым жив человек»**. Оно говорит о том, что человеку нужно заботиться не только о материальных благах, но и о духовной пище — то есть о слове Божиим.

Не сотвори себе кумира

Это одна из 10 заповедей, данных Богом пророку Моисею на горе Синай: *«Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли»* (Исх. 20, 4). Десять заповедей приведины в Библии, в книге Исход.

Это распространённое библейское выражение в нашем языке бытует в церковнославянском варианте: **«Не сотвори себе кумира»**, что значит: «не поклоняйся, не подражай кому-либо слепо, как язычник идолам».

Нет пророка в своём Отечестве

Выражение сложилось на основе евангельского стиха: *«Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве»* (Мф. 13, 12).

честве своем и у сродников и в доме своем» (Мк. 6, 4). Эти слова Иисуса Христа приведены в Евангелиях, написанных апостолами Матфеем и Марком. Евангельское выражение говорит о том, что мы часто не верим в талант, гениальность или истинность слов человека, который находится рядом с нами, и отдаём предпочтение чужеземному.

Не судите, да не судимы будете

В Евангелии, написанном апостолом Матфеем, Иисус Христос, обращаясь к народу, говорит: *«Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить»* (Мф. 7, 1–2).

Кто не работает, тот не ест

Выражение заимствовано из книг Священного Писания Нового Завета. Апостол Павел во втором своём послании к христианам греческого города Фессалоники (по-древнерусски Солунь) пишет: *«Ибо когда мы были у вас, то завещали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь. Но слышим, что некоторые у вас поступают бесчинно, ничего не делают, а суетятся»* (2 Фес. 3, 10).

Это выражение используется как призыв к работе, адресованный ленивому, нерадивому человеку, или как объяснение того, почему он ничего не получил. В русской народной речи аналогичная идея выражена и другими, близкими по смыслу пословицами: «Не потрудиться, так и хлеба не добиться»; «Работать не заставят, так и есть не поставят»; «Хочешь есть калачи — не сиди на печи».

Глас вопиющего в пустыне

Выражение принадлежит пророку Исаии, жившему за восемь веков до Рождества Христова. Это пророчество относится к Иоанну Крестителю, призывавшему перед приходом Иисуса Христа израильский народ к покаянию. Об этом пишут евангелисты Матфей, Марк, Иоанн. В Евангелии от Матфея написано: *«В те дни приходит Иоанн Креститель и проповедует в пустыне Иудейской и говорит: покайтесь, ибо приблизилось Царство*

Притча о талантах. Миниатюра. XVI в.

Небесное. Ибо он тот, о котором сказал пророк Исаия: глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему» (Мф. 3, 3).

В современной речи это библейское выражение употребляется в переносном значении — «призыв, остающийся без внимания, без ответа». На развитие современного значения, видимо, повлияло то, что большинство из тех, кому проповедовал Иоанн Креститель, не обратились ко Христу.

Заблудшая овца

Выражение применимо по отношению к беспутному, сбившемуся с правильного жизненного пути человеку. Евангельский образ заблудшей овцы раскрывается в притче, которую рассказывает народу Сам Иисус Христос: *«Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? и если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяноста девяти незаблудившихся»*. В Библии эта притча встречается в двух Евангелиях: от Матфея (Мф. 18, 12–13) и от Луки (Лк. 15, 4–6).

Зарыть талант в землю

В современной речи это выражение чаще всего употребляется в значении «не использовать, погубить свои способности». Выражение восходит к евангельской притче, рассказанной народу Самим Христом.

Во времена земной жизни Христа талант — это мера веса и денежная мера. Талант мог быть золотым или серебряным, в притче же речь идёт о серебряном таланте.

Некий господин, *«отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им имение свое: и одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе; и тотчас отправился. Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов; точно так же и получивший два таланта приобрел другие два; получивший же один талант пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего»*. Спустя долгое время возвращается господин их

и требует отчёта в том, как они употребили полученное. Получивший пять талантов принёс другие пять талантов и за это услышал одобрение господина своего, как и получивший два таланта и удвоивший их. Получивший же один талант и зарывший его в землю услышал от него: *«лукавый и ленивый раб... Возьмите у него талант и отдайте имеющему десять талантов»* (Мф. 25, 14–30).

Талант — это дар. Религиозный человек осознаёт таланты как дарования от Бога. Иной человек считает, что талант — это дар природы или дар, унаследованный от родителей. Но в любом случае слово «талант» благодаря евангельской притче напоминает нам, что каждый из нас получил и получает, а также об ответственности за полученное. Жизнь, здоровье, способности умственные и физические, духовные дарования — всё это таланты, вручаемые человеку. Одному больше, другому меньше, но всем — для приумножения.

Запретный плод

Выражение восходит к Библии. В книге Бытие, в повествовании о жизни первых людей Адама и Евы в райском саду, написано: *«И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь»*. Однако Адам и Ева нарушили эту заповедь, данную им Богом, лишились рая и стали смертны.

Это библейское выражение иносказательно говорит о чём-то недозволенном, недоступном, а поэтому особенно заманчивом.

А. С. Пушкин в романе «Евгений Онегин» подметил это:

О люди! все похожи вы
На прародительницу Еву:
Что вам дано, то не влечёт;
Вас непременно змий зовёт
К себе, таинственному древу;
Запретный плод вам подавай,
А без него вам рай не рай.

Перековать мечи на орала

Выражение заимствовано из Библии, из Книги пророка Исаии. Пророк Исаия, пророчествуя о втором пришествии на землю Иисуса Христа, писал: *«И будет Он судить народы, и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала, и копья свои — на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать»* (Ис. 2, 4).

«Орало» в переводе с церковнославянского — «плуг».

На этот библейский сюжет скульптор Е. В. Вучетич в 1957 году сделал фигуру кузнеца, ударами молота превращающего меч в плуг. Решением Правительства СССР скульптура была подарена Организации Объединенных Наций и установлена перед её зданием в Нью-Йорке.

Библейское выражение «Перековать мечи на орала» обычно употребляется в переносном значении: «установить мир, отказаться от войны и военных приготовлений, перейти к мирному труду».

Волк в овечьей шкуре

В Евангелии от Матфея сказано: *«Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные»* (Мф. 7, 15).

Иносказательно: о лицемере, о коварном человеке, который притворяется добрым, благодушным.

ИЗ БАСЕН И. А. КРЫЛОВА

А воз и ныне там!

Из басни «Лебедь, Щука и Рак».

«Однажды Лебедь, Рак да Щука везти с поклажей воз взяли», но из этого ничего у них не получилось, потому что:

...Лебедь рвётся в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав, — судить не нам;
Да только воз и ныне там.

Иронически о неэффективной работе, о задаче, которая не решается.

Кто в лес, кто по дрова

Из басни «Музыканты».

Иронически о несогласованности действий участников общего дела.

А вы, друзья, как ни садитесь, / Всё в музыканты не годитесь

Из басни «Квартет».

О плохо работающем коллективе, в котором дело не идёт на лад потому, что отсутствуют единство, согласие, профессионализм, компетентность, точное понимание каждым своей и общей задачи (ирон.).

Беда, коль пироги начнёт печи сапожник, / А сапоги тачать пирожник

Из басни «Щука и Кот», в которой говорится о Щуке, которая вдруг захотела, подобно Коту, ловить мышей. Охота кончилась тем, что Щука сама осталась еле жива и «крысы хвост у ней отъели». Мораль басни:

Беда, коль пироги начнёт печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник,
И дело не пойдёт на лад.
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое браться любит,
Тот завсегда других упрямей и вздорней:
Он лучше дело всё погубит,
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать совета.

Иносказательно: о непрофессионализме — каждый должен делать только то, что он действительно умеет делать.

У сильного всегда бессильный виноват

Начальная строка басни «Волк и Ягненок»:

У сильного всегда бессильный виноват,
Тому в истории мы тьму примеров слышим,
Но мы истории не пишем,
А вот о том, как в баснях говорят...

Иронический комментарий к незаслуженным обвинениям старшими младших (по возрасту или по должности).

ИЗ КОМЕДИИ «ГОРЕ ОТ УМА» А.С.ГРИБОЕДОВА

А судьи кто?

Слова Чацкого (действ. 2, явл. 5).

А судьи кто? за древностию лет
К свободной жизни их вражда непримирима,
Сужденья черпают из забытых газет
Времён очаковских и покоренья Крыма.

Как наше слово отзовется

У меня сегодня солнце
Целый день в душе сияло,
И душа, в избытке счастья,
Улыбалась, ликовала.
Точно небо мне открылось,
И лучи любви и света
Мою душу озарили
Лаской горнего привета...
У меня сегодня в сердце
Лишь одна любовь святая,
Вся земля — как сад цветущий,
Люди все — семья родная.
Будто солнце светит ярче,
Будто небо голубее,
И с улыбкой смотрят люди,
Добротой любви светлея.

Протоиерей Н. Мельников

СЛОВО

Не играйте, люди, словом!
В нём дар силы заключён;
В нём таинственным покровом
Дух незримый облечён!
В нём глагол творящий «буди!»
Исходил, являясь вне!

Охраняйте слово, люди,
В тайной сердца глубине!..
Вы ответ за то дадите!
Люди! слово не ничто!
Силой слова вы творите,
И не ведая про то!
Духа вашего рожденья
В вашем слове примут плоть,
И в день страшный осужденья
Взыщет слово с вас Господь!

М. Дмитриев

КАК СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЁТСЯ

Я дорожу красивым словом.
Пусть озарит оно сердца.
И мягче станет мир суровый.
Не потеряет он лица.

Мы от тоски излечим словом,
Целебным, ласковым, простым,
Которым о любви и вере
Поём, взываем, говорим.

Мы словом воскрешаем память,
Рожаем словом новый мир.
С приятных слов начнётся праздник.
С трагичных — встречи у могил.

И если слово отзовётся
В душе добром и красотой,
Оно наставником и другом
Всегда останется со мной.

Я дорожу священным словом,
Которое не даст солгать,
Которое вести готово на бой,
Чтоб землю защищать.

И станет сладким сон ребёнка
От нежных материнских слов.
И другу друг заветным словом
В тревожный час помочь готов.
У алтаря великим словом
Вершится брак на небесах,
И судьбы наши, и стремленья —
Всё заключается в словах.
И если спросят, что первично,
Что стало стартом всех начал,
Скажу я: это — наше слово!
Ведь каждый тёплым словом «мама»
Свой мир словесный начинал.

И. Розов, 8 класс

ИЗ ЖИТИЯ ПРЕПОДОБНОГО МАКАРИЯ ЕГИПЕТСКОГО

Однажды преподобный Макарий пошёл из Скита к Нитрийской горе с одним из своих учеников. Когда они уже приближались к горе, Преподобный сказал ученику:

– Пойди впереди меня.

Ученик пошёл и встретил языческого жреца, нёсшего большое бревно. Увидав его, инок закричал:

– Слышишь, ты, демон! Куда идёшь?

За эти слова жрец так сильно побил инока, что тот едва остался жив. Схватив затем брошенное было бревно, жрец убежал. Вскоре ему встретился преподобный Макарий, который с любовью сказал:

– Спасайся, трудолюбец, спасайся!

Жрец остановился и спросил:

– Что хорошего ты усмотрел во мне, приветствуя меня такими словами?

– Я вижу, что ты трудишься, — отвечал Преподобный.

Тогда жрец сказал:

– Умилился я, отче, от твоих слов. Вижу, что ты человек Божий. Вот пред тобою встретился со мной другой инок, который бранил меня, и я исколотил его до смерти.

И с этими словами жрец припал к ногам Преподобного, обнимая их и говоря:

– Не оставлю тебя, отче, до тех пор, пока не обратишь меня в христианство и не сделаешь иноком.

И он пошёл вместе со святым Макарием. Пройдя немного, они подошли к тому месту, где лежал избитый жрецом инок и нашли его едва живым. Взяв его, они принесли его в церковь. Отцы, увидя вместе с преподобным Макарием языческого жреца, весьма изумились. Потом, окрестив его, они сделали его инок, и ради него множество язычников обратилось в христианство.

Святой же Макарий дал по сему случаю такое наставление: «Злое слово и добрых делает злыми, доброе же слово и злых соделывает добрыми».

Преподобный Макарий Великий и Херувим.
Греческая икона

БИБЛИЯ И СВЯТЫЕ ОТЦЫ О СЛОВЕ

Апостола Павла Послание к Колоссянам: «Слово ваше да будет всегда с благодатию, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому» (Кол. 4, 6).

Апостола Павла Первое послание к Коринфянам: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий» (1 Кор. 13, 1).

Из Псалтири: «Положи, Господи, охрану устам моим, и огради двери уст моих; не дай уклониться сердцу моему к словам лукавым для извинения дел греховных» (Пс. 140, 3).

Преподобный Никодим Святогорец: «Всякое доброе слово о ближнем и радость о нём есть плод и действие в тебе Святого Духа. Напротив, всякое худое слово о ближнем и презрительное его осуждение происходит от твоего злонравия и дьявольского тебе внушения».

Святитель Николай Сербский («Мысли о добре и зле»): «Бог дал людям слово „любовь“, чтобы они называли этим словом своё отношение к Нему. Когда люди, злоупотребив этим словом, называют им своё отношение к земному, оно теряет свой смысл».

Иоанн Лествичник: «Как носящий аромат познаётся через запах, так имеющий в себе Духа познаётся через слово».

Святитель Филарет, митрополит Московский: «Слово поставило человека на лестнице творений выше всего земного и выше луны и солнца. Слово соединило людей в общества, создало города и царства. В слове живёт и движется знание, мудрость, закон.

Словом образуется, поощряется и распространяется добродетель. Слово в молитве восходит к Богу, беседует с Ним и приемлет от Него просимое».

«Слово человеческое может быть изострено, как меч, и тогда оно будет ранить и убивать; и может быть умягчено, как елей, и тогда будет врачевать».

Епископ Феофан Затворник: «Говоря, ты рождаешь слово. Ты произнёс слово, и оно никогда уже не умрёт, но будет жить до Страшного суда. Оно станет с тобой на Страшном суде и будет за тебя или против тебя».

ТЁПЛЫЙ ХЛЕБ

Когда кавалеристы проходили через деревню Бережки, немецкий снаряд разорвался у околицы и ранил в ногу вороного коня. Командир оставил раненого коня в деревне, а отряд ушёл дальше, пыля и позванивая удилами, — ушёл, закатился за рощи, за холмы, где ветер качал спелую рожь.

Коня взял к себе мельник Панкрат. Мельница давно не работала, но мучная пыль навеки въелась в Панкрата. Она лежала серой коркой на его ватнике и картузе. Из-под картуза посматривали на всех быстрые глаза мельника...

Панкрат вылечил коня. Конь остался при мельнице и терпеливо возил глину, навоз и жерди — помогал Панкрату чинить плотину.

Панкрату трудно было прокормить коня, и конь начал ходить по дворам побираться. Постоит, пофыркает, постучит мордой о калитку, и, глядишь, ему вынесут свекольной ботвы, или чёрствого хлеба, или, случалось даже, сладкую морковку. По деревне говорили, что конь ничей, а вернее — общественный, и каждый считал своей обязанностью его покормить. К тому же конь — раненый, пострадал от врага.

Жил в Бережках со своей бабкой мальчик Филька, по прозвищу «Ну тебя». Филька был молчаливый, недоверчивый, и любимым его выражением было: «Да ну тебя!» Предлагал ли ему соседский мальчишка походить на ходулях или поискать позеленевшие патроны, Филька отвечал сердитым басом: «Да ну тебя! Ищи сам!» Когда бабка выговаривала ему за неласковость, Филька отворачивался и бормотал: «Да ну тебя! Надоела!»

Зима в этот год стояла тёплая. В воздухе висел дым. Снег выпадал и тотчас таял. Мокрые вороны садились на печные трубы, чтобы обсохнуть, толкались, каркали друг на друга. Около мельничного лотка вода не замерзала, а стояла чёрная, тихая, и в ней кружились льдинки.

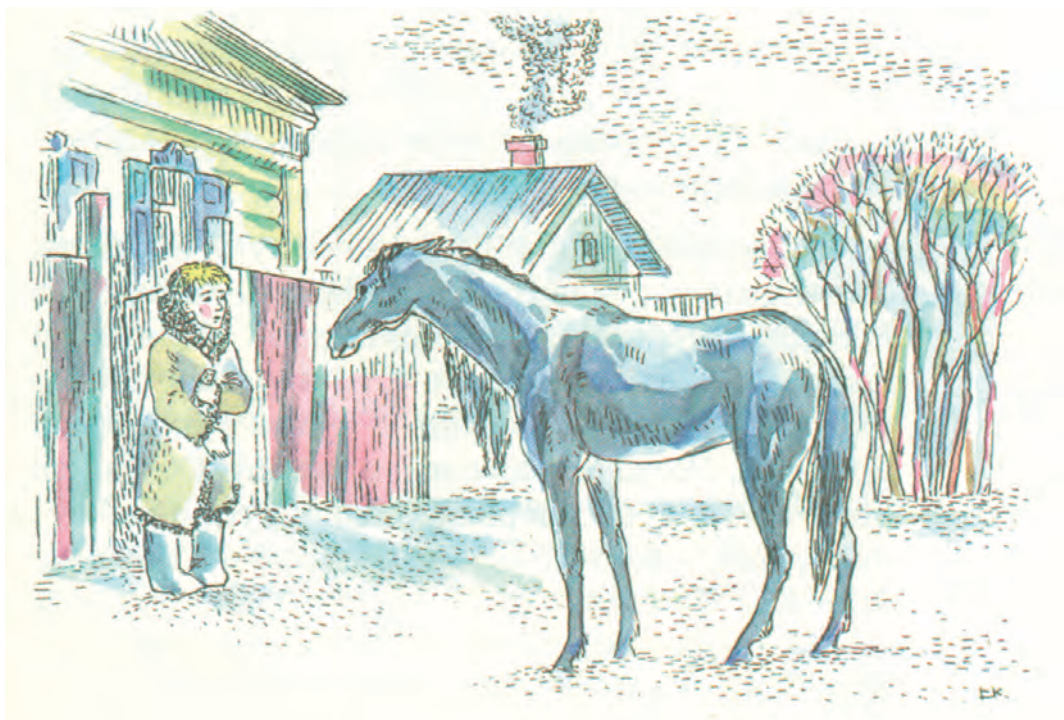
Панкрат починил к тому времени мельницу и собирался молоть хлеб, — хозяйки жаловались, что мука кончается, осталось у каждой на два-три дня, а зерно лежит немолотое.

В один из таких тёплых серых дней раненый конь постучал мордой в калитку к Филькиной бабке. Бабки не было дома, а Филька сидел за столом и жевал кусок хлеба, круто посыпанный солью.

Филька нехотя встал, вышел за калитку. Конь переступил с ноги на ногу и потянулся к хлебу. «Да ну тебя!» — крикнул Филька и наотмашь ударил коня по губам. Конь отшатнулся, замотал головой, а Филька закинул хлеб далеко в рыхлый снег и закричал:

– На вас не напасёшься, на христарадников! Вон твой хлеб! Иди, копай его мордой из-под снега! Иди, копай!

И вот после этого злорадного окрика и случились в Бережках те удивительные дела, о каких и сейчас люди говорят, покачивая

головами, потому что сами не знают, было ли это или ничего такого не было.

Слеза скатилась у коня из глаз. Конь заржал жалобно, протяжно, взмахнул хвостом, и тотчас в голых деревьях, в изгородях и печных трубах завыл, засвистел пронзительный ветер, вздул снег, запорошил Фильке горло. Филька бросился обратно в дом, но никак не мог найти крыльца — так уж мело кругом и хлестало в глаза. Летела по ветру мёрзлая солома с крыш, ломались скворечни, хлопали оторванные ставни. И всё выше взвивались столбы снежной пыли с окрестных полей, неслись на деревню, шурша, крутясь, перегоняя друг друга.

Филька вскочил наконец в избу, припёр дверь, сказал: «Да ну тебя!» — и прислушался. Ревела, обезумев, метель, но сквозь её рёв Филька слышал тонкий и короткий свист, — так свистит конский хвост, когда рассерженный конь бьёт им себя по бокам.

Метель начала затихать к вечеру, и только тогда смогла добраться к себе в избу от соседки Филькина бабка. А к ночи небо зазеленело, как лёд, звёзды примёрзли к небесному своду, и колючий мороз прошёл по деревне. Никто его не видел, но каждый слышал скрип его валенок по твёрдому снегу, слышал, как мороз, озоруя, стискивал толстые брёвна в стенах, и они трещали и лопались.

Бабка, плача, сказала Фильке, что наверняка уже замёрзли колодцы и теперь их ждёт неминуемая смерть. Воды нет, мука у всех вышла, а мельница работать теперь не сможет, потому что река застыла до самого дна.

Филька тоже заплакал от страха, когда мыши начали выбегать из подпола и хорониться под печкой в соломе, где ещё оставалось немного тепла. «Да ну вас! Проклятые!» — кричал он на мышей, но мыши всё лезли из подпола. Филька забрался на печь, укрылся тулупчиком, весь трясся и слушал причитания бабки.

— Сто лет назад упал на нашу округу такой же лютый мороз, — говорила бабка. — Заморозил колодцы, побил птиц, высушил до корня леса и сады. Десять лет после того не цвели ни деревья, ни травы. Семена в земле пожухли и пропали. Голая стоя-

ла наша земля. Обегал её стороной всякий зверь — боялся пустыни.

— Отчего же страся тот мороз? — спросил Филька.

— От злости людской, — ответила бабка. — Шёл через нашу деревню старый солдат, попросил в избе хлеба, а хозяин, злой мужик, заспанный, крикливый, возьми и дай одну только чёрствую корку. И то не дал в руки, а швырнул на пол и говорит: «Вот тебе! Жуй!» — «Мне хлеб с полу поднять невозможно, — говорит солдат. — У меня вместо ноги деревяшка». — «А ногу куда девал?» — спрашивает мужик. «Утерять я ногу на Балканских горах в турецкой баталии», — отвечает солдат. «Ничего. Раз дюже голодный — подымешь, — засмеялся мужик. — Тут тебе камердинеров нету». Солдат покряхтел, изловчился, поднял корку и видит — это не хлеб, а одна зелёная плесень. Один яд! Тогда солдат вышел на двор, свистнул — и враз сорвалась метель, пурга, буря закружила деревню, крыши посрывала, а потом ударил лютый мороз. И мужик тот помер.

— Отчего же он помер? — хрипло спросил Филька.

— От охлаждения сердца, — ответила бабка, помолчала и добавила: — Знать, и нынче завёлся в Бережках дурной человек, обидчик, и сотворил злое дело. Оттого и мороз.

— Чего ж теперь делать, бабка? — спросил Филька из-под тулупа. — Неужто помирать?

— Зачем помирать? Надеяться надо.

— На что?

— На то, что поправит дурной человек своё злодейство.

— А как его исправить? — спросил, всхлипывая, Филька.

— А об этом Панкрат знает, мельник. Он старик хитрый, учёный. Его спросить надо. Да неужто в такую стужу до мельницы добежишь? Сразу кровь остановится.

— Да ну его, Панкрата! — сказал Филька и затих. Ночью он слез с печи. Бабка спала, сидя на лавке. За окнами воздух был синий, густой, страшный. В чистом небе над осокорями стояла луна, убранная, как невеста, розовыми венцами.

Филька запахнул тулупчик, выскочил на улицу и побежал к мельнице. Снег пел под ногами, будто артель весёлых пильщи-

ков пилила под корень берёзовую рощу за рекой. Казалось, воздух замёрз и между землёй и луной осталась одна пустота — жгучая и такая ясная, что если бы подняло пылинку на километр от земли, то и её было бы видно, и она светилась бы и мерцала, как маленькая звезда.

Чёрные ивы около мельничной плотины поседели от стужи. Ветки их поблёскивали, как стеклянные. Воздух колот Фильке грудь. Бежать он уже не мог, а тяжело шёл, загребая снег валенками.

Филька постучал в окошко Панкратовой избы. Тотчас в сарае за избой заржал и забил копытом раненый конь. Филька охнул, присел от страха на корточки, затаился. Панкрат отворил дверь, схватил Фильку за шиворот и втащил в избу.

— Садись к печке, — сказал он. — Рассказывай, пока не замёрз.

Филька, плача, рассказал Панкрату, как он обидел раненого коня и как из-за этого упал на деревню мороз.

— Да-а, — вздохнул Панкрат, — плохо твоё дело! Выходит, что из-за тебя всем пропадать. Зачем коня обидел? За, что? Бессмысленный ты гражданин!

Филька сопел, вытирал рукавом глаза.

— Ты брось реветь! — строго сказал Панкрат. — Реветь вы все мастера. Чуть что нашкодил — сейчас в рёв. Но только в этом я смысла не вижу. Мельница моя стоит, как запаянная морозом навеки, а муки нет, и воды нет, и что нам придумать — неизвестно.

— Чего же мне теперь делать, дедушка Панкрат? — спросил Филька.

— Изобрести спасение от стужи. Тогда перед людьми не будет твоей вины. И перед раненой лошастью — тоже. Будешь ты чистый человек, весёлый. Каждый тебя по плечу потреплет и простит. Понятно?

— Понятно, — ответил упавшим голосом Филька.

— Ну, вот и придумай. Даю тебе сроку час с четвертью.

В сенях у Панкрата жила сорока. Она не спала от холода, сидела на хомуте — подслушивала. Потом она боком, озираясь,

поскакала к щели под дверь. Выскочила наружу, прыгнула на перильца и полетела прямо на юг. Сорока была опытная, старая и нарочно летела у самой земли, потому что от деревень и лесов всё-таки тянуло теплом и сорока не боялась замёрзнуть. Никто её не видел, только лисица в осиновом яру высунула морду из норы, повела носом, заметила, как тёмной тенью пронёслась по небу сорока, шарахнулась обратно в нору и долго сидела, почёсываясь и соображая, — куда ж это в такую страшную ночь подалась сорока?

А Филька в это время сидел на лавке, ёрзал, придумывал.

— Ну, — сказал наконец Панкрат, затапывая махорочную сигарку, — время твоё вышло. Выкладывай! Льготного срока не будет.

— Я, дедушка Панкрат, — сказал Филька, — как рассветёт, соберу со всей деревни ребят. Возьмём мы ломы, пешни, топоры,

будем рубить лёд у лотка около мельницы, покамест не дорубимся до воды и не потечёт она на колесо. Как пойдёт вода, ты пускай мельницу! Провернёшь колесо двадцать раз, она разогреется и начнёт молоть. Будет, значит, и мука, и вода, и всеобщее спасение.

— Ишь ты шустрый какой! — сказал мельник. — Подо льдом, конечно, вода есть. А ежели лёд толщиной в твой рост, что ты будешь делать?

— Да ну его! — сказал Филька. — Пробьём мы, ребята, и такой лёд!

— А ежели замёрзнете?

— Костры будем жечь.

— А ежели не согласятся ребята за твою дурь расплачиваться своим горбом? Ежели скажут: «Да ну его! Сам виноват — пусть сам лёд и скалывает».

— Согласятся! Я их умолю. Наши ребята — хорошие.

— Ну, валяй, собирай ребят. А я со стариками потолкую. Может, и старики натянут рукавицы да возьмутся за ломы.

В морозные дни солнце восходит багровое, в тяжёлом дыму. И в это утро поднялось над Бережками такое солнце. На реке был слышен частый стук ломов. Трещали костры. Ребята и старики работали с самого рассвета, скалывали лёд у мельницы. И никто сгоряча не заметил, что после полудня небо затянулось низкими облаками и задул по седым ивам ровный и тёплый ветер. А когда заметили, что переменялась погода, ветки ив уже оттаяли и весело, гулко зашумела за рекой мокрая берёзовая роща. В воздухе запахло весной, навозом.

Ветер дул с юга. С каждым часом становилось всё теплее. С крыш падали и со звоном разбивались сосульки. Вороны вылезли из-под застрех и снова обсыхали на трубах, толкались, каркали.

Не было только старой сороки. Она прилетела к вечеру, когда от теплоты лёд начал оседать, работа у мельницы пошла быстро и показалась первая полынья с тёмной водой.

Мальчишки стащили треухи и прокричали «ура». Панкрат говорил, что если бы не тёплый ветер, то, пожалуй, и не обколоть

бы лёд ребятам и старикам. А сорока сидела на раките над плотинной, трещала, трясла хвостом, кланялась на все стороны и что-то рассказывала, но никто, кроме ворон, её не понял. А сорока рассказывала, что она долетела до тёплого моря, где спал в горах летний ветер, разбудила его, натрещала ему про лютый мороз и упростила его прогнать этот мороз, помочь людям. Ветер будто бы не осмелился отказать ей, сороке, и задул, понёсся над полями, посвистывая и посмеиваясь над морозом. И если хорошенько прислушаться, то уже слышно, как по оврагам под снегом бурлит-журчит тёплая вода, моет корни брусники, ломает лёд на реке.

Всем известно, что сорока — самая болтливая птица на свете, и потому вороны ей не поверили — покаркали только между собой, что вот, мол, опять завралась старая.

Так до сих пор никто и не знает, правду ли говорила сорока или всё это она выдумала от хвастовства. Одно только известно, что к вечеру лёд треснул, разошёлся, ребята и старики нажали — и в мельничный лоток хлынула с шумом вода.

Старое колесо скрипнуло — с него посыпались сосульки — и медленно повернулось. Заскрежетали жернова, потом колесо повернулось быстрее, ещё быстрее, и вдруг вся старая мельница затряслась, заходила ходуном и пошла стучать, скрипеть, молоть зерно.

Панкрат сыпал зерно, а из-под жернова лилась в мешки горячая мука. Женщины окунали в неё озябшие руки и смеялись.

По всем дворам кололи звонкие берёзовые дрова. Избы светились от жаркого печного огня. Женщины месили тугое сладкое тесто. И всё, что было живого в избах, — ребята, кошки, даже мыши, — всё это вертелось около хозяек, а хозяйки шлёпали ребят по спине белой от муки рукой, чтобы не лезли в самую квашню и не мешались.

Ночью по деревне стоял такой запах тёплого хлеба с румяной коркой, с пригоревшими к донцу капустными листьями, что даже лисицы вылезли из нор, сидели на снегу, дрожали и тихонько скулили, соображая, как бы словчиться стащить у людей хоть кусочек этого чудесного хлеба.

На следующее утро Филька пришёл вместе с ребятами к мельнице. Ветер гнал по синему небу рыхлые тучи, не давал им ни на минуту перевести дух, и потому по земле неслись попеременно то холодные тени, то горячие солнечные пятна.

Филька тащил буханку свежего хлеба, а совсем маленький мальчик Николай держал деревянную солонку с крупной жёлтой солью. Панкрат вышел на порог, спросил:

– Что за явление? Мне, что ли, хлеб-соль подносите? За какие такие заслуги?

– Да нет! — закричали ребята. — Тебе будет особо. А это раненому коню. От Фильки. Помирить мы их хотим.

– Ну что ж, — сказал Панкрат. — Не только человеку извинение требуется. Сейчас я вам коня представлю в натуре.

Панкрат отворил ворота сарая, выпустил коня. Конь вышел, вытянул голову, заржал — учуял запах свежего хлеба. Филька разломил буханку, посолил хлеб из солонки и протянул коню. Но конь хлеба не взял, начал мелко перебирать ногами, попятился в сарай. Испугался Фильки. Тогда Филька перед всей деревней громко заплакал. Ребята зашептались и притихли, а Панкрат потрепал коня по шее и сказал:

– Не пужайся, Мальчик! Филька — не злой человек. Зачем же его обижать? Бери хлеб, мирись!

Конь помотал головой, подумал, потом осторожно вытянул шею и взял наконец хлеб из рук Фильки мягкими губами. Съел один кусок, обнюхал Фильку и взял второй кусок. Филька ухмылялся сквозь слёзы, а конь жевал хлеб, фыркал. А когда съел весь хлеб, положил голову Фильке на плечо, вздохнул и закрыл глаза от сытости и удовольствия.

Все улыбались, радовались. Только старая сорока сидела на раките и сердито трещала: должно быть, опять хвасталась, что это ей одной удалось помирить коня с Филькой. Но никто её не слушал и не понимал, и сорока от этого сердилась всё больше и трещала как пулемёт.

ПОГОВОРКИ

О добрых и злых словах

Дурное слово, что смола: пристанет — не отлепится.

Недоброе слово больней огня жжёт.

Острое словечко колет сердечко.

Не пой худой песни при добрых людях.

Ты умеешь зло говорить, а я умею того не слушать.

На гнилое слово держи ухо глухо.

Говори, да не спорь, а хоть спорь, да не вздорь.

Из-за одного слова да вечная ссора.

Рана от копья — на теле, рана от речей — в душе.

С людьми браниться никуда не годится.

Доброе слово кого не достанет.

Доброе слово лучше мягкого пирога.

Доброе слово сказать — посошок в руки дать.

Доброе слово железные ворота отопрёт.

Ласковое слово и буйну голову смиряет.

Ласковое слово и кость ломит.

Ласковое слово рубля дороже.

Ласковое слово слаще мёда.

Ласковое слово что весенний день.

Ласковым словом и камень растопишь.

От ласкового слова в избе светлее.

Раздел 2

ВВЕДЕНИЕ В РУССКУЮ СЛОВЕСНОСТЬ

«В начале было Слово»

НОВЫЙ ЗАВЕТ

Измученный жизнью суровой,
Не раз я себе находил
В глаголах Предвечного Слова
Источник покоя и сил.

Как дышат святые их звуки
Божественным чувством любви,
И сердца тревожные муки
Как скоро смиряют они!..

Здесь всё в чудно-сжатой картине
Представлено Духом Святым:
И мир, существующий ныне,
И Бог, управляющий им,

И сущего в мире значенье,
Причина, и цель, и конец,
И Вечного Сына рожденье,
И Крест, и терновый венец.

Как сладко читать эти строки,
Читая, молиться в тиши,
И плакать, и черпать уроки
Из них для ума и души!

И.С.Никитин

ЕВАНГЕЛИЕ

Под гнётом печали суровой
Пускай угасает мечта...
Но знаю я: в мире есть — Слово,
Священное Слово Христа.
Читая слова утешенья,
Привольнее грудью вздохнуть...
Рассеются скорби, волненья,
Осветится сумрачный путь...
Чем глубже печаль и страданья,
Чем больше дух скорби таит,
Тем ярче Святое Писанье
Лучами во мраке горит...

Неизв. автор

БИБЛИЯ — КНИГА КНИГ

Возьми, читай святую книгу Бога,
Пойми душой спасенья словеса,
И всякая пройдёт в тебе тревога,
И сердцем ты увидишь небеса.
Поверь, когда преклонны будут лета,
Душевных бурь прокатится волна,
Покинешь ты все книги; только эта
С тобой навек останется одна.
И в ней найдёшь, чего нигде дотол
Не обретал в пространном мире сем,
И ничего просить не станешь боле:
Тут полнота всех благ, тут всё во всем.

П. Валуев¹

¹ Граф Пётр Александрович Валуев (1815–1890) — российский государственный деятель, публицист и почётный член Российской Академии наук.

СЕЯТЕЛЬ

Было весеннее раннее время,
В трудную пору, забывши покой,
Сеятель сеял здоровое семя,
Мерно бросая умелой рукой.

Полный работы, любви и тревоги,
Жатвы он ждал от труда своего:
Первое семя легло при дороге,
Стаи пернатых склевали его.

Семя другое на камень упало,
Быстро из семени вышли ростки.
В пору же летнюю солнышко встало
И засушило живые листки.

Третье семя упало средь терний,
Тернии силой могучей своей
В час неожиданный, грустный, вечерний
Семя от солнечных скрыли лучей.

На землю добрую семя иное
Пало, и выросши, вызрело в плод.
Так и Господнее Слово святое
В почве сердечной живёт и растёт.

С семенем зрелым чад Церкви Христовой
В Страшный день судный Господь призовет
В вечные кровы Обители райской,
Где Невечерний день в Боге живёт.

Неизв. автор

Притча о сеятеле и семени. Фреска монастыря на г. Фавор. Святая земля

Александр Семёнович Шишков

ДАР СЛОВА

(глава из книги «Славянорусский корнеслов»)

Самое главное достоинство человека, причина всех его превосходств и величий, есть слово, сей дар небесный, вдохновенный в него, вместе с душою, устами Самого Создателя. Какое великое благо проистекло из сего священного дара! Ум человеческий вознёсся до такой высоты, что стал созерцать пределы всего мира, познал совершенство своего Творца, увидел с благоговением Его премудрость и воскурил пред Ним жертву богослужения.

Поставим человека подле животного и сравним их. Оба рождаются, растут, стареют, живут и умирают; оба имеют слух, зрение, обоняние, осязание, вкус; оба насыщаются пищею, утоляют жажду, вкушают сон, воспаляются гневом, чувствуют скорби и веселья. Но при столь одинаковых свойствах сколь различны!

Один совокупился в народы, построил корабли, взвесил воздух, исчислил песок, исследовал высоту небес и глубину вод. Другой скитается, рассеян по дебрям, по лесам, и при своей силе, крепости и свирепстве страшится, повинуется бессильнейшему себя творению.

Откуда это чудесное преимущество? Каким образом от того, кто утопает в луже, не может укрыться кит во глубине морей?

Бог сотворил человека бедным, слабым, но дал ему **дар слова**: тогда нагота его покрылась великолепными одеждами; бедность его превратилась в обладание всеми сокровищами земными; слабость его облеклась в броню силы и твёрдости. Всё ему покорилось: он повелевает всеми животными, борется с ветром, спорит с огнём, разверзает каменные недра гор, наводняет сушу, осушает глубину. Таков есть **дар слова** или то, что разумеем мы под именем языка и словесности. Если бы Творец во гневе Своём отнял от нас его, тогда бы всё исчезло — общежитие, науки, искусства — и человек, лишась величия своего и славы, сделался бы самым несчастным и беднейшим животным.

Иной, рассуждая о человеке и видя в нём чудесное соединение тела с душою, сей слабой и брэнной персти, с сильным и нетленным духом, скажет нам о себе:

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю...

Когда, по сотворении мужа и жены, род человеческий, чрез долгие веки, умножился и, наподобие великой реки времён, пошёл по всему пространству земного шара, тогда и языки начали изменяться, делаться различными. Каждый народ стал говорить иным языком, невразумительным другому народу. Тогда между народами произошли великие неравенства. «Один, — говорит Ломоносов, — почти выше смертных жребия поставлен, другой едва только от безсловесных животных разнится; один ясного

познания приятным сиянием увеселяется, другой в мрачной ночи невежества едва бытие своё видит».

Когда Греция и Рим облакались в величество и славу, тогда и словесность их возносилась до той же высоты. Они упали, но языки их, хотя и мёртвыми называются, однако и ныне живут и не допускают памяти их погибнуть. Где древние Вавилоны, Трои, Афины, Спарты? Повержены в прах, и око путешественника, смотря на них, не видит ничего, кроме мшистых камней и зелёного злака. Но между тем как рука времени всё в них истребила, красноречивое перо, твёрже мраморов и меди, сохранило красоту их...

Народ приобретает всеобщее к себе уважение, когда оружием и мужеством хранит свои пределы, когда мудрыми поучениями и законами соблюдает доброту нравов, когда любовь ко всему отечественному составляет в нём народную гордость, когда плодотворными ума своего изобретениями не только сам изобилует и украшается, но и другим избытки свои сообщает. О таком народе можно сказать, что он просвещён.

Но что такое просвещение, и на чём имеет оно главное своё основание? Без сомнения, на природном своём языке. На нём производится богослужение, насаждающее семена добродетели и нравственности; на нём пишутся законы, ограждающие безопасность каждого; на нём преподаются науки, от звездословия до земледелия. Художества черпают из него жизнь и силу. Может ли слава оружия греметь в роды и роды, могут ли законы и науки процветать без языка и словесности? Нет! Без них все знаменитые подвиги тонут в пучине времени; без них молчит нравоучение, безгласен закон, косноязычен суд, младенчеству ум.

Французское, с латинского языка взятое, название «**литература**» не имеет для русского ума силы нашего — «**словесность**», потому что происходит от имени *literae* (письмена или буквы), а не от имени **слово**. На что нам чужое, когда у нас есть своё?

Кириллица

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКАЯ АЗБУЧНАЯ МОЛИТВА

Аз есмь свет міру
Бог есмь прѣжде всех век
Вѣдаю всю тайну в человеце и мысль
Глаголю людем закон Мой
Добро есть творящим волю Мою
Есть гнев Мой на грѣшники
Живот дах всей твари
Зло есть законопреступником
Ни на чем **З**емлю утвердих
Престол Мой **И**же на небесех
И шед на адова врата сокруших и веревя желѣзная сломих
Како людие беззаконнии не сотвористе воли Моеа
Людие Мои непокорные
Мыслете на Мя злаа
Наш еси Бог и заступник
Оны Моя призову языки и тии Мя прославят
Покой дах всей твари Своей
Речете Ми слово не творящие воли Моея, и не услышу вас
Словом Моим вся утвердишася
Тверда рука Твоя, Владыко
Фараона потопих в Чермном мори
Херувими служат Мне со страхом

Ѧвѣрзу рай христиа́ном
Ци не дах вам пи́ща в пусты́ни
Червь и огонь угото́вах на грѣшники
Шумом и попалит дубра́вы
Щито́м воору́жхся на брань. Го́ры възигра́шася явлѣнием Моим
Ыорда́нь освятѣся крещѣнием Моим
Ересѣ погубѣх
Югом вѣтром развѣю всю вселѣннуу
Юже Мѧ проро́ци проповѣдаша и апо́столи е́же о Мне научи́ша.

«СКАЗАНИЕ О ПИСЬМЕНАХ» ЧЕРНОРИЗЦА ХРАБРА

Прежде ведь славяне не имели букв,
но по чертам и резам читали,
ими же гадали, погаными [некрещёными] будучи.
Крестившись, римскими и греческими письменами
пытались писать славянскую речь без устройства.
Но как можно писать хорошо греческими письменами
«Бог» или «зело», или «церковь», или «чаяние»...
или слова иные, подобные им?
И так было долгие годы.
Потом же человеколюбец Бог, правя всем
и не оставляя человеческий род без разума,
но всех к разуму приводя и к спасению,
помиловал род человеческий,
послал им святого Константина Философа,
нареченного Кириллом,
мужа праведного и истинного.
И сотворил он им букв тридцать восемь —
одни по образцу греческих букв,
другие же по славянской речи.
С первой начал по-гречески:
они ведь с «альфы», он с «аз».
С «аз» начинаются азбуки обе.

И как те подобие еврейским буквам сотворили,
так и он греческим...

Вот буквы славянские,
как их подобает писать и произносить:
аз, буки, веди, глаголь, добро... до юса.

Всего их — двадцать четыре,
подобных греческим буквам,
а четырнадцать — по славянской речи,
Одни говорят:

«Почему тридцать восемь букв создал,
ведь можно и меньшим числом их писать,
как греки двадцатью четырьмя пишут».

И не ведают, сколькими пишут греки,
ибо хотя есть двадцать четыре буквы,
но не наполняются лишь ими книги,
но прибавлено двугласных одиннадцать,
и в числах еще три...

и собирается их тридцать восемь.

Так же, по тому подобию и образу,
сотворил святой Кирилл тридцать восемь букв.

Другие же говорят:

«Для чего славянские буквы?

Ведь их не Бог сотворил, не его апостолы,
они не исконные, как еврейские, римские и эллинские,
которые от начала суть и приняты Богом».

А другие думают, что Бог нам сотворил буквы,
и не ведают, что говорят, окаянные.

И будто на трёх языках Бог повелел буквам быть,
как в Евангелии писано:

«„И была на доске надпись по-еврейски, по-римски и по-эллини“.

А по-славянски не было там,
потому что славянские буквы не от Бога».

О том что скажем или что поведаем таким безумцам?

Все скажем по святым книгам,
как научились по ним,

всё по порядку бывает от Бога,

а не единожды было...
А славянские буквы?
Их один святой Константин, нареченный Кириллом, —
и письма сотворил...
и книги перевёл за малые годы...
Тем же славянским письмам более святости и чести,
что святой муж сотворил их,
а греческие — эллины поганые [некрещёные].
Если же кто скажет,
что не устроил их добро,
потому что доделывают их ещё,
в ответ скажем этим:
и греческие также многожды доделывали...
Легче ведь после доделывать,
нежели первое сотворить.
Вот если спросить книжечеев греческих так:
кто вам письма сотворил
или книги перевёл, или в какое время, —
то редкие из них знают.
Если же спросить славянских грамотеев так:
кто вам письма сотворил или книги перевёл,
то все знают и, отвечая, говорят:
святой Константин Философ, нареченный Кириллом, —
он нам письма сотворил и книги перевёл,
и Мефодий, брат его.
И если спросить, в какое время,
то знают и говорят,
что во время Михаила, царя греческого,
и Бориса, царя болгарского,
и Ростислава, князя моравского,
и Коцела, князя блатенского,
в лето от сотворения всего мира 6363-е...
Так разум, братья, Бог дал славянам,
Ему же слава и честь, и держава, и поклонение
ныне и присно и в бесконечные веки.
Аминь.

СЛОВО

Молчат гробницы, мумии и кости —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте
Звучат лишь Письмена.
И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья
Наш дар бессмертный — речь.

И. А. Бунин

* * *

Великий день Кирилловой кончины —
Каким приветствием сердечным и простым
Тысячелетней годовщины
Святую память мы почтим?
Какими этот день запечатлеть словами,
Как не словами, сказанными им,
Когда, прощаясь и с братом, и с друзьями,
Он нехотя свой прах тебе оставил, Рим...
Причастные его труду,
Чрез целый ряд веков, чрез столько поколений,
И мы, и мы его тянули борозду
Среди соблазнов и сомнений.
И в свой черёд, как он, не довершив труда,
И мы с неё сойдём и, словеса святые
Его вспомянув, воскликнем мы тогда:
«Не изменяй себе, великая Россия!
Не верь, не верь чужим, родимый край,
Их ложной мудрости иль наглým их обманам,
И, как святой Кирилл, и ты не покидай
Великого служения славянам».

Ф. И. Тютчев

Как звёзды в синеве далёкой,
Как солнце ясное во дни, —
Из тьмы веков седой, глубокой,
Святые братья в наши дни
Нетленной славою сияют.
Хвала апостолам славянства
И нашей грамоты творцам!
В красе духовного убранства
Они по всем земли концам
Язык наш чудный прославляют...

В.А. Жуковский

Уж десять столетий промчалось, собратья,
С тех пор, как святые великие братья
Кирилл и Мефодий единой душой
Внесли в мир славянства свет веры святой.
Пришли, чтоб открыть наши грешные очи
И, тьму разгоняя, как звёзды среди ночи,
Нам путь к Богу-Слову собой осветить
И в сердце отрадное чувство пролить.
Уж десять столетий труды их святые
Вливают в сердца нам потоки живые
Божественных истин — посредством письмен,
Что создали братья на благо словен.
С тех пор дорогие народа преданья
И песни о быте его и страданьях,
И повести славных деяний людских
Мы свято храним на страницах живых.
Хвала вам, апостолы веры Христовой!
Хвала вам, Мефодий и светлый Кирилл,

Приход ваш к славянам — и Руси путь новый
К познанию истинной веры открыл...

Восхвалим же, братья, Апостолов веры
В великом семействе славянском своём!
Слова их святые, святые примеры,
Как высшее благо, навек соблюдём!
И им всей душою, не как лицемеры,
Достойно хвалебную песнь воспоем.

Неизв. автор

Беззвёздная полночь дышала прохладой,
Крутилася Лаба, гремя под окном;
О Праге я с грустной думал отрадой,
О Праге мечтал, забываяся сном.
Мне снилось — лечу я: орёл сизокрылый
Давно и давно бы в полёте отстал,
А я, увлекаем невидимой силой,
Всё выше и выше взлетал.
И с неба картину я зрел величаву,
В уборе и блеске весь западный край,
Мораву, и Лабу, и дальнюю Саву,
Гремящий и синий Дунай.

И Прагу я видел: и Прага сияла,
Сиял златоверхий на Петчине храм:
Молитва славянская громко звучала
В напевах, знакомых минувшим векам.
И в старой одежде святого Кирилла
Епископ на Петчин всходил,
И следом валила народная сила,
И воздух был полон куреньем кадил.
И клир, воспевая небесную славу,
Звал милость Господню на западный край,

На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На шумный и синий Дунай.

А.С.Хомяков

ПО МОТИВАМ СТИХОТВОРЕНИЯ А. С. ХОМЯКОВА

Не быстро, не скоро в холодной Сибири,
Но всё же приходит весна.
И небо становится выше и шире,
А даль — будто лучше видна.

За лесом, за полем, за синим оврагом
Стоящая в дальней стране,
Столица прекрасная, древняя Прага,
Опять представляется мне.

И я вспоминаю святого Кирилла...
Когда этот мир покидал,
Святого Мефодия, брата, просил он,
Чтоб паству тот не оставлял.

Тогда, собирая последние силы,
Усердно он Бога молил,
Чтоб солнце спасенья славян озарило,
Чтоб разум наш Бог просветил.

И он, припадая ко Господу Славы,
Молился за весь этот край —
За Лабу, Мораву, за дальнюю Саву,
За шумный и синий Дунай.

Тогда рассветало над теми краями,
И день начинался для них.
Помилуй нас, Боже, и будь вместе с нами
Молитвами братьев Святых!

Л. Долгушина

Хвала и гимны вам, Кирилл, Мефодий!
Хвала за подвиг славный и святой,
И звуки кант, молитвенных мелодий
Из уст пусть льются, как поток речной!

Вы их достойны, братья преподобны,
Ваш труд велик, и нет ему цены.
Он вам доставил жизненный путь скорбный,
Но мы теперь им все искуплены —

От предрассудков, прежних суеверий,
Забвенья Бога, людям всем Отца,
От диких нравов, грубых заблуждений,
Тогда терзавших души и сердца

Сынов нам родственной семьи славянской,
Когда со словом истины живым
Пришли вы к жителям земли Болгарской,
Потом к моравам — братьям им родным.

Да будет вам хвала, Кирилл, Мефодий!
Хвала за подвиг славный и святой,
И звуки кант, молитвенных мелодий
Из уст пусть льются, как поток речной!

Неизв. автор

ПАМЯТИ СВЯТЫХ БРАТЬЕВ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

Святые Кирилл и Мефодий пред нами,
Их память великую славно мы чтим.
Украстье же, дети, икону цветами,
Пролейте слезу благодарности им.

Простые их буквы — не искры ли это?
Не брызги ли это небесных лучей?
Снопам великого вечного света
Они воссияли над жизнью людей.

На север славянский от светлого юга
Те искры святые они принесли,
И их не задула суровая вьюга,
Они разгорелись по лону земли...

Светильника их чудотворная сила
Святою лампадой горит в темноте —
Нет бури, что светоч бы тот погасила,
Нет моря, что искры бы залило те!

Вы, чистые, юные, милые дети!
Любите угодников этих святых!
И пусть перед вами в таинственном свете
Сияют их лики в венцах золотых.

В тяжёлом сомненье, в житейской невзгоде,
В беде — призывайте вы их имена...
Учители наши, Кирилл и Мефодий,
Хранят нас молитвой на все времена!

Неизв. автор

Буква к букве — будет слово.
Слово к слову — речь готова.
Так прославим буквы эти,
Пусть они приходят к детям,
И пусть будет знаменит
Наш славянский алфавит!

Неизв. автор

По широкой Руси — нашей матушке
Колокольный звон разливается.
Ныне братья святые Кирилл и Мефодий
За труды свои прославляются.

Вспоминают Кирилла с Мефодием —
Братьев славных, равноапостольных —
В Белоруссии, в Македонии,
В Польше, Чехии и Словакии,
Хвалят братьев премудрых в Болгарии,
В Украине, Хорватии, Сербии.

Все народы, что пишут кириллицей,
Что зовутся издревле славянскими,
Славят подвиг первоучителей,
Христианских своих просветителей.

Неизв. автор

СЛАВА ВАМ, БРАТЬЯ КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ!

Слава вам, братья Кирилл и Мефодий,
Славянских народов святые отцы!
В храмы сегодня с почтеньем приходим,
Чтоб поклониться вам, братья-творцы.

Перед украшенной в праздник иконой
Я поминальную ставлю свечу.

Под колокольные вечные звоны
Братьев святых я прославить хочу.

Звон колокольный плывёт над землёю,
Подвиг ваш славен во веки веков,
Братья-подвижники, братья-герои,
Лики увиты гирляндой цветов.

Азбуки свет подарили народам,
Чтобы историю знать мы могли.
Слава вам, братья Кирилл и Мефодий,
Гордость и сила славянской земли!

Пер. с болг. О. Мальцевой-Арзиани

Алфавит и азбуку
Братья наши славные
В Русь и Македонию
С верой принесли.

Азбука прекрасная,
Глаголы вдохновенные,
И её «кириллицей»
Люди нарекли.

Нас Кирилл с Мефодием
Научили грамоте,
Племена славянские,
Болгарию и Русь.

В память светлую
О матерях и праотцах
Братья наши славятся
На всю Святую Русь.

Д. Рыжкова, 12 лет

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Был един народ славянский: и те славяне, что сидели по Дунаю, покорённые уграми, и моравы, и чехи, и поляне, которых теперь называют русь. Для них ведь, первых, для моравов, созданы буквы, названные славянской грамотой; эта же грамота и у руси, и у болгар дунайских. Когда славяне жили уже крещёными, князья их — Ростислав, Святополк и Коцел — послали к царю греческому Михаилу, говоря:

— Земля наша крещена, но нет у нас учителя, который бы наставил и поучил нас и истолковал святые книги, ибо не знаем мы ни греческого языка, ни латинского. Одни учат нас так, а другие иначе, от того не знаем ни начертания букв, ни их значения.

Пошлите нам учителей, которые могли бы нам рассказать о книжных словах и о смысле их.

Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий. Икона

полностью с греческого языка на славянский за шесть месяцев, начав в марте, а закончив 26 октября.

А славянский язык и русский — одно, ибо от варягов прозвались русью, а сперва были славяне. Хотя и назывались полянами, ибо в поле сидели, но у них была славянская речь, а язык славянский — един.

С тех пор появилась у славян своя азбука. А братьев Кирилла и Мефодия Православная Церковь почитает как святых.

(Из книги «Рассказы начальной русской летописи» / Сост. Д.С. Лихачёв)

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНЫХ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ, ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ СЛАВЯН

(ОТРЫВОК)

Около сего времени, то есть 860 года, должно предполагать странствие блаженного Мефодия к болгарам для обращения в христианство царя их Богориса, или Бориса, с его народом; хотя событие сие не упоминается в житии Мефодия, но о нём говорит летописец греческий Иоанн Куропалат.

Он пишет, что при царе Михаиле болгарский властитель, начинавший уже склоняться к христианству, но ещё державшийся обычаев языческих, просил из Царьграда искусного иконописца для расписания своих палат. И послан был от царя и Патриарха опытный в сем деле инок по имени Мефодий, но с иною — высшею целью.

Богорис велел изобразить ему на стенах различные ловитвы, птиц, и зверей, и драконов, и что-либо ужасное, на которое не мог бы без страха взирать человек. Благоговейный же инок, ничего не ведая, что могло бы быть страшнее Второго Христова Пришествия и геенны, на одной обширной стене палаты изобразил Последний Суд и различные муки геенские. Любопытствовал царь болгарский уразуметь таинственный смысл сего невиданного им дотоле изображения. Мефодий, пользуясь благоприятным случаем, объяснил ему, каким образом стоящих одесную Судии праведников венчают ангелы царственными венцами и воздеют на небеса, а стоящих по левую сторону грешников похищают дьяволы и ввергают в муки геенские.

Ужаснулся Борис, внимая изъяснению страшных образов, и, убедившись в истине христианства проповедью мудрого иконописца, послал в Царьград к императору и Патриарху просить себе епископа и священников, которые бы окрестили народ болгарский.

Это было началом обращения славян к учению христианскому.

Вскоре после сего и другие князья племени славянского начали обращаться к вере. Ростислав, князь моравский, по внушению Бога, хотящего всем человекам спастися и в разум истины при-

Святитель Фотий. Икона

йти, совещался с племянником своим Святополком и Коцелом, князем Паннонии, с вельможами и народом и послал от себя избранных людей к императору в Царьград с таким словом: «Народ наш уже отвергнул идолослужение и желает держаться христианского закона. Но мы не имеем такого учителя, который бы совершенно научил нас святой вере и нашим языком наставил бы нас на закон благочестивый, дабы и другие страны, взирая на нас, нам подражали. И так молим тебя, Владыко, попекись о спасении нашем и пошли нам такого епископа и учителя, ибо от вас всегда исходит добрый закон во все страны».

Князья славянские имели причину обратиться за духовным просвещением в Царьград как столицу просвещения того времени, ибо приходившие к ним священники латинские не знали языка их для перевода книжного.

Император Михаил соборно совещался по случаю сего посольства с знаменитым по своему просвещению Патриархом Фотием, который восседал тогда на кафедре Константинопольской, и весь Освященный Собор рассудил просить опять блаженного Константина идти вместе с братом его Мефодием к народам славянским, как они ходили к хазарам.

— Слышал ли о прощении князей славянских? — говорил ему император. — Знаю, что ты много уже потрудился и теперь болен телом, но никто иной не может исполнить сего, кроме тебя. Я дам тебе дары многие князьям моравским, ты же возьми брата

своего, игумена Мефодия, идите вместе, ибо вы оба из Солуни, а солуняне все чисто беседуют по-славянски...

Константин отвечал царю:

– Хотя и труден я и болен телом, но иду к славянам, если они имеют буквы для своего языка.

Царь говорил ему:

– Дед мой и отец искали их и не обрели — как же я могу их обрести?

Философ опять отвечал:

– Как же можно на воде писать беседы? А изобретение новых может навлечь имя еретика.

Опять возразил царь:

– С правдою и умом твоим, если хочешь, то может и тебе даровать Бог то, что даёт всем, которые просят, не сомневаясь.

По своему обычаю святой Константин наложил на себя пост и заключился на молитву в келье, и не один, но с другими споспешниками того же духа (то есть с теми учениками, которые должны были ему содействовать в деле проповеди); пламенно помолился он, чтобы Господь явил ему славянские письма, и услышал Господь молитву рабов своих.

Тогда, сложив или устроив письма, написал беседу евангельскую, то есть приступил к переводу Евангелия на славянский язык, и начал с боговдохновенных слов Иоанна: *Искони бе Слово, и Слово бе от Бога, и Бог бе Слово...*

Возрадовался император сему новому подвигу боговдохновенного философа и прославил Бога вместе с Патриархом и со всем

Памятник святым братьям Кириллу и Мефодию. Пазарджик. Болгария

Освященным Собором. Он послал богатые дары князьям моравским и написал от себя послание к Ростиславу: «Бог, повелевающий всякому прийти в разум истины, видев веру твою, сотворил великое дело в наши времена, явив письмена вашему языку, чего не видано было прежде, и он причёлся к тем древним языкам, которыми от давних лет прославляется имя Божие. Посылаем к тебе того самого честного мужа, чрез которого Господь открыл сии письмена, философа благоверного и весьма книжного, который несёт тебе дар, честнее всякого злата и камней драгоценных. Содействуй ему утвердить вашу речь и възыщи Бога, не ленясь ни на какой подвиг, чтобы и ты, приведя своих в Божий разум, восприял за сие мзду и в сем веке, и в будущем».

Церковь в честь святых Кирилла и Мефодия на родине святых братьев в г. Фессалоники. Греция

Церковнославянский язык

СТАРΟΣЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

А всё же до жалости редко
Среди почитаемых книг
Мы ищем язык наших предков —
Для нас неудобный язык.

Пускай не во всём он понятен
И мудрым учёным порой
И белых в нём более пятен,
Чем даже на карте земной, —

Но вслушайтесь в давнюю эту
Эпоху за каждой строкой:
В словах легковесности нету,
Поспешности нет никакой!

Как капли его золотые,
Живут и сейчас в языке
Слова налитые, густые —
Хоть каждое взвесь на руке.

Они веселы и суровы,
До наших времён донесли
Значительность каждого слова
В начале Российской земли.

О. Дмитриев

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ

Всё чаще и чаще заставляли меня читать по вечерам «Сокровище духовное, от мира собираемое» святителя Тихона Задонского. Я выучил наизусть вступительные слова к этой книге и любовался ими, как бисерным кошелёчком, вышитым в женском монастыре и подаренным мне матерью в День ангела:

«Как купец от различных стран собирает различные товары и в дом свой привозит, и сокрывает их, так христианину можно от мира сего собирать душеполезные мысли и слагать их в клетки сердца своего, и теми душу свою созидать».

Многое что не понимал в этой книге. Нравились мне лишь заглавия некоторых поучений. Я заметил, что и матери эти заглавия были любви. Прочтёшь, например, «Мир», «Солнце», «Сеятва и жатва», «Свеща горящая», «Вода мимотекущая», а мать уж и вздыхает:

– Хорошо-то как, Господи!

Отец возразит ей:

– Подожди вздыхать... Это же «зачин».

А она ответит:

– Мне и от этих слов тепло!

Читаешь творение долго. Закроешь книгу и по старинному обычаю поцелуешь её. Много прочитано разных наставлений Святителя, а мать твердит только одни ей полюбившиеся заглавные слова:

– «Свеща горящая»... «Вода мимотекущая»...

Памятник святителю Тихону Задонскому
в г. Задонске Липецкой области

МОЛНИИ СЛОВ СВЕТОЗАРНЫХ

Любил дедушка Влас сребротканый лад церковнославянского языка. Как заговорит, бывало, о красотах его, то так и обдаст тебя монастырским ветром, так и осветит всего святым светом. Каждое слово его казалось то золотым, то голубым, то лазоревым и крепким, как таинственный адамантов камень. Тяжко грустил дедушка, что мало кто постигал светозарный язык Житий, Пролога, Великого канона Андрея Критского, Миней, Триоди Цветной и Постной, Октоиха, Псалтири и прочих боговдохновенных песнопевцев. Не раз говаривал он мягко гудящим своим голосом:

– В кладезе славянских речений — златые струи вод Господних. В нём и звёзды, и лучи, и ангельские гласы, и каменья многоцветные, и чистота снега горного светлейшая!

Развернёт, бывало, дед одну из шуршистых страниц какой-нибудь древней церковной книги и зачнёт читать с тихой обрадованной улыбкой. Помню, прочитал он слова: *«Тя, златозарный мучеников цвет, почитаю»*. Остановился и сказал в тихом вдумье:

– Вникни, чадо, красота-то какая! Что за слово-то чудесное — «златозарный». Светится это слово!

До слёз огорчало деда, когда без великой строгости приступали к чтению, старались читать в нос, скороговоркой, без ударений, без душевной уветливости.

Редко кто понимал Власа. Отводил лишь душу со старым заштатным диаконом Афанасием — большим знатоком славянского языка и жадно влюблённым в драгоценные его камни. Соберутся, бывало, в повечерье и заструятся у них такие светлопевучие речи, что в сумеречном домике нашем воистину заревно становилось. Оба они с диаконом невелички, сребровласые, румяные и сухенькие. Дедушка был в обхождении ровен, мягок, не торопыга, а диакон — горячий, вздымастый и неуёмный. Как сейчас помню одну из их вечерних бесед...

Набегали сумерки. Дед ходил в валенках-домовиках по горенке и повторял вслух только что найденные в Минее слова: *«Молниями проповедания просветил еси во тьме седящая»*.

Диакон прислушивался и старался не дышать. Выслушал, вник и движением руки попросил внимания. Дед насторожился и перестал ходить. Полузакрыв глаза, с лёгким румянцем на щеках, диакон начал читать переливным голосом, мягко округляя каждое слово: *«Велий еси, Господи, и чудна дела Твоя, и ни едино же слово довольно будет к пеню чудес Твоих. Твоею бо волею от небытия в бытие привел еси всяческая: Твоею державою содержиши тварь, и Твоим промыслом строиши мир...»* Дед заговорившимся взглядом следил за полётом высоких песенных слов, а диакон продолжает ткать в синих сумерках серебряные звёзды слов: *«Тебе поет солнце, Тебе славит луна, Тебе присутствуют звёзды, Тебе слушает свет, Тебе трепещут бездны, Тебе работают источницы, Ты простерл еси небо яко кожу; Ты утвердил еси землю на водах; Ты оградил еси море песком; Ты ко отдыханием воздух проливал еси...»*¹. Диакон вскакивает с места, треплет себя за волосы и кричит на всю горницу:

— Это же ведь не слова, а молнии Господни!

Дед вторит ему с восхищением:

— Молниями истканные ризы Божии! — и в волнении ходит по горенке, заложив руки за монастырский поясок. В такие вечера вся их речь, даже самая обыденная, переливалась жемчугами славянских слов, и любили, грешным делом, повеличаться друг перед другом богатством собранных сокровищ. Утешали себя блеском старинных кованных слов так же, как иные утешают себя песнями, плясками и музыкой.

— А это разве не дивно? — восклицает диакон. — Слушай: *«Таинство ужасное зрю: Бог бо Иже горстию содержи всю тварь, объемлется плотию в яслех безсловесных и рубищи повивается повиваяй мглою море»*.

— Не слова, а звёзды светосиянные, светильники светлейшие и прозарнейшие, — с дрожью в голосе отзывается дед, — светловещанная мудрость!

— А не возликуешь ли душою, раб Божий Власий, когда запоют над гробом твоим: *«В путь узкий ходиши прискорбный,*

¹ Ты излил воздух для всего дышащего.

все в житии крест яко ярем взялиши... Приидите насладитесь ихже угодовах вам почестей и венцов небесных»... «Сей бо отходит яко дым от земли, яко цвет отцвете, яко трава посечется»...

— Жизнь наша есть: цвет и дым, и роса утренняя воистину, — прибавляет Влас и обнимает диакона.

— А какие слова-то, Господи, встречаются: световидный, светоблистанный, светоносный, светозарный, — говорит он сквозь слёзы. — *«Душу мою озари, сияньми невечерними озаряемь присно»...*

«Цвете прекрасный», «шум громный», «зарю пресветлою озари концы вселенной», «жизнь нестареемая», «одеяйся светом яко ризою»... «Милосердия двери отверзи нам».

Всё светло. Всё от сердца, от чистоты, от святости, от улыбки Господней...

Подозвал, помню, меня дед к себе, погладил по голове и сказал: «Возлюби Божью красоту!»

До поздней ночи сквозь прозрачную дрёму слышишь то диакона, то дедушку, пересыпающих жемчуг Божьих слов. И не хочется погружаться в сон: так бы и колебался на зыбких певучих струнах боговдохновенных речений.

Святитель Димитрий Ростовский

ЦВЕТОЧКИ БЛАГОУХАННЫЕ

(в сокращении)

Знают весну по цветам, как лето по колосьям; лето жатвою красно; осень плодами богата; зима украшается снегами; а весну знают по цветам! И Господь наш велит нам смотреть на эти цветы: *«Смотрите, — говорит, — крин сельных, како растут!»* (Мф. 6, 28.)

Слово *«крин»* означает *лилию* — царицу цветов. Когда говорится в Евангелии: *«Смотрите крин сельных...»* — это значит то же, что *«смотрите на полевые цветы»*. Велит нам Господь наш смотреть на полевые цветы для того, чтобы мы получали от них некую духовную пользу, ибо как пчела, летая по цветам, собирает

Димитрий Ростовский. Художник В. Шебуев

с них мёд, так и мы, взирая не телесными только, но и духовными очами на цветы, соберём духовную сладость, научимся некоему познанию.

Господь наш, поучая нас нестяжанию, велит нам смотреть на полевые цветы, как они растут: *«Не труждаются, не прядут»*, а Бог их *«так одева-ет»*. Не подумай, что Бог сими словами запрещает трудиться и иметь житейские попечения — нет! Он и Адаму повелел иметь пропитание от труда рук своих и добывать себе хлеб в поте лица. Он запрещает только излишнее попечение, которое бывает соединено со грехом и опасностью; Господь говорит о тех, которые не надеются на Промысел Бо-

жий, ненасытно ищут обогащения, забывают Бога и обижают своего ближнего грабежом, воровством, разбоем и всякими неправдами. Вот таким-то Бог и велит смотреть на птиц, Богом питаемых, на цветы, Богом одеваемые, и полагаться более на Его Святой Промысел, чем на свои попечения.

Смотреть на цветы полевые Господь велит ещё и для того, чтобы мы познавали суету и скоротечность сей нашей жизни. Помните, что говорит Давид: *«Человек, яко трава дние его, яко цвет сельный, тако отцветет»* (Пс. 102, 15). Вся жизнь наша — как будто один день: как день имеет утро и вечер, так и в жизни нашей утро — это рождение наше, а вечер — кончина. В этом-то дне, то есть в жизни, мы как будто трава. И в краткой жизни нашей — что другое можно видеть, как только траву и цветы, скоро увядающие? Посмотришь ли на красующуюся молодость? Это — цветок, которому нечего ждать, кроме того, что ему скоро

придётся поблекнуть! Взглянешь ли на цветущие красотой лица? И это — цветок, в тот же день увядающий... Видишь ли человека, телом бодрого, сильного, здорового? Опять — цветок, который из-за какого-нибудь маловажного случая тотчас теряет и силы, и бодрость, и здоровье. Смотришь ли на богатство и роскошь? И всё это — цветок, который может исчезнуть за одну ночь... Что за плод от богатства и роскоши, кроме хлопот, печали и слёз? Какой плод будет от почестей, славы и роскошной жизни? Вот пустоцвет кратковременной, жалкой жизни нашей.

Но я опять обращаюсь к словам Господа: «*Смотрите крин сельных, како растут*». Как же растут сельные крины — цветы? Они растут и раскрываются к небу. Не к земле трава обращает свой цветок, а развёртывает его к небу, раскрывается, расплоскивается, будто хочет показать их Лицу Небесному, или лучше сказать — Самому Создателю Богу. А Господь наш велит нам смотреть на сие и учиться у цветов тому, чтобы помыслы сердечные, наши желания, наши привязанности обращать не к земным пристрастиям, но к Единому Богу, чтобы любить не тварь, а Творца, желать не земного, но Небесного. Вот почему Он и говорит: «*Смотрите крин сельных...*», пусть сами цветы полевые служат вам примером.

Если человек, по слову Псалмопевца, *яко трава*, то помыслы в сердце будут *яко цвет* или *лепестки цветов*. Вот их-то человек и должен раскрывать Богу — Создателю своему, о Нём Едином всегда помышлять, Его Единого в своих помыслах содержать. У кого сердце и ум расположены к сему, у того и цветы сии не останутся без плода, но принесут плод воистину Божественный. Кто всегда помышляет о Боге, тот любит Бога, кто всегда мыслит о земном, тот любит юдоль земную. Кто что любит, тому и сам подобен!..

ПЕРЕВОД СО СЛАВЯНСКОГО

Аля принялась было читать бабушке рассказ Андерсена, но вбежавшие дети опять ей помешали.

– Бабушка, скажи, пожалуйста, разве дьякон в церкви всё по-русски читает? — спрашивала Саша. — Лиза говорит, что по-русски, а я думаю, что не всё по-русски, потому что иного нельзя понять.

Девочки стали перед бабушкой, ожидая её решения.

– Священник, дьякон и весь причт читают церковную службу не на нашем русском языке, а на славянском, потому что наш язык произошёл от общего славянского и к нему весьма близок; поэтому мы, с небольшим навыком, можем понимать и другие языки родных нам славянских племён, которые разбросаны посреди Европы.

– Бабушка, вот их зовут славянами, а отчего же нас зовут русскими? — спросили меньшие девочки.

– И у них, дети, есть свои особенные имена, чтобы отличить одно племя от другого; они зовутся болгары, сербы, чехи, хорваты, словаки, черногорцы, галицкие руссы и проч.

– Если бы к нам пришёл серб, он бы понял, что мы с тобой говорим?

– С непривычки, он понял бы, как говорится, из пятого в десятое; но дай ему эту книгу, сказала бабушка, придвигая к себе Евангелие, и он поймёт её всю, с начала до конца, так же хорошо, как и я её понимаю.

– Неужели, — спросила Аля, — каждый серб, чех и болгарин поймёт наше Евангелие?

– У всех почти славян слово Божие писано на одном языке; болгарин даже легче нашего поймёт его, потому что оно переведено с греческого Кириллом и Мефодием, болгарскими монахами, на тогдашний болгарский язык.

– Бабушка, а ведь это весело думать, что у нас есть что-нибудь одно с ними, и мы все это одинаково любим! Не правда ли, бабуш-

ка, это весело? — ласково спрашивала Аля, умильно заглядывая старушке в глаза.

Нежно и тихо усмехнувшись на эту задушевную речь внучки, старушка молча поцеловала Алю.

— Бабушка, и они нас любят? — спросила Саша.

— Кто, дружок?

— Да они все, те люди, про которых ты говорила, те... что ты называла роднёй нашей, — пояснила Саша, не могшая припомнить названий разных славян.

— А ты их любишь? — спросила старушка.

— Я? — сказала удивлённая Саша, — бабушка, я их совсем не знаю!

— Правда, моя девочка, и нельзя любить того, чего не знаешь; думаю, что и они нас знают немного поболее твоего! А всё-таки, — сказала старушка, поворачиваясь к старшей внучке, — отрадно, дружок, что есть между народами такая высокая связь, какова у нас с родными нам славянскими племенами.

Аля уже готова была взяться за Андерсена, но сёстры её, надумав что-то, обратились опять к бабушке с вопросом:

— Бабушенька, почитай мне немножко из твоего Евангелия.

Саша придвинула Евангелие, открыв на своей закладке; бабушка перевернула несколько листков, потом прочитала внятно, с расстановкой, из десятой главы Маркова Евангелия: *И приношаху к Нему дети, да коснется их, ученицы же прецаху приносящым. Видев же Иисус, негодова, и рече им: оставите детей приходить ко Мне и не браните им, тацех бо есть Царствие Божие.* Прочитав это, старушка посмотрела на удивлённую Сашу.

— Ну, Саша, — закричала Лиза, — разве это не всё равно, что по-русски, разве ты этого не понимаешь?

— Конечно, по-русски, — бойко закричал Миша, которому слова показались знакомыми, а о смысле он не заботился.

— По-нашему, — отвечала бабушка, — *приношаху* значит приносили, а *прецаху* — значит запрещали.

Потом девочка остановила её на слове *тацех*.

— *Тацех*, значит таких; на славянском языке буква *к* часто заменяется буквою *ц*, когда говорится о многих; по-русски гово-

рится: *ученики*, а по-славянски *ученицы*; по-нашему *руки*, а по-славянски *руце*. Пока бабушка читала и толковала, Саша всё тянулась и следила за пальцем старушки; замечая же, что она, прежде чем выговорила для примера *руце*, что-то прочла про себя, девочка попросила прочесть те строки вслух; и старушка прочитала медленно: *И объёмь их, возложь руце на них, благословляше их*, и тотчас перевела это так: «*Господь обнял детей, и положи на них руки, благословил их*».

— Бабушка, это кто обнял детей? Бог-то?

— Да, Мишенька, Господь обнял и благословил их.

— А за что Он обнимал и благословлял их? — спрашивал удивлённый мальчик.

— За то, дружок, что их обижали, гнали, не допускали к Господу, а Он любит и жалеет всех людей, особенно тех, кого обижают; Он всегда заступает за них и утешает их.

— Бабушка, это очень хорошо! — говорил Миша, всё ближе и ближе становясь. — А дети Его очень любили? — горячо допрашивал мальчик, прижимаясь к бабушке и оттесняя Сашу. — Да, Саша, пусти, — сказал он, наконец, оттолкнув сестрицу и став на её место.

— Как же не любить! — разумеется, любили, и слушались Его, и никогда не отгоняли и не отталкивали друг друга, чтобы стать на чужое место, — прибавила старушка, — пристально глядя на Мишу. — Господь велит заботиться друг о друге, никого не обижать, говорить правду, не лгать; кто из детей слушается Его, того Он и любит.

— Ведь уже Бог теперь на небе! — сказал Миша в раздумьи, — уже Он более не здесь!

— Это, Мишенька, всё равно: Бог одинаково видит, слышит и знает всё, что мы делаем, слушаемся Его или нет, обманываем, обижаем кого или заботимся друг о друге; всё это Он видит точно так, как бы стоял здесь, перед нами.

Миша, взглянув на Сашу, посторонился немного, давая ей место.

Первые учебные пособия на Руси

* * *

Чем больше будут раскопки, тем больше они дадут драгоценных свитков берёзовой коры, которые, смею думать, станут такими же источниками для истории Новгорода Великого, какими для истории эллинического и римского Египта являются папирусы.

Профессор А.В.Арциховский, участник первых экспедиций, открывших миру берестяные грамоты Великого Новгорода

**Андрей Анатольевич Зализняк,
Валентин Лаврентьевич Янин**

НОВГОРОДСКАЯ ПСАЛТЫРЬ НАЧАЛА XI ВЕКА – ДРЕВНЕЙШАЯ КНИГА РУСИ

(в сокращении)

13 июля 2000 г. на Троицком-XII раскопе из напластований первой четверти XI века была извлечена уникальная находка — древняя книга (кодекс) с текстом, написанным по воску. Кодекс представляет собой триптих: он состоит из трёх деревянных (липовых) дощечек размером 19×15×1 см. Каждая дощечка имеет прямоугольное углубление (15×11,5 см), залитое воском; на средней дощечке такие углубления сделаны с двух сторон. Таким образом, кодекс содержит четыре восковых страницы, так называемые церы. Внешние стороны первой и последней дощечек играют роль «обложек» кодекса. У дощечек есть на краях отверстия, в которые вставлены деревянные штыри для соединения их в единый комплект.

Хорошо известно, что церы — навощённые дощечки — широко употреблялись для письма в древних Греции и Риме, а также в средневековой Западной Европе. Иногда соединялись в «кодекс» пять и более дощечек, образуя «полиптих», но чаще бытовали, как и в нашем случае, соединения трёх дощечек — «триптихи». Орудием письма на церах служили «стилосы» — металлические или костяные стержни, заострённые для писания по воску на одном конце и снабжённые плоской лопаточкой для стирания написанного на другом.

В октябре 2000 г. в Лаборатории имени Ангстрема отделения ионной физики Университета Упсалы И.Посснерт произвёл радиоуглеродный анализ воска из данного кодекса. Основные результаты таковы: датирующий интервал 760–1030 годы.

Таким образом, найдена древнейшая ныне известная книга Древней Руси. Она как минимум на несколько десятилетий старше, чем самая ранняя датированная книга Древней Руси — Остромирово Евангелие 1056–1057 гг.

Следует учитывать, что Остромирово Евангелие — самая ранняя точно датированная книга не только Руси, но и всего славянского мира. Ни одна из старославянских книг не имеет даты в тексте. Все они датируются лишь по косвенным данным (палеографическим и лингвистическим) — обычно лишь с точностью до столетия. В частности, самые древние старославянские книги, писанные кириллицей, — Супрасльский кодекс и Саввина книга — традиционно датируются XI столетием, но даже и столь широкую датировку нельзя считать вполне гарантированной.

Понятно, сколь ценно то, что новонайденный кодекс датируется в интервале порядка четверти века. И эта дата такова, что наш кодекс оказывается самой ранней славянской книгой с относительно узким интервалом датировки. Более ранними славянскими датированными документами являются лишь некоторые древнеболгарские надписи X столетия; но надписи — это существенно иная категория письменных памятников.

Основной текст кодекса состоит из двух псалмов: 75 и 76 (по традиционной православной нумерации). Перед нами часть Псалтыри, а именно заключительные псалмы 10-й кафизмы.

Мы предлагаем именовать новонайденный памятник Новгородской Псалтырью, подобно тому как существуют, например, Синайская Псалтырь или Болонская Псалтырь (конечно, кодекс содержит не всю Псалтырь, а лишь несколько псалмов, но таковы же и некоторые другие древние Псалтыри, скажем, Евгениевская).

То, что древнейшей ныне известной книгой Руси оказалась именно Псалтырь, со статистической точки зрения, неудивительно. В Древней Руси Псалтырь была самой распространённой книгой. Она служила не только для чтения и Литургии, но и для обучения грамоте. Именно по ней из века в век одно за другим поколения русских людей учились читать (а у старообрядцев этот обычай сохраняется и поныне). Многие знали Псалтырь целиком наизусть, а отдельные псалмы помнил едва ли не каждый.

В кодексе текст псалма 76 заканчивается немного ниже середины четвёртой страницы. Далее идёт пустое пространство в четыре-пять строк со следами затёртого текста, после чего следуют шесть строк из псалма 67 (из стихов 4–6).

Вопрос о том, какую роль играли в кодексе строки из псалма 67, на первом этапе изучения памятника оставался неясным. Можно было предполагать, что эти строки составляли часть молитвы, но было непонятно, почему они начинаются с полужаза. Разгадка пришла позднее, когда удалось установить, что затёртый текст — это предшествующие стихи того же псалма 67, однако начало этого псалма оказалось под нынешним текстом псалма 76. Тем самым выяснилось, что нынешний текст написан

Новгородская Псалтырь

поверх затёртого прежнего текста, содержавшего псалом 67 (и предшествующие ему). Последний кусок прежнего текста писец оставил нестёртым: для его новой записи «расчищенного» места уже хватало. Это значит, что писец не рассматривал данный кодекс как окончательно изготовленную книгу, которую остаётся лишь поставить на полку. Это была для него как бы книга «с бегущим текстом», функциональный аналог грифельной доски.

Может быть, перед нами просто ученические упражнения, состоявшие в том, чтобы последовательно списывать одну часть Псалтыри за другой? Но такая версия должна быть немедленно отвергнута: почерк и весь характер письма неоспоримо свидетельствуют о том, что его писал опытный мастер. Его рука безупречно тверда, каждая буква имеет чрезвычайно устойчивое начертание, почти как в печатных книгах, — это первейший признак каллиграфического мастерства. Если перед нами всё же инструмент учебного процесса, то он писан рукой учителя...

Списывая со старославянского оригинала, писец Новгородской Псалтыри, несмотря на высокую тщательность его работы, всё же допустил несколько ошибок, причём таких, какие мог сделать только человек, чьим родным языком был древнерусский.

Итак, Новгородская Псалтырь — самый ранний памятник церковнославянского языка русского извода. Написавший её мастер почти наверное был свидетелем Крещения Руси в 988–990 гг. Скорее всего, он был в это время ещё мальчиком. Можно представить себе даже, что он был из тех детей, которых сразу после Крещения Руси отдали в книжное учение и по которым матери «плакали как по мертвецах». Поразительно, как быстро из этого первого поколения грамотных русских людей смог выйти столь опытный книжный мастер.

Текст на воске сохранился в Новгородской Псалтыри столь превосходно, что его чтение не составляет особого труда. Но некоторые фрагменты растрескавшегося воска утрачены, и пришлось искать способы как-то восполнить образовавшиеся по этой причине лакуны. В ходе дополнительного обследования памятника удалось установить, что, помимо хорошо видимого текста на воске,

кодекс содержит также некоторые следы других текстов, правда, столь слабые, что в течение первых недель работы над памятником они вообще не были замечены. Все эти тексты написаны тем же почерком, что и основной текст на воске.

Помимо этого выяснилось, что имеются следы надписей, процарапанных на верхних и нижних частях деревянных рамок, которые служат как бы полями для восковых табличек. Правда, дерево здесь очень сильно истёрто, так что от букв сохранились лишь некоторые едва различимые штрихи. Весьма трудная работа по выявлению этих штрихов привела, однако, к успеху: удалось прочесть надписи на шести участках этих рамок.

Открылся связный текст, переходящий с верхнего поля на нижнее и с одной страницы на другую. Это оказались указания о предназначении данной книги, плавно переходящие в слова высокого поэтического достоинства о благе чтения Псалтыри. Вот этот текст в несколько осовремененной форме (но с сохранением ряда древних выражений): «Псалтырь без чина службы и без всех часов, без отпевания душ, без от себя прогнания всех людей, без отлучения алчущих знания. Сия книга Псалтырь — сиротам и вдовицам утешение мирное, странничкам недвижимое море, детям рабов неосуждаемое деяние».

Нет сомнения, что эти слова не сочинены писцом, а списаны с некоторого образца. Фраза «странничкам недвижимое море» с очевидностью выдает византийское происхождение текста: только в морской стране быть странником означает путешествовать по морю. Но прямого аналога всего этого текста пока ещё ни в славянских, ни в византийских источниках не найдено...

Итак, новооткрытый памятник — это самая древняя из дошедших до нас книг Древней Руси, самая ранняя из удовлетворительно датированных славянских книг. Она, несомненно, займёт почётное место в истории русской письменности и культуры и привлечёт к себе пристальное внимание специалистов многих наук — историков, археологов, лингвистов, палеографов, текстологов.

Древнерусская книга

ИЗ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Мне страшную быль рассказали —
Её повторить я готов, —
Как древние книги сжигали
В начале тридцатых годов.

Далёко, на Севере где-то,
Стоял монастырь у воды,
Стоял на окраине света,
Не видел татарской орды.

Тевтонцы туда не пробились,
Ни ляхи, ни Наполеон,
Там древние книги хранились
Ещё с византийских времён.

...Костры полыхали багрово,
И отблеск плясал на стене.
И, может быть, подлинник «Слова»
Сгорел в том ужасном огне.

Горели и акты, и святцы,
Сказанья Родимой земли...
Да что ж вы наделали, братцы!
Да как же вы это смогли?!

А. Жигулин

СКРИПТОРИЙ (в сокращении)

Настоящий материал является одним из разделов увлекательнейшей книги академика Н.Н.Покровского «Путешествие за редкими книгами» (3-е изд. Новосибирск, 2005). Опыт многолетнего общения автора с носителями традиции во время научных экспедиций за редкими книгами в глухие сибирские поселения-скиты позволил ему наблюдать и описать живую практику переписывания древних книг, уходящую корнями в вековую традицию. Эти описания вызвали огромный интерес специалистов, были быстро опубликованы сначала в Ленинграде, а затем и за рубежом.

Древнерусская рукопись начиналась, естественно, с бумаги и чернил. В виденных нами сибирских скрипториях переписка древних книг производилась на доступных переписчикам сортах бумаги, по возможности на более плотной, нелинованной; меловая бумага не употреблялась. О наличии водяных знаков на старой бумаге переписчики обычно не догадывались. Для полемических выписок, духовных стихов, отдельных молитв и житий шла любая, оказавшаяся под рукой бумага, в том числе листы из ученических тетрадей и даже целые тетради.

К бумаге для переписки служебных книг предъявлялись более строгие требования, особенно к нотным (крюковым) рукописям, которые обычно писались на самой плотной бумаге. Перед началом переписки обычно заготавливали тетради по восемь листов (из четырёх листов, каждый из которых сгибался вдвое), часто бумага заготавливалась таким образом сразу на всю книгу. Предпочитался близкий к школьной тетради размер, для небольших книг повседневного пользования употребляли даже очень маленький размер...

Нелинованная бумага графится с помощью доски-терексы. Она изготавливается следующим образом. Берётся гладко выструганная доска толщиной 3–5 мм и в 1–3 см от конца длинных её сторон тонким шилом делается по ряду парных отверстий. В отверстия протягиваются толстые нити, которые приклеиваются к доске; получают парные линии, ограничивающие высоту

каждой строки и расстояние между ними. Готовая доска покрывается обычно тонким слоем воска. Для того чтобы разлиновать лист бумаги, достаточно подложить под него терексу и провести несколько раз рукой по бумаге — линии слегка выдавятся на ней. Это нехитрое приспособление проделало долгий многовековой путь из книжных мастерских Древней Руси в затерянные среди сибирских гор старообрядческие избушки...

В более глухих и отдалённых районах ещё хорошо помнят железистые чернила (обычные в древнерусских скрипториях),

В монастырском скриптории. Миниатюра Жития преподобного Сергия Радонежского. 1592 г.

хотя из-за отсутствия дубовых орешков эти чернила уже давно не делали. Для изготовления их брали дубовые орешки, железные опилки, кислый квас, камедь. В наиболее замкнутых скитах употребляли чернила из берёзовой чаги: наплыв на берёзе очищался от коры, распиливался на небольшие пластины, которые вываривали два-три дня, причём жидкость несколько раз охлаждали и опять кипятили с кусками дерева; в полученный буро-коричневый настой добавляли лиственничную камедь. Кроме того, изготавливали чернила на саже, тоже

с добавлением камеди. Всё больше и больше распространялись покупные фиолетовые, синие, чёрные, красные чернила. Была известна также чёрная и красная тушь, хотя далеко не везде. Ещё совсем недавно, в 1920-х гг. изготавливалась из покупного порошка и применялась киноварь, однако позднее она была целиком вытеснена красной тушью и чернилами. Кое-где для орнамента употребляли жёлтую, зелёную и коричневую акварельные краски.

В той первой обнаруженной нами мастерской книги переписывались только гусиными перьями. Стальные перья были известны и там; нам даже объясняли, как их затачивать, чтобы они давали ровную и достаточно толстую линию полууставного почерка. Однако применение стальных перьев здесь осуждалось как новшество, противное традиции. Нам рассказывали, что для нотных (крюковых) рукописей с их особо толстыми линиями употребляются орлиные перья, однако увидеть их нам не удалось. В менее отдалённых районах книги переписывались, как правило, особо заточенными стальными перьями или даже обычными стальными, однако и здесь иногда применяли ещё гусиные перья.

Академик Н. Н. Покровский (1930–2013)

При копировании текста, чтобы не сбиться со строки, на оригинал накладывалась небольшая медная линейка, один край которой слегка загнут: она передвигалась по строкам по мере переписки.

Переписка книги в две-три сотни листов занимала обычно несколько месяцев; переписчик редко мог посвящать этому каждый день. Один из наиболее опытных сибирских переписчиков говорил нам, что в день переписывает по 8–10 страниц, если отводит на это весь день. Всего он переписал за свою жизнь более полусотни книг (тогда ему было более 80 лет). Почерк его очень устойчив, и легко узнать книги, написанные его красивым полууставом 30–40 лет назад.

Переписанная книга брошюруется и переплетается обычным порядком с употреблением материалов и инструментов, хорошо

известных в переплётном деле: суровых ниток, шпагата, столярного клея и мучного клейстера, П-образного станка для сшивания тетрадей, пресса с деревянными винтами или клиньями, косо́го ножа для обрезки.

Доски переплёта в наши дни редко уже обтянуты кожей, обычно её заменяет плотная ткань. Такой переплёт с досками, обтянутыми тканью, и с медными застёжками для рукописи стоил несколько рублей. Мастера регулярно делали подобные работы на заказ. Изготовление переплёта из досок, обтянутых кожей, тогда ещё не исчезло совсем. Именно этим объяснялись странные переплёты, виденные нами. Всё стало понятным, как только нам показали набор инструментов для изготовления и тиснения кожаных переплётов. Среди них были многочисленные штампы и валики для горячего тиснения орнамента. Загадка вязи XVII века на современных переплётах объяснялась очень просто. Был взят какой-то подлинный переплёт первой половины XVII века. С соответствующих его мест наш хозяин изготовил глиняные оттиски, рельеф оттисков был им затем углублён, и после обжига глины получились готовые к употреблению штампы... Таким же образом были изготовлены шестиугольные, ромбовидные и треугольные штампы древнего растительного орнамента. Другие штампы и валики — из бронзы и даже из алюминия — также стремились подражать старым образцам, далеко не всегда точно повторяя их.

Древнерусская литература

* * *

Я твержу себе снова и снова,
Что уже было написано «Слово
О гибели Русской земли»,
Но ведь выжили,
Превозмогли!

Г. Иванов

ЛЕТОПИСЕЦ

При свечке, в келье монастырской,
Прилежно Богу помолясь,
Седой монах, склонившись низко,
Выводит древних буквиц вязь.

Торжественная речь ложится,
Искусной писана рукой,
И лет прошедших вереница
Находит вечный здесь покой...

Согбенная спина монаха
Несёт покорно крест веков —
Тяжеле шапки Мономаха
Истории священный зов.

Лишь изредка, прервав писанье,
Глаза усталые подняв,
Он чувствует судьбы дыханье,
Её неукротимый нрав.

Пред ним проносятся виденья,
Он слышит грозный звон мечей,
И грохот смертного сраженья,
И гордость княжеских речей.

Беда красавицы пленённой
Под старым оживёт пером,
И вечной славой осенённый
Град стольный под святым крестом.

Плач Ярославны одинокий
Мудрец навеки сохранит,
И вздох родной земли глубокий
Потомка сердце опалит.

Где бьёт источник вечной силы,
Монаха старого спроси...
До края жизни, до могилы
Он славит красоту Руси!

Т. Шариаданова

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

(отрывок из «Слова о полку Игореве»)

На Дунае Ярославнин голос слышится,
Кукушкою безвестной рано кукует:
«Полечу, — говорит, — кукушкою по Дунаю,
Омочу шелковый рукав в Каяле-реке,
Утру князю кровавые его раны
На могучем его теле».

Ярославна рано плачет
В Путивле на забрале, приговаривая:
«О ветер, ветрило!
Зачем, господин, веешь ты навстречу?
Зачем мчишь хиновские стрелочки
На своих лёгких крыльицах
На воинов моего милого?»

Разве мало тебе было под облаками вейть,
Лелея корабли на синем море?
Зачем, господин, моё веселье
По ковылю ты развеял?»

Ярославна рано плачет
В Путивле-городе на забрале, приговаривая:
«О Днепр Словутич!
Ты пробил каменные горы
Сквозь землю Половецкую.
Ты лелеял на себе Святославовы насады
До стана Кобякова.
Прилелей же, господин, моего милого ко мне,
Чтобы не слала я к нему слёз на море рано».

Ярославна рано плачет
В Путивле на забрале, приговаривая:
«Светлое и трижды светлое солнце!
Всем ты тепло и прекрасно:
Зачем, владыко, простёрло ты горячие свои лучи
На воинов моего лады?
В поле безводном жаждою им луки скрутило,
Горем им колчаны заткнуло?»

Прыснуло море в полуночи,
Идут смерчи тучами.
Игорю-князю Бог путь указывает
Из земли Половецкой
В землю Русскую,
К отчему золотому столу.

(в переложении Д.С. Лихачёва)

ИЗ ПОУЧЕНИЯ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов... и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости

Великий князь Владимир Всеволодович Мономах.

Миниатюра Царского Титулярника. XVII в.

своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на саях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет любя, пусть примет её в сердце своё и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своём и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра. Если же кому не любя грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на саях сидя, безлепицу молвил.

Ибо встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: «Поспеш к нам, и выгоним Ростиславичей, и волость их отнимем; если же не пойдёшь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе». И ответил я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить».

И, отпустив их, взял Псалтырь, в печали разогнул её, и вот что мне вынулось: «*О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?*» — и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по порядку и написал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите.

«*Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Уповай на Бога, ибо верю в Него*». «*Не соревнуйся с лукавыми, не завидуй творящим беззаконие, ибо лукавые будут истреблены, послушные же Господу будут владеть землей*». И ещё немного: «*И не будет грешника; посмотришь на место его и не най-*

дѣшь его. Кроткие же унаследуют землю и многим наслаются миром. Злоумышляет грешный против праведного и скрежещет на него зубами своими; Господь же посмеется над ним, ибо видит, что настанет день его. Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы пронзить нищего и убогого, заклать правых сердцем. Оружие их пронзит сердца их, и луки их сокрушатся. Лучше праведнику малое, нежели многие богатства грешным. Ибо сила грешных сокрушится, праведных же укрепляет Господь. Как грешники погибнут,— праведных же милует и одаривает. Ибо благословляющие Его наследуют землю, клянущие же Его истребятся. Господом стопы человека направляются. Когда он упадет, то не разобьется, ибо Господь поддерживает руку его. Молод был и состарился, и не видел праведника покинутым, ни потомков его просящими хлеба. Всякий день милостыню творит праведник и займы дает, и племя его благословенно будет. Уклонись от зла, сотвори добро, найди мир и отгони зло, и живи во веки веков».

«Когда восстали бы люди, то живыми пожрали бы нас; когда прогневалась бы на нас ярость Его, то воды бы потопили нас».

«Помилуй меня, Боже, ибо попрали меня человек; всякий день нападая, теснит меня. Попрали меня враги мои, ибо много восстающих на меня свыше». «Возвеселится праведник и, когда увидит отмщение, руки омоет свои в крови грешника. И скажет человек: „Если есть награда праведнику, значит есть Бог, творящий суд на земле“». «Освободи меня от врагов моих, Боже, и от восстающих на меня защити меня. Избавь меня от творящих беззаконие и от мужа крови спаси меня, ибо уже уловили душу мою». «Ибо гнев в мгновение ярости Его, а вся жизнь в воле Его: вечером водворится плач, а наутро радость». «Ибо милость Твоя лучше, чем жизнь моя, и уста мои да восхвалят Тебя. Так благословлю Тебя при жизни моей и во имя Твое воздену руки мои». «Укрой меня от сборища лукавых и от множества делающих неправду». «Возвеселитесь все праведные сердцем. Благословлю Господа во всякое время, непрестанна хвала Ему» и прочее. Ибо как Василий учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господне:

«Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свиреповать словом, не хулить в беседе, не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почёт. Если кто из вас может другим принести пользу, от Бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится». *«О Владычица Богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего»* в ничтожной этой жизни.

Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, *«очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, Господа ради; лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, гонимый — терпи, хулимый — молчи, умертви грех»*.

«Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу. Приходите да соединимся, — говорит Господь. — Если будут грехи ваши как обагренные, — как снег обелю их» и прочее. *«Воссияет весна поста и цветок покаяния; очистим себя, братья, от всякой крови телесной и душевной. Взывая к Светодавцу, скажем: „Слава тебе, Человеколюбец!“»*

Поистине, дети мои, разумейте, что Человеколюбец Бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь; а Господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь. Как отец, чадо своё любя, бьёт его и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь Божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и Царствия Небесного не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трёх дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни

голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию.

«Что такое человек, как подумаешь о нем?» «Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои; разум человеческий не может постигнуть чудеса Твои», — и снова скажем: «Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои, и благословенно и славно имя Твое вовеки по всей земле». Ибо кто не восхвалит и не прославит силу Твою и Твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звёзды, и тьма, и свет, и земля на водах положена, Господи, Твоим промыслом! Звери различные, и птицы и рыбы украшены Твоим промыслом, Господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по Божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут, и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые идут по всем землям, по Божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Всё же это дал Бог на пользу людям, в пищу и на радость. Велика, Господи, милость Твоя к нам, так как блага эти сотворил Ты ради человека грешного. И те же птицы небесные умудрены Тобою, Господи: когда повелишь, то запоят и людей веселят; а когда не повелишь им, то и, имея язык, онемеют. *«И благословен, Господи, и прославлен зело!» «Всякие чудеса и эти блага сотворил и совершил. И кто не восхвалит Тебя, Господи, и не верует*

Киевская Псалтирь. 1397 г. Псалом 1.

«Блажен муж иже не иде на совет нечестивых...»

всем сердцем и всей душой во имя Отца и Сына и Святого Духа, да будет проклят!»

Прочитав эти божественные слова, дети мои, похвалите Бога, подавшего нам милость Свою; а то дальнейшее — это моего собственного слабого ума наставление. Послушайте меня: если не всё примете, то хоть половину.

Если вам Бог смягчит сердце, пролейте слёзы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал Ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте, и ложась. Не пропускайте ни одной ночи — если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «Господи, помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, — нежели думать безлепицу, ездя.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придёт крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце своё, на чём можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от Бога. Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; всё это, что Ты нам дал, не наше, но Твоё, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своём не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие

к вам, ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни сёлам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдёте и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришёл, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, — то пищей и питьём: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте ей власти над собой. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего.

Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Лениость ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене воздавши Богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет Твой прекрасный». И ещё: «Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою». Так я хвалю Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать: спанье в полдень назначено Богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди.

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

Как ныне собирается вещий Олег
Отмстить неразумным хозарам:
Их сёла и нивы за буйный набег
Обрёк он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из тёмного леса навстречу ему
Идёт вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землёю?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмёшь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово моё:
Воителю слава — отрада,
Победой прославлено имя твоё,
Твой щит на вратах Цареграда,
И волны и суша покорны тебе —
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...

Под грозной бронёй ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю.
И холод и сеча ему ничего...
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся — однако чело
И взор омрачились думой.
В молчанье, рукой опершись на седло,
С коня он слезает, угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твоё позлащённое стремя.
Прощай, утешайся — да помни меня.
Вы, отроки-друзи, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатым ковром,
В мой луг под уздцы отведите,
Купайте, кормите отборным зерном,
Водой ключевую поите».

И отроки тотчас с конём отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещей Олег
При звоне весёлом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

«А где мой товарищ? — промолвил Олег. —
Скажите, где конь мой ретивый?

Здоров ли? Всё так же ль легок его бег?
Всё тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твоё предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят — на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокий!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалёкой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мёртвой главы гробовая змея
Шипя между тем выползала;
Как чёрная лента, вокруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь...

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега.
Князь Игорь и Ольга на холме сидят.
Дружина пирует у берега.
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

А. С. Пушкин

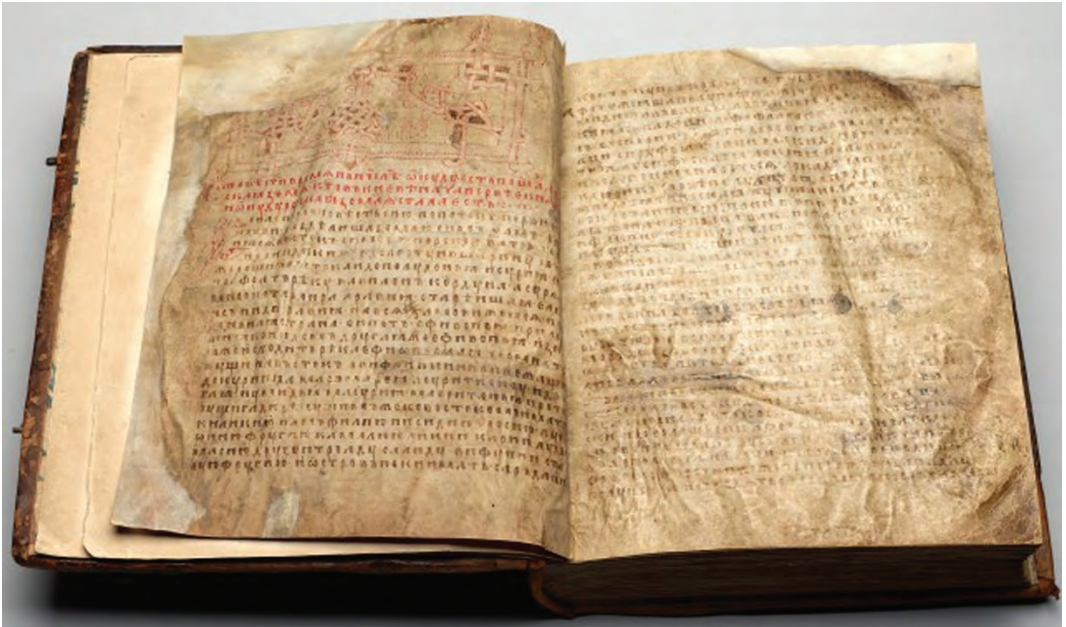
«ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

(ОТРЫВОК)

В год 6545 (1037). Заложил Ярослав город великий, у того же града Золотые ворота; заложил и церковь Святой Софии, митрополию, и затем церковь на Золотых воротах — святой Богородицы Благовещения, затем монастырь святого Георгия и святой Ирины. И стала при нём вера христианская плодиться и расширяться, и черноризцы стали умножаться, и монастыри появляться. И любил Ярослав церковные уставы, попов любил немало, особенно же черноризцев, и книги любил, читая их часто и ночью и днём. И собрал писцов многих, и переводили они с греческого на славянский язык. И написали они книг множество, ими же поучаются верующие люди и наслаждаются учением божественным. Как если один землю вспашет, другой же засеет, а иные жнут и едят пищу неоскудевающую, — так и этот. Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же засеял книжными словами сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение принимая книжное.

Велика ведь бывает польза от учения книжного; книгами наставляемы и поучаемы на путь покаяния, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержание. Это ведь — реки, напоющие вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они — узда воздержания. Велика есть мудрость; ведь и Соломон, прославляя её, говорил: «Я, премудрость, вселила свет и разум, и смысл я призвала. Страх Господень... Мои советы, моя мудрость, моё утверждение, моя сила. Мною цесари царствуют, а сильные узаконяют правду. Мною вельможи величаются и мучители управляют землёю. Любящих меня люблю, ищущие меня найдут благодать». Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то найдёшь великую пользу душе своей. Ибо кто часто читает книги, тот беседует с Богом или со святыми мужами. Тот, кто читает пророческие беседы, и евангельские и апостольские поучения, и жития святых отцов, обретает душе великую пользу.

Ярослав же, как мы уже сказали, любил книги и, много их написав, положил в церкви Святой Софии, которую создал сам. Украсил её золотом, серебром и сосудами церковными, и возносят в ней к Богу положенные песнопения в назначенное время. И другие церкви ставил по городам и по местам, поставляя попов и давая от богатств своих жалованье, веля им учить людей, потому что им поручено это Богом, и посещать часто церкви. И умножились пресвитеры и люди христианские. И радовался Ярослав, видя множество церквей и людей христиан, а враг сетовал, побеждаемый новыми людьми христианскими.

Лаврентьевская летопись. 1377 г.

ЖИТИЯ СВЯТЫХ

СВЯТЫЕ КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ, ПЕРВОУЧИТЕЛИ СЛАВЯНСКИЕ

I

Почти за сто лет до крещения Руси совершилось великое событие: в первый раз раздалось на земле слово Божие на родном для славян языке. Это великое дело совершили два брата, Кирилл и Мефодий, которые получили наименование *первоучителей славянских*.

Кирилл (в миру Константин) и Мефодий родились в греческом государстве, в городе Солуни. Отец их был очень знатный вельможа. Мефодий сначала служил в войске, а потом долгое время управлял областью, населённую славянами. Но он желал посвятить себя на служение Богу. Мефодий оставил свою должность, удалился в обитель и был пострижен там в иноки. Кирилл с детства отличался блестящими способностями и успехами в учении. Сначала он воспитывался дома, а потом был взят во дворец и учился вместе с малолетним императором. По окончании учения Кирилл принял сан священника и заведывал богатою библиотекою. Но подобно своему брату Мефодию, Кирилл любил уединение; он скоро оставил свои занятия и удалился к брату в обитель.

II

Когда Кирилл и Мефодий проживали в обители, к греческому императору прибыли послы от князей славянских из Моравии и Паннонии. Послы эти сказали императору:

«Народ наш отрёкся от язычества и держится веры христианской, но у нас нет учителя, который мог бы объяснить нам эту

веру на нашем родном языке. Просим тебя, государь, позаботься о нашем спасении и пришли к нам такого наставника!» Император посоветовался с Патриархом. Было решено, что дело это можно поручить только Кириллу и Мефодию, так как оба брата хорошо знали славянский язык и уже ходили на проповедь.

До того времени у славян не было азбуки, не было и книг на славянском языке. Но это не смутило братьев-проповедников. Кирилл решился составить азбуку и перевести Евангелие на славянский язык. Приступая к этому святому делу, Кирилл постился сорок дней и усердно молил Бога о помощи. В трудах ему помогал Мефодий. В 862 году перевод Евангелия был окончен, и братья отправились в Моравию. Греческий император писал моравскому князю: «Бог увидел твою веру и ревность. Он открыл для вашего языка письмена, которых вы ещё не знаете. Мы посылаем к тебе того самого мужа, чрез которого Господь явил эти письмена, мужа достойного и учёного».

III

По прибытии в Моравию Кирилл и Мефодий ревностно занялись святым делом: они просвещали народ, учили славянской грамоте, вводили богослужение на славянском языке. Сам князь моравский помогал братьям-проповедникам и строил церкви, в которых богослужение совершалось на родном для народа славянском языке.

Католические же священники утверждали, что Евангелие можно проповедовать только на трёх языках: еврейском, греческом и латинском, потому что на этих трёх языках была начертана надпись на кресте Господнем. Кирилл на это говорил: «Не на всех ли одинаково падает дождь небесный? Не всем ли людям Господь желает спасения, не для спасения ли всех Христос пришёл на землю? А потому не все ли люди должны славить и благодарить Господа? Как же остальные народы заставлять быть немыми и глухими?..» Наконец Кирилл и Мефодий были потребованы в Рим к римскому папе. Папа, однако, оправдал проповедников и благословил их дело.

Святые Кирилл и Мефодий переводят священные книги на славянский язык.
Миниатюра Радзивиловской летописи. XV в.

Но Кириллу не пришлось уже вернуться в Моравию. Тяжёлые труды так расстроили его здоровье, что он в Риме сильно занемог и скончался в 869 году сорока двух лет от роду. Перед своею кончиною Кирилл принял монашество и просил брата своего Мефодия не бросать начатого дела.

«Брат мой! — говорил Кирилл. — До сих пор мы были с тобою, как бы два вола, запряжённые в один плуг; вот я умираю и падаю на борозде. Но молю тебя, не оставляй нашего дела».

IV

По смерти Кирилла Мефодий был возведён в сан епископа. Такое возвышение Мефодия привело в ярость его противников — католических священников. Начались на него новые клеветы и гонения. На этот раз враги Мефодия восторжествовали. Между моравским князем и немецким императором началась война; моравский князь был побеждён, и в столице Моравии поселились немецкие наместники. Мефодий был схвачен и отправлен в за-

точение в немецкую землю. Здесь Мефодий подвергался разным мучениям, но Бог хранил его. Так продолжалось почти три года. Наконец, когда немцы были изгнаны из Моравии, Мефодий был освобождён и вернулся к своей пастве. Гонения на Мефодия и после того не прекращались; ему приходилось даже ездить в Рим на суд к папе. Но Мефодий с твёрдостью переносил все притеснения. Он усердно продолжал святое дело просвещения и проповеди между славянами.

Мефодий дожил до глубокой старости и скончался 6 апреля 885 года. Почувствовав приближение кончины, Мефодий собрал своих учеников-священников и заповедал им жить по слову Божию.

По смерти Мефодия латинское духовенство вытеснило всё-таки славянское богослужение в Моравии. Ученики Кирилла и Мефодия ушли к дунайским болгарам и продолжали здесь подвиги первоучителей, переводя священные и богослужебные книги на славянский язык. Язык этот ничем не отличается от того языка, на котором говорили наши предки — славяне. Поэтому, когда была принята христианская вера на Руси, из Болгарии были привезены священные и богослужебные книги, написанные на родном для русского народа языке. С того времени началась на Руси грамотность.

6 апреля 1885 года исполнилось тысячелетие со дня кончины святого Мефодия. Во всей православной России этот день праздновался очень торжественно: в церквях совершались молебны и крестные ходы. С этого дня на богослужении положено помянуть: *«Иже во святых отец наших Кирилла и Мефодия, учителей словенских»*.

ЖИТИЕ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

в изложении святителя Димитрия Ростовского (отрывок)

Страшная опасность угрожала русскому северо-западу. Дело шло здесь не только о возможности утратить свою политическую самостоятельность, оказаться оторванными от Русской земли, но утратить и веру православную. Западный враг делал дерзкое покушение на эту вековую русскую святыню, которой не тронул даже языческий завоеватель...

В то время на шведском престоле был королём Эрих. Ближайший родственник короля — Биргер, отважный рыцарь и полководец, прославившийся уже своими смелыми набегами на теперешнюю Финляндию и пограничные с нею новгородские владения, рассчитывал после бездетного Эриха занять шведский престол. Новыми победами он хотел снискать себе народную любовь и, подстрекаемый папою, начал войну против Руси.

С большим отрядом войска, в состав которого входили, кроме шведов, норвежцы и финны, сопровождаемый католическими епископами, Биргер в 1240 г. неожиданно для русских появился на устье реки Ижоры и послал в Новгород дерзкий вызов благоверному князю Александру: «Я уже в твоей земле, опустошаю её и хочу взять в плен и тебя. Если можешь мне сопротивляться — сопротивляйся».

Биргер был убеждён в невозможности сопротивления со стороны благоверного князя Александра и заранее уже торжествовал победу. И действительно, его нападение было неожиданным для новгородцев, застало их неподготовленными к отпору. Жалостно было видеть, замечает современник, что великий князь Ярослав не мог узнать о беде, угрожавшей его сыну, и вовремя помочь ему, и что Александр Ярославич не мог предупредить об опасности отца. Новгородское войско не было собрано. У Александра Ярославича была лишь небольшая дружина, которую он наскоро пополнил новгородцами. Но он не испугался дерзкого вызова

Храм Святой Софии в Новгороде. Построен в 1045–1050 гг.

врага. Против него он искал защиты и помощи прежде всего у Бога.

В новгородском храме Святой Софии, Премудрости Божией, с пламенной, слёзною молитвою о помощи обратился благоверный князь к Господу, прося Его рассудить его спор с гордым врагом, не предать достоинства Своего в руки нечестивых.

— Боже праведный, великий, превечный и всемогущий, — молитвенно взывал благоверный князь Александр. — Ты сотворил небо и землю, установил пределы владений народам и повелел жить, не переступая в чужие владения. Малому стаду верных Твоих Ты дал надежду, чтобы не бояться нападающих на них. Призри и ныне, прещедрый Владыка, услышь гордые слова врага этого, похваляющегося разорить Святую Церковь Твою, истребить веру православную, пролить неповинную кровь христианскую. Рассуди мой спор с ним. Восстань на помощь и защити нас, чтобы не смели сказать враги наши: «Где их Бог?» На Тебя,

Господи, уповаем и Тебе воссылаем славу ныне и присно и во веки веков.

С такою же пламенной молитвою обратился затем благоверный князь к Заступнице рода христианского, Победительной Воеводе, Божией Матери, и к святым покровителям веры православной и небесным предстателям и молитвенникам за Святую Русь — благоверным князьям Владимиру, Борису и Глебу, а также новгородским святителям и преподобным.

По окончании молитвы благоверный князь принял благословение от новгородского владыки Серапиона, велел своим приближённым одарить нищих

и попросить у них молитв, а сам вышел к своей дружине, смущавшейся своею малочисленностью, чтобы подкрепить её на предстоящий подвиг. «Не в силе Бог, а в правде», — такими словами ободрил благоверный вождь своих сподвижников. Затем с этою горстью храбрецов он быстро направился навстречу врагу, и здесь, на берегу реки Невы, в знаменательный для Руси день блаженной памяти её просветителя, благоверного князя Владимира (15 июля), произошла знаменитая битва, за которую Александр Ярославич получил название Невского.

Чтобы подкрепить защитников православной веры на предстоящий им подвиг, Господь даровал им чудесное предзнаменование.

В войске благоверного Александра был один ижорянин Пелгусий, во святом крещении Филипп, которому Александр Ярославич вручил ночную стражу, как опытному воину, хорошо знавшему местность. Среди своих соплеменников, державшихся

Святой благоверный князь Александр Невский

язычества, христианин Пелгусий отличался благочестивою жизнью: он проводил время в молитве, трудах и постных подвигах; и Господь удостоил этого благочестивого воина следующего чудесного видения.

При восходе солнца Пелгусий услышал со стороны реки шум от приближающегося судна и, думая, что это враг, удвоил свою бдительность. Гребцы покрыты были как бы мглою, скрывавшею их лица. Видны были только два витязя, стоявшие в лодке. Светлые лица их и одежды показались как бы знакомыми Пелгусию; и вдруг он услышал голос, подтвердивший его предположение, рассеявший все его сомнения, радостью наполнивший его душу. Старший из витязей, обращаясь к младшему, сказал: «Брат Глеб, прикажи грести быстрее, поспешим на помощь сроднику нашему Александру Ярославичу». Это были преподобные стратотерпцы, благоверные князья Борис и Глеб, которых молитвенно призывал на помощь благоверный князь Александр.

Пелгусий поспешил рассказать виденное князю. Ободрённый этим чудесным предзнаменованием, Александр Ярославич в тот же день напал на врага. Шведы не ожидали нападения, не думали, что противник так близко, не знали его числа и силы. Упорная битва продолжалась с утра до вечера.

Одушевляемая своим вождём, дружина благоверного князя оказала чудеса храбрости, приводила в изумление врагов. Сам Александр Ярославич был всё время во главе сражающихся; он нанёс рану в лицо предводителю шведов. Один из дружинников подрубил шатёр Биргера; другой, увлечённый битвою, взбежал на шведский корабль, продолжая наносить своим мечом страшные удары растерявшимся от неожиданности и страха врагам. Разбитые на всех пунктах, потеряв храбрейших из своих товарищей, шведы, несмотря на численный свой перевес над русским войском, не посмели возобновить сражение, остаться до утра на поле битвы. Наполнив две ямы трупами павших в сражении, захватив с собою на суда более знатных из убитых, они в ту же ночь поспешили удалиться от негостеприимных для них берегов Невы. Урон со стороны русских был незначительный: убито было всего двадцать человек, в том числе один из шести

наиболее отличившихся в битве воинов — Ратмир.

Но не одною храбростью дружины и её вождя была приобретена эта славная Невская победа. Господь, ободривший русских воинов чудесным видением до начала битвы, ниспослал Свою помощь и во время её. На другой день участники битвы с удивлением увидели множество неприятельских трупов по другую сторону реки Ижоры, почти в непроходимом месте, куда не заходил ни один из русских воинов во время сражения. Ангелы Божии невидимо помогали горсти защитников святой веры против врагов, хуливших её.

Принеся благодарение Господу за Его чудесную помощь и за одержанную победу, с великою славою возвратился благоверный князь Александр в Новгород, восторженно приветствуемый новгородцами.

Никогда не забывала Святая Русь этого славного подвига святого князя и его дружины, молитвенно вспоминала имена павших в битве воинов и навсегда сохранила за благоверным князем Александром наименование Невского.

Невская битва. Миниатюра Жития
Александра Невского. 1486 г.

Букварь диакона Ивана Фёдорова

Евгений Иванович Осетров

СКАЗ О ДРУКАРЕ ИВАНЕ И ЕГО КНИГАХ

(отрывки)

Шли годы, десятилетия, века. Росло и ширилось Русское государство. Всё новые и новые земли присоединялись к нему, когда по доброй воле, а когда огнём и мечом.

В новых землях, удалённых от Москвы на сотни и тысячи вёрст, понадобились книги — узнавать законы, отправлять службу, вести переписку, учить детей грамоте.

С Востока и Запада, с Севера и Юга скачут в Москву гонцы за книгами, да где их взять?

Скрипит переписчик гусиным пёрышком, торопится, делает ошибки, пропуски — всё равно мало успевает.

Как быть? Тогда дошёл на Русь слух о славном немецком мастере Иоганне Гутенберге и о его удивительном изобретении. А было это изобретение такое. Придумал Гутенберг буквы-литеры и научился отливать их из металла, набирать из них строчки и с помощью пресса оттискивать эти буквы на бумаге.

Теперь в этом нет ничего особенного, но тогда это было диво дивное.

Гутенберг отлил несколько наборов букв-литер и начал печатать книги. Если переписчик упорным трудом, скрипя по бумаге гусиным пером, мог за два-три года изготовить десяток-другой рукописных книг, то у Гутенберга дело пошло быстрее. За несколько дней или недель можно было изготовить десятки и сотни совершенно одинаковых книг.

Вскоре печатни-типографии появились и в Италии, и в Чехии, во Франции, в Англии, Польше.

Прослышали о них и на Руси. Решил тогда царь Иван Грозный завести в Москве свою Печатную избу. Новое и трудное это дело поручили дьяку Ивану Фёдорову. Золотые руки были у Ивана Фёдорова — за что ни возьмётся, всё у него получается. А ещё прослыл он книжником: трудно было отыскать во всей Москве сочинения, которого бы он не читал. В народе про него так и говорили: «хитрец», то есть такой умелец, что и в чужих землях не сыскать. Скоро только сказка сказывается. Долго учился Иван Фёдоров печатному делу, долго мастерил из дерева печатный станок, отливал литеры-буквы, срисованные со старинных книг — одна краше другой, изготавливал разнообразнейшие рисунки и заставки.

Но вот наконец и готова первая книга — «Апостол». Выглядела она внушительно и красиво. Ещё очень напоминала она рукописную книгу по буквам, и по рисункам, и по заставкам-концовкам. Но стопы книг, тщательно сложенные на столах, говорили о том, что «Апостол» отпечатан на станке. Каждая книга не отличалась от другой. Будто сотня старательнейших писцов трудилась несколько лет.

Это случилось в 1564 году. Этот год и почитается началом московского да и всего русского книгопечатания.

Памятник российскому первопечатнику
диакону Ивану Фёдорову. Москва

Первопечатный «Апостол» Ивана Фёдорова. 1564 г.

Следующей за «Апостолом» книгой стал «Часовник». Если «Апостол» выпускали год, то на «Часовник» ушло всего два месяца. Выглядел он, правда, беднее, но всё равно печатные буквы с гордостью сообщали: «Окончена эта книга подвигами и тщанием, трудами и снисканием...»

Ещё несколько книг издал Иван Фёдоров. Но всегда тревожило его, что читателей-то у него мало. Много ещё в русских, украинских и белорусских землях людей, что глядят в книгу, как слепые, — читать не умеют. Надо издать книгу для обучения грамоте, Букварь, книгу для всех.

Писать первый Букварь было некому. И взялся Иван Фёдоров за эту работу сам.

Тщательно писал-рисовал Иван буквы, находил упражнения, примеры, чтобы младенцы учились не только письму — буквам и цифрам, но и добрым делам, хорошим мыслям. Позаботился Иван и о красивых картинках.

Книга получилась на славу. А в самом её конце премудрый автор поместил обращение к «возлюбленному русскому народу», советуя всем учить детей грамоте.

Так родился наш первый печатный учебник — Азбука, Букварь. Пройдёт немного лет, и в самых разных русских городах появится целое семейство всевозможных Азбук, Грамматик и всяких словарей. Всем им отец — первопечатник Иван. От его Букваря и пошли другие Буквари, что и ныне являются первой книгой для каждого из нас.

И всё-таки самая знаменитая книга Ивана Фёдорова не Букварь, а Библия, которая получила наименование Острожской. В неё первопечатник вложил всё своё умение, мастерство. Всем взяла эта книга — и толщиной (в ней свыше шестисот страниц), и шрифтами, и заставками, и разнообразными орнаментами-узорами. Один иноземный книжник, посмотрев Острожскую Библию, воскликнул в восторге, что за один лист этой книги он бы отдал всю Англию!

Лучшие библиотеки мира гордятся ею и сейчас как чудом печатного искусства. Владельцы берегли её как зеницу ока.

Азбука азбукъ . ѿснѣннѣ
осмысленнѣ , ерѣчь
грамматическѣ .

Азъ .
Бѣснѣ . бѣдѣ . онѣ . кѣ
бѣдѣши . ты .
бѣдѣтъ . тын .
бѣдѣва . мы два .
бѣдѣта . вы два .
бѣдѣмо . ѿмножѣннѣ
бѣдѣте . бѣменѣ множѣннѣ
бѣдѣа . ѿкобынѣ цѣннѣ на
на ганнѣ , ѿннѣ мы надрѣгнѣ .

Букварь Ивана Фёдорова. 1574 г. С. 5

Острожская Библия. 1581 г. Лист 1

Поэтому большое число экземпляров и дошло до наших дней. И ныне она своим внушительным видом славит дело рук Ивана Фёдорова.

Книги Ивана Фёдорова оказались поистине бессмертными. Духовные семена, которые Иван Фёдоров щедро рассыпал по свету, дали могучие всходы.

Каждая книга напоминает нам о первопечатнике. Москва навсегда сохранила память о нём, навсегда оставила в своём городе прославленного мастера.

Стоит в центре Москвы памятник Ивану Фёдорову, на зелёном московском холме, на высоком чёрном с голубоватыми искрами камне...

Михаил Васильевич Ломоносов и его труды по русской словесности

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКОГО СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкой прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен!

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества.

Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мешут огонь моря?

Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!
О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вам путь известен всех планет, —
Скажите, что нас так мятет?
Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?
Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блестят,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верхи горят;
Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны быют в эфир.
Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик Творец?

1743

РОССИЙСКАЯ ГРАММАТИКА (из Предисловия)

Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностью мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе.

Невероятно сие покажется иностранным и некоторым природным россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему трудов прилагали. Но кто не упрежденный великими о других мнениями, прострет в него разум и с прилежанием вникнет, со мною согласится. Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским языком с Богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятельми, италиянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми

Портрет М. В. Ломоносова. Неизв. художник

оними говорить пристойно, ибо нашёл бы в нём великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италиянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка. Обстоятельное всего сего доказательство требует другого места и случая. Меня долговременное в российском слове упражнение о том совершенно уверяет. Сильное красноречие Цицероново, великолепная Виргилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке. Тончайшие философские воображения и рассуждения, многообразные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи. И ежели чего точно изобразить не можем, на языке нашему, но недовольному своему в ней искусству приписывать долженствуем. Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики. И хотя она от общего употребления

языка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению.

Сентября 20, 1755

АФОРИЗМЫ, ЦИТАТЫ, ИЗРЕЧЕНИЯ, ВЫСКАЗЫВАНИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА

* * *

Науки юношей питают,
Отраду старцам подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастный случай берегут...

* * *

Наука есть ясное познание истины, просвещение разума, непорочное увеселение жизни, похвала юности, старости подпора, строительница градусов, полков, крепость успеха в несчастии, в счастии — украшение, везде верный и безотлучный спутник.

* * *

Математику уже за то любить следует, что она ум в порядок приводит.

* * *

Не здраво рассудителен математик, ежели он хочет Божескую волю вымерять циркулем. Таков же и богословия учитель, если он думает, что по Псалтири научиться можно астрономии или химии.

* * *

Идолопоклонническое суеверие держало астрономическую землю в своих челюстях, не давая ей двигаться.

* * *

Везде исследуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно.

* * *

Ничто не происходит без достаточного основания.

* * *

Один опыт я ставлю выше, чем тысячу мнений, рождённых
только воображением.

* * *

Разум с помощью науки проникает в тайны вещества, указывает,
где истина. Наука и опыт — только средства, только способы
собираия материалов для разума.

* * *

Те, кто пишут темно, либо невольно выдают своё невежество,
либо намеренно скрывают его. Смутно пишут о том, что смутно
себе представляют.

* * *

...принужден я был искать слов для наименования некоторых
физических инструментов, действий и натуральных вещей, кото-
рые хотя сперва покажутся несколько странны, однако надеюсь,
что они со временем через употребление знакомее будут.

* * *

Язык, которым Российская держава великой части света
повелевает, по ея могуществу имеет природное изобилие, красоту
и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает. И для
того нет сомнения, чтобы российское слово не могло приведено
быть в такое совершенство, каковому в других удивляемся.

* * *

Красота, величие, сила и богатство русского языка явствуют довольно из книг, в прошлые века писанных, когда ещё не токмо никаких правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные есть или могут быть.

* * *

Повелитель многих языков, язык русский не только обширностью мест, где он господствует, но купно собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе.

* * *

Ленивый человек в бесцельном покое сходен с неподвижною болотною водою, которая, кроме смраду и презренных гадин, ничего не производит.

* * *

Ежели ты что хорошее сделаешь с трудом, труд минется, а хорошее останется, а ежели сделаешь что худое с услаждением, услаждение минется, а худое останется.

* * *

Дерзайте Отчизну мужеством прославить.

* * *

Кто достигнет старости, тот почувствует болезни от роскошей, бывших в юности, следовательно, в молодых годах должно от роскошей удаляться.

* * *

Кто малого не может, тому и большее невозможно.

* * *

Неуспешный труд все препятствия преодолевает.

* * *

Ошибки замечать не много стоит: дать нечто лучшее — вот что приличествует достойному человеку.

* * *

Моё единственное желание состоит в том, чтобы привести в вождеденное течение Гимназию и Университет, откуда могут произойти многочисленные Ломоносовы.

* * *

Чсть российского народа требует, чтоб показать способность и остроу его в науках.

ВЫСКАЗЫВАНИЯ О М. В. ЛОМОНОСОВЕ

* * *

Позвольте, милостивый государь, передать Вашему Сиятельству мой ответ господину Ломоносову о чрезвычайно деликатном в физике предмете; я никого не знаю, кто был бы в состоянии лучше разъяснить этот трудный предмет, чем этот гениальный человек, который своими познаниями делает честь не только Императорской Академии наук, но и всему народу.

(Из письма Л.Эйлера К.Г.Разумовскому)

* * *

И точно так же, как в Ломоносове мы видим первого современного русского писателя, создателя русского литературного языка и первого замечательного поэта, основателя химической лаборатории, химика, физика, — точно так же в нём мы видим родоначальника минералогии и геологии в России.

(Академик В.И.Вернадский)

Нет больше человека, имя которого составит эпоху в анналах человеческого разума, обширного и ясного гения, объяввшего и осветившего многие факты одновременно.

(Из речи академика Н.Г.Леклерка)

Ломоносов является передовым борцом русской мысли, русской науки, и общая дань памяти его есть торжественное признание духовных сокровищ нации.

(Из речи академика Я.К.Грота)

Ломоносов опередил своё время правильной оценкой целого ряда недоступных его поколению явлений; он был впереди своего века и кажется нашим современником по тем задачам и целям, которые он ставил научному исследованию.

(Академик В.И.Вернадский)

В стезе Российской словесности Ломоносов есть первый. Между согражданами твоими не грамматика твоя одна соорудила тебе славу. Заслуги твои о Российском слове суть многообразны; и ты почитаешься в малоприятительном сем своем труде, яко первым основателем истинных правил языка нашего.

(А.Н.Радищев)

Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом. Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все

Старое здание Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова на ул. Моховой с домовою церквю в честь мученицы Татианы

отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он всё испытал и всё проник.

(А.С.Пушкин)

От Ломоносова до наших дней идёт живая горячая волна научного подвига и беззаветного служения Родине.

(А.А.Морозов, биограф М.В.Ломоносова)

Трудно назвать какую-либо отрасль науки из существовавших в XVIII веке, в которую бы Ломоносов не внёс крупного творческого вклада. В физике, астрономии, метеорологии, химии, геологии, горном деле, металлургии, географии, истории, теории словесности и литературе он либо создал капитальные труды, совершил выдающиеся научные открытия, либо выдвинул новые идеи, высказал гениальные прогнозы. Многие идеи Ломоносова на десятки лет и столетия опередили своё время.

(Академик М. В. Келдыш)

НА ДВУХСОТЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА (в сокращении)

Среди полных диких скал
При блеске северных сияний
Его томила жажда знаний
И свет науки привлекал.
Его пленяло с ранних пор
Величье северной природы:
Двины стремительные воды
И моря Белого простор,
И в необъятном океане
Плавучие громады льдин,
И блеск алмазный их вершин
В золото-пурпурном тумане,
И ночь, забывшая зимой
Про утра свет, про вечер ясный,
И беззакатный день прекрасный
Цветущей летнею порой.
Юношей, светлой надеждой манимым,
Зимнею ночью, тайком,
С севером смело расставшись родимым,

Отчий покинул он дом.
Труден, пустынен был путь до столицы,
Долго он брёл... И вдали
Стены зубчатые, башни, бойницы
Путника взор привлекли,
Встала Москва перед ним: золотые
Главы соборов горят,
Алой морозною мглой повитые
Высятся кровли палат.
Гулко разносится звон колокольный,
Словно пришельца зовёт.
Радостно внемля призыв богомольный,
Смело пошёл он вперёд.
Начал под эти гудящие звуки
Дальнего севера сын
Жадно умом погружаться в науки,
В тайну их вечных глубин.
Он познал тяготенье миров,
В горных недрах металлов рожденье.
Грозный ток молньеносных громов
И небесных созвездий теченье.
Тебя, страна родная,
Уж третий славит век,
Тебе хвалу слагая,
Великий человек.

К.Р.

ЛОМОНОСОВ

...Но не вотще от Бога гений
Ниспосылается в народ.
Опять к нему Своих велений
Истолкователя Он шлёт.
В стране угрюмой и суровой,
Где, отливаясь на снегах,

По долгим зимам блеск багровый
Колышется на небесах;
Где горы льдов вздымают волны,
Где всё — лесов и неба ширь —
Величьем дел Господних полны,
Встаёт избранный богатырь:
Велик, могуч, как та природа,
Сам — как одно из тех чудес,
Встаёт для русского народа
Желанным посланцем с небес...
О дивный муж!.. С челом открытым,
С орлиным взглядом, как глядел
На оном море Ледовитом
На чудеса Господних дел,
Наукой осиян и рвением
К величью Родины горя,
Явился ты — осуществленьем
Мечты великого царя!
Твоею ревностью согретый,
Очнулся русский дух с тобой:
Ты лучших дел Елизаветы
Был животворною душой,
Ты дал певца Екатерине¹,
Всецело жил в её орлах²,
И отблеск твой горит и ныне
На лучших русских именах!..

А.Н.Майков

¹ «Ты дал певца Екатерине» — имеется в виду Г.Р. Державин.

² «Всецело жил в её орлах» — знаменитые сподвижники и помощники Екатерины II: Потёмкин, Суворов, Румянцев и другие.

ОТРОК

Невод рыбак расстилал по берегу студёного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.

А.С.Пушкин

* * *

Сто лет прошли в труде и горе —
И вот, мужая с каждым днём,
Родная речь уж на просторе
Поминки празднует по нём...
Уж не опутанная боле,
От прежних уз отрешена,
На всей своей разумной воле
Его приветствует она...
И мы, признательные внуки,
Его всем подвигам благим
Во имя правды и науки
Здесь *память вечную* гласим.

Ф.И.Тютчев

Заветные стихи А. С. Пушкина

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ПУШКИНА

Его стихи читая — точно я
Переживаю некий миг чудесный —
Как будто надо мной гармонии небесной
Вдруг понеслась нежданная струя...
Нездешними мне кажутся их звуки:
Как бы вляясь в его бессмертный стих,
Земное всё — восторги, страсти, муки —
В небесное преобразилось в них!

А. Н. Майков

СЫН РОССИИ

Если выстоять нужно,
как в окопе, — в судьбе,
«У России есть Пушкин!» —
говорю я себе.

Чуть подтаяли силы,
не ропщу, не корю:
«Пушкин есть у России!» —
как молитву творю.

Есть и правда, и сила
на российской земле,
коль такие светила
загорались во мгле.

Г. Горбовский

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПУШКИНЕ

(в сокращении)

При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нём, как будто в лексиконе, заключилось всё богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал всё его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. В нём русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла.

Самая его жизнь совершенно русская. Тот же разгул и раздолье, к которому иногда позабывшись стремится русской и которое всегда нравится свежей русской молодёжи, отразились на его первобытных годах вступления в свет. <...> Смелое более всего доступно, сильнее и просторнее раздвигает душу, а особенно юности, которая вся ещё жаждет одного необыкновенного. Ни один поэт в России не имел такой завидной участи, как Пушкин. Ничья слава не распространялась так быстро. Все кстати и некстати считали обязанностью проговорить, а иногда исковеркать какие-нибудь ярко сверкающие отрывки его поэм. Его имя уже имело в себе что-то электрическое, и стоило только кому-нибудь из досужих марателей выставить его на своём творении, уже оно расходилось повсюду.

Он при самом начале своём уже был национален, потому что истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, буд-

Памятник А.С. Пушкину. Царское Село

то это чувствуют и говорят они сами. Если должно сказать о тех достоинствах, которые составляют принадлежность Пушкина, отличающую его от других поэтов, то они заключаются в чрезвычайной быстроте описания и в необыкновенном искусстве немногими чертами означить весь предмет. Его эпитет так отчётлив и смел, что иногда один заменяет целое описание; кисть его летает. Его небольшая пьеса всегда стоит целой поэмы. Вряд ли о ком из поэтов можно сказать, чтобы у него в коротенькой пьесе вмещалось столько величия, простоты и силы, сколько у Пушкина.

<...> Это собрание его мелких стихотворений — ряд самых ослепительных картин. Это тот ясный мир, который так дышит

чертами, знакомыми одним древним, в котором природа выражается так же живо, как в струе какой-нибудь серебряной реки, в котором быстро и ярко мелькают ослепительные плечи, или белые руки, или алебастровая шея, обсыпанная ночью тёмных кудрей, или прозрачные гроздия винограда, или мирты и древесная сень, созданные для жизни. Тут всё: и наслаждение, и простота, и мгновенная высотность мысли, вдруг объемлющая священным холодом вдохновения читателя. Здесь нет этого каскада красноречия, увлекающего только многословием, в котором каждая фраза потому только сильна, что соединяется с другими и оглушает падением всей массы, но если отделить её, она становится слабою и бессильною. Здесь нет красноречия, здесь одна поэзия; никакого наружного блеска, всё просто, всё прилично, всё исполнено внутреннего блеска, который раскрывается не вдруг; всё лаконизм, каким всегда бывает чистая поэзия. Слов немного, но они так точны, что обозначают всё. В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт. Отсюда происходит то, что эти мелкие сочинения перечитываешь несколько раз, тогда как достоинства этого не имеет сочинение, в котором слишком просвечивает одна главная идея.

Мне всегда было странно слышать суждения об них многих, слывающих знатоками и литераторами, которым я более доверял, покамест ещё не слышал их толков об этом предмете. Эти мелкие сочинения можно назвать пробным камнем, на котором можно испытывать вкус и эстетическое чувство разбирающего их критика. Непостижимое дело! Казалось, как бы им не быть доступными всем! Они так просто-возвышенны, так ярки, так пламенны, так сладострастны и вместе так детски чисты. Как бы не понимать их! Но, увы, это неотразимая истина: что чем более поэт становится поэтом, чем более изображает он чувства, знакомые одним поэтам, тем заметней уменьшается круг обступившей его толпы, и наконец так становится тесен, что он может перечесть по пальцам всех своих истинных ценителей.

РЕЧЬ О ПУШКИНЕ

(в сокращении)

Эта речь была произнесена Ф.М.Достоевским 8 (20) июня 1880 г. на заседании Общества любителей российской словесности и опубликована 1 августа в «Дневнике писателя».

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа», — сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое. Да, в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое. Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы, и появление его сильно способствует освещению тёмной дороги нашей новым направляющим светом. В этом-то смысле Пушкин есть пророчество и указание.

<...> Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите... стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всеобъединяющей, вместить в неё с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племён по Христову Евангельскому закону!

Знаю, слишком знаю, что слова мои могут показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь, что их высказал. Этому надлежало быть высказанным, но особенно теперь, в минуту торжества нашего, в минуту чествования нашего великого гения, эту именно идею в художественной силе своей воплощавшего. Да и высказывалась уже эта мысль не раз, я ничуть не новое говорю. Главное, всё это покажется самонадеянным: «Это нам-то, дескать, нашей-то нищей,

нашей-то грубой земле такой удел? Это нам-то предназначено в человечестве высказать новое слово?» Что же, разве я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, из всех народов наиболее предназначено, вижу следы сего в нашей истории, в наших даровитых людях, в художественном гении Пушкина.

Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю «в рабском виде исходил благословляя» Христос. Почему же нам не вместить последнего слова Его?

Да и Сам Он не в яслях ли родился? Повторяю: по крайней мере, мы уже можем указать на Пушкина, на всемирность и всечеловечность его гения. Ведь мог же он вместить чужие гении в душе своей, как родные. В искусстве, по крайней мере, в художественном творчестве, он проявил эту всемирность стремления русского духа неоспоримо, а в этом уже великое указание. <...> Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Но Бог судил иначе. Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унёс с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем.

Портрет Ф.М.Достоевского. Художник В.Перов

Русские сказки

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ПРИСКАЗКА

Без присказки сказки — что без полозьев салазки.

Начинается сказка, начинается побаска — сказка добрая, повесть долгая, не от сивки, не от бурки, не от вещега каурки, не от молодецкого посвисту, не от бабьего покрику.

Вот диво — так диво! На море, на океане, на острове Буяне стоит древо — золотые маковки. По этому древу ходит кот Баюн: вверх идёт — песню заводит, вниз идёт — сказки сказывает.

Были тут две избушки, печки муравленные, потолки чёрных соболей, жили тут двенадцать богатырей.

Сидели Ермаки — высокие колпаки, сидели Ермошки — длинные ножки.

Стоял столб точёный, золочёный, на столбе птица — синяя синица, красные пёрышки. Летела сова — весёлая голова. Вот она летала, летала и села, да хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела и опять полетела; летала, летала и села, да хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела и опять полетела, летала, летала.

Далеко от нас было — не видать, а только лишь от стариков было слышать.

В тридевятом царстве, в тридесятом государстве снег горел, соломой тушили, много народу покрушили, тем дела не порешили.

Жил царь на царстве, как сыр на скатерти.

Реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям летали куропатки жареные.

Разодрались комар с мухой. Комар укусил муху, а муха-то — слепня, а слепень-то — шершня, а шершень-то — воробья. И пошёл тут бой — не разлить бойцов водой.

Это ещё не сказка, а присказка, сказка вся впереди.

ГОРШЕНЯ

Захотелось раз царю Ивану Васильевичу знать, кто в его царстве-государстве разумнее всех будет. Собрал он именитых своих людей: бояр, вельмож, воевод, купцов и загадал им три загадки.

– Кто на свете всех щедрее?

– Кто всех быстрее?

– И что на свете всего хуже?

Стали именитые люди отгадывать царские загадки. Отгадывали, отгадывали — не могли отгадать. Каждый своё несёт, а всё без толку.

В ту самую пору проезжал мимо царских палат Горшеня, да покрикивал:

– Кому горшки глиняные? Кому тарелочки?

Услышал царь Иван Васильевич и приказал привезти Горшеню. Может он поумнее бояр будет? Выбежали из палат именитые люди, бросились к Горшене.

– Эй, стой, погоди.

Остановился Горшеня и спрашивает.

– Зачем я понадобился?

Говорят ему именитые люди.

– Хочет царь-государь Иван Васильевич тебе три загадки загадать.

– Какие загадки?

– А вот такие и такие.

– Э-э-э-й, — говорит Горшеня. Разве это загадки?

Стали бояре да вельможи выспрашивать Горшеню.

– Скажи да скажи отгадки.

— Нет, — отвечает Горшеня. — Меня царь зовёт, сам к нему и пойду, сам ему и отгадки скажу.

Принялись они тогда подкупать Горшеню, стали обещать ему злата, серебра. А Горшеня на своём стоит.

— Лучше и не просите. Одному царю скажу.

Нечего делать — ввели они его в царские палаты белокаменные. Поставили перед царём Иваном Васильевичем.

— Здорово, Горшенюшка, — говорит царь.

— Здорово, великий государь.

— А не отгадаешь ли ты, Горшенюшка, мою первую загадку. Кто на свете всех щедрее? Вот мои бояре да воеводы говорят, что я щедрее всех буду. Ты что скажешь?

— А я скажу, царь-государь, что щедрее всех земля. Что ни живёт, что ни растёт — всех она питает.

— Молодец, Горшенюшка. Правильно отгадал. А вот и вторая моя загадка: кто всех быстрее? Мои именитые люди по разному отвечают. Кто говорит конь его быстрее всех, кто — собака борзая, кто — сокол, кто — заяц. Какая твоя отгадка будет?

— Не то они говорят, царь-государь. Быстрее всего мысли. Мыслью весь мир вмиг облетишь.

— И этот ответ хорош. А как ты третью мою загадку отгадаешь? Что на свете хуже всего? Один боярин соседа своего называет, другой — жену злую.

— Бестолку их ответы, царь-государь. От дурного соседа можно уйти, злую жену укротить можно. А вот от дурного разума никуда не уйдёшь, нигде не спрячешься. Всё с тобою будет. Видно, дурной разум хуже всего на свете.

Похвалил царь Иван Васильевич Горшеню.

— Умён, разумен ты, Горшенюшка. Слушай, ты для меня, я для тебя. Скажи, чем тебя наградить.

— Ничего мне не надо, царь-государь. А коли твоя царская милость будет — сделай запрет продавать на пятьдесят вёрст глиняные горшки и тарелки. Никто бы тут кроме меня не продавал их. И я буду этим очень доволен.

— Хорошо, Горшенюшка, будь по-твоему. И ещё я тебе загадки скажу. Прилетят к тебе гуси — сумей по пёрышку выдернуть.

— Сумею, царь-государь.

Именитые люди слушают — ничего понять не могут. Уехал Горшеня, а царь Иван Васильевич на другой же день издал приказ, чтобы у всех бояр, у всех воевод да купцов не было посуды — ни золотой, ни серебряной, ни оловянной, ни медной, ни деревянной, а была бы только глиняная. Сам проверю, как мой приказ исполнять будут. А Горшеня в то время дома сидел, да работал рук не покладая. Знай лепит и обжигает горшки да тарелочки. Целый воз наделал. А как закончил работу — повёз свой товар в город на торжище.

Только приехал на торжище — кинулись к нему со всех сторон покупщики. Да не простые люди, а всё князья, бояре да воеводы. Один другого локтями отталкивают, любую цену дают. Горшеня не успевает деньги получать. После всех бежит главный боярин. Пузо как бочка, борода как лопата.

— Хорош ли товар, Горшенюшка?

— Хорош.

— Просим покорно. Много ли у тебя осталось?

— Да не так уж много. Сегодня на мои горшки да тарелки большой спрос.

— Продай мне всё, что у тебя на возу осталось.

— Купи.

— А во сколько горшок ценишь?

— Пятьдесят рубликов.

— Что ты?! В своём ли ты уме? Я в ином месте куплю, два гроша заплачу.

— Твоя воля.

Иллюстрация И. Кузнецова

Главный боярин ушёл с торжища. Побегал, искал, нигде глиняных горшков не нашёл. Вернулся обратно.

– Ну, как, Горшеня, одумался? Какую цену назначаешь?

– Сто рублей за горшок.

– Как сто рублей? Видно с ума ты сошёл.

– Сошёл или нет, а цена горшку сто рублей.

– Ах, ты такой-сякой. Оставайся ты тут со своими горшками.

Покричал и ушёл. Походил, походил боярин по рынку и думает: кто знает, а вдруг ко мне сам царь-государь пожалует, а у меня ни одного глиняного горшочка нет. Тогда смотри и головы лишишься. Опять вернулся.

– Ну, Горшеня, сколько же горшок стоит?

– А теперь ни за какие деньги не продам. Свези меня на себе — уважу тебя, без платы горшок дам. А не повезёшь — другой охотник найдётся. Сегодня на мой товар большой спрос.

Видит боярин, деваться некуда. Платить за горшок сто рублей жалко, без горшка остаться боязно. Думал-думал боярин, да делать нечего.

– Ладно, — говорит. — Повезу.

Выпряг Горшеня лошадь. На место неё поставил в оглоблю боярина, запряг.

– Н-о-о-о. Поехали.

Пыхтит боярин, отдувается. А сам везёт да везёт Горшеню. Горшеня кнутиком помахивает да во весь голос песню поёт. Вёз-вёз боярин и спрашивает.

– Да коих же мест везти тебя?

– Вези хоть до царского дворца.

Весело поёт Горшеня. А возле дворца ещё громче запел. По песне его царь Иван Васильевич его и узнал.

– Это, видно, мой Горшеня едет.

Выглянул в окошко, говорит.

– Здравствуй, Горшенюшка. С приездом.

– Благодарствую, царь-государь.

– Да на ком ты едешь?

– На дурном разуме.

– Ну, молодец ты, Горшеня. Истинно молодец. А как, гуси прилетали?

– Прилетали, царь-государь.

– Сумел по пёрышку выдернуть?

– Сумел, царь-государь. Да ещё по золотому.

– Ну, входи в палаты, гостем будешь.

Посадил царь Иван Васильевич возле себя, стал его потчевать. А бояре да именитые люди сидят, косо на Горшеню посматривают, а сами сговариваются, как бы на него царский гнев, немилость направить. И затеяли они игру. Боярин, что на самом конце стола сидел, ударил наотмашь по щеке другого и сказал.

– Передай дальше.

Тот размахнулся, соседа своего ударил и те же слова говорит.

– Передай дальше.

Так и пошло от одного к другому и дошло до Горшени. Ударил его главный боярин по щеке и говорит.

– Передай дальше.

Радуются все, ловко они Горшеню подвели. Ничего ему не остаётся, как самого царя-государя ударить. А Горшеня, не будь глуп, размахнулся со всей силы — бац главного боярина по щеке.

– Передай обратно.

Засмеялся царь Иван Васильевич и говорит.

– Опять ты, Горшенюшка, догадливее всех оказался. Довольно тебе глину месить. Разувай-ка ты лапти, сбрасывай кафтан, надевай-ка сапоги да одежду моего главного боярина. А ты, боярин, обувайся в Горшенины лапти, одевайся в его кафтан, отправляйся горшки лепить. Только вот не знаю, хватит ли у тебя на это ума-разума.

САМОЕ ДОРОГОЕ

Жили-были в старой избушке старик со своей старухой. Старик ивовые прутья режет, корзинки плетёт, а старуха шерсть прядёт. Тем и кормятся.

Вот сидят они, трудятся:

– Ох, дед, трудно нам стало работать: у меня прялка сломалась!

– Да-да, а у меня гляди-ка, ручка у ножа треснула, едва держится.

– Сходи-ка ты в лес, старик, выруби деревце, сделаем новую прялку да ручку к ножу.

Иллюстрация Г. Коптеловой

– И то верно, пойду.

Пошёл старик в лес. Приглядел он хорошее деревце. Только замахнулся топором, а из чащи лесной дед выходит. В мохнатые ветки одет, в волосах шишки еловые, в бороде шишки сосновые, седые усы до земли висят, глаза огоньками зелёными горят.

– Не трогай, — говорит, — моих деревьев, ведь они все живые, тоже жить хотят. Лучше попроси у меня, чего тебе надобно, — всё дам.

Удивился старик, обрадовался. Пошёл домой со старухой посоветоваться. Сели они рядком перед избой на лавочку. Старик и спрашивает:

– Ну, старуха, чего мы у лесного деда просить будем? Хочешь — много-много денег попросим? Он даст.

– А на что нам, старик? Нам их и прятать негде. Нет, старик, не надо нам денег!

– Ну, хочешь, попросим большое-пребольшое стадо коров и овец?

– А на что нам, старик? Нам с ним и не управиться будет. Есть у нас коровушка — молоко даёт, есть шесть овец — шерсть дают. На что нам больше? Не надо!

– А может быть, старуха, мы у лесного деда тысячу курочек попросим?

– Да что ты, старик, чего выдумал? Чем же мы их кормить станем? Что с ними делать будем? Есть у нас три курочки-хохлатки, есть Петя-петушок — нам и довольно.

Думали, думали старик со старухой — ничего придумать не могут: всё, что нужно, у них есть, а чего нет, то они своими трудами всегда заработать могут. Встал старик с лавки и говорит:

– Я, старуха, придумал, чего у лесного деда просить надо!

Пошёл он в лес. А навстречу ему лесной дед, в мохнатые ветки одет, в волосах шишки еловые, в бороде шишки сосновые, седые усы до земли висят, глаза огоньками зелёными горят.

– Ну как, мужичок, надумал, чего тебе надобно?

– Надумал, — старик говорит. — Сделай так, чтобы наша прялка да ножик никогда не ломались да чтобы руки у нас всегда здоровыми были. Тогда мы всё, что нам нужно, сами себе заработаем.

– Будь по-вашему, — лесной дед отвечает.

И живут-поживают с тех пор старик со старухой. Старик ивовые прутья режет, корзинки плетёт, старуха шерсть прядёт, рукавицы вяжет.

Тем и кормятся.

И хорошо живут, счастливо!

Иллюстрация Г. Коптеловой

КАША ИЗ ТОПОРА

Старый солдат шёл на побывку. Притомился в пути, есть хочется. Дошёл до деревни, постучал в крайнюю избу:

— Пустите отдохнуть дорожного человека!

Дверь открыла старуха.

— Заходи, служивый.

— А нет ли у тебя, хозяйюшка, перекусить чего?

У старухи всего вдоволь, а солдата поскупилась накормить, прикинулась сиротой.

— Ох, добрый человек, и сама сегодня ещё ничего не ела: нечего.

— Ну, нет так нет, — солдат говорит. — А вот у меня топор в ранце есть. Коли нет ничего иного, можно сварить кашу и из топора.

Хозяйка руками всплеснула:

— Как так из топора кашу сварить?

— А вот как, дай-ка котёл.

Старуха принесла котёл, солдат вымыл топор, опустил в котёл, налил воды и поставил на огонь.

Старуха на солдата глядит, глаз не сводит.

Достал солдат ложку, помешивает варево. Попробовал.

— Ну, как? — спрашивает старуха.

— Скоро будет готова, — солдат отвечает, — жаль вот только, что посолить нечем.

— Соль-то у меня есть, соли.

Солдат посолил, снова попробовал.

— Хороша! Ежели бы сюда да горсточку крупы! Старуха засутила, принесла откуда-то мешочек крупы.

— Бери, заправь как надобно. Заправил варево крупой. Варил, варил, помешивал, попробовал. Глядит старуха на солдата во все глаза, оторваться не может.

— Ох, и каша хороша! — облизнулся солдат. — Как бы сюда да чуток масла — было б и вовсе объеденье.

Нашлось у старухи и масло.

Сдобрили кашу.

– Ну, старуха, теперь подавай хлеба да принимайся за ложку: станем кашу есть!

– Вот уж не думала, что из топора эдакую добрую кашу можно сварить, — дивится старуха.

Поели вдвоем кашу. Старуха спрашивает:

– Служивый! Когда ж топор будем есть?

– Да, вишь, он не уварился, — отвечал солдат, — где-нибудь на дороге доварю да позавтракаю!

Тотчас припрятал топор в ранец, распростился с хозяйкою и пошёл в иную деревню.

Вот так-то солдат каши и поел!

АВТОРСКИЕ СКАЗКИ

ИЗ ПОЭМЫ «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА»

У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Идёт направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;

Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несёт богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идёт, бредёт сама собой,
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мёд я пил;
У моря видел дуб зелёный;
Под ним сидел, и кот учёный
Свои мне сказки говорил...

А. С. Пушкин

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

АЛЁНУШКИНЫ СКАЗКИ

ПРИСКАЗКА

Баю-баю-баю...

Один глазок у Алёнушки спит, другой — смотрит; одно ушко у Алёнушки спит, другое — слушает.

Спи, Алёнушка, спи, красавица, а папа будет рассказывать сказки. Кажется, все тут: и сибирский кот Мурка, и лохматый деревенский пёс Постойко, и серая Мышка-норушка, и Сверчок за печкой, и пёстрый Скворец в клетке, и забияка Петух.

Спи, Алёнушка, сейчас сказка начинается. Вон уже в окно смотрит высокий месяц; вон косой заяц проковылял на своих валенках; волчьи глаза засветились жёлтыми огоньками; медведь Мишка сосёт свою лапу. Подлетел к самому окну старый Воробей, стучит носом о стекло и спрашивает: скоро ли? Все тут, все в сборе, и все ждут Алёнушкиной сказки.

Один глазок у Алёнушки спит, другой — смотрит; одно ушко у Алёнушки спит, другое — слушает.

Баю-баю-баю...

ПРИТЧА О МОЛОЧКЕ, ОВСЯНОЙ КАШКЕ И СЕРОМ КОТИШКЕ МУРКЕ

I

Как хотите, а это было удивительно! А удивительнее всего было то, что это повторялось каждый день. Да, как поставят на плиту в кухне горшочек с молоком и глиняную кастрюльку с овсяной кашкой, так и начнётся. Сначала стоят как будто и ничего, а потом и начинается разговор:

– Я — Молочко...

– А я — овсяная Кашка!

Сначала разговор идёт тихонько, шёпотом, а потом Кашка и Молочко начинают постепенно горячиться.

– Я — Молочко!

– А я — овсяная Кашка!

Кашку прикрывали сверху глиняной крышкой, и она ворчала в своей кастрюле, как старушка. А когда начинала сердиться, то всплывал наверху пузырь, лопался и говорил:

– А я всё-таки овсяная Кашка... пум!

Молочку это хвастовство казалось ужасно обидным. Скажите, пожалуйста, какая невидаль — какая-то овсяная каша! Молочко начинало горячиться, поднималось пеной и старалось вылезти из своего горшочка. Чуть кухарка недосмотрит, глядит — Молочко и полилось на горячую плиту.

– Ах, уж это мне Молочко! — жаловалась каждый раз кухарка. — Чуть-чуть недосмотришь — оно и убежит.

– Что же мне делать, если у меня такой вспыльчивый характер! — оправдывалось Молочко. — Я и само не радо, когда сержусь. А тут ещё Кашка постоянно хвастает: «Я — Кашка, я — Кашка, я — Кашка...» Сидит у себя в кастрюльке и ворчит; ну, я и рассержусь.

Иллюстрация М. Богуславской

Дело иногда доходило до того, что и Кашка убегала из кастрюльки, несмотря на свою крышку, — так и поползёт на плиту, а сама всё повторяет:

— А я — Кашка! Кашка! Кашка... шшш!

Правда, что это случалось не часто, но всё-таки случалось, и кухарка в отчаянии повторяла который раз:

— Уж эта мне Кашка!.. И что ей не сидится в кастрюльке, просто удивительно!

II

Кухарка вообще довольно часто волновалась. Да и было достаточно разных причин для такого волнения... Например, чего стоил один кот Мурка! Заметьте, что это был очень красивый кот, и кухарка его очень любила. Каждое утро начиналось с того, что Мурка ходил по пятам за кухаркой и мяукал таким жалобным голосом, что, кажется, не выдержало бы каменное сердце.

— Вот-то ненасытная утроба! — удивлялась кухарка, отгоняя кота. — Сколько вчера ты одной печёнки съел?

— Так ведь то было вчера! — удивлялся в свою очередь Мурка. — А сегодня я опять хочу есть... Мяу-у!..

— Ловил бы мышей и ел, лентяй.

— Да, хорошо это говорить, а попробовала бы сама поймать хоть одну мышь, — оправдывался Мурка. — Впрочем, кажется, я достаточно стараюсь... Например, на прошлой неделе кто поймал мышонка? А от кого у меня по всему носу царапина? Вот какую было крысу поймал, а она сама мне в нос вцепилась... Ведь это только легко говорить: лови мышей!

Наевшись печёнки, Мурка усаживался где-нибудь у печки, где было потеплее, закрывал глаза и сладко дремал.

— Видишь, до чего наелся! — удивлялась кухарка. — И глаза зажмурил, лежебок... И всё подавай ему мяса!

— Я и рыбки люблю покушать... Даже очень приятно съесть рыбку. Я до сих пор не могу сказать, что лучше: печёнка или рыба. Из вежливости я ем то и другое... Если бы я был человеком, то непременно был бы рыбаком или разносчиком, который нам носит печёнку. Я кормил бы до отвала всех котов на свете и сам бы был всегда сыт...

Наевшись, Мурка любил заняться разными посторонними предметами, для собственного развлечения. Отчего, например, не посидеть часика два на окне, где висела клетка со скворцом? Очень приятно посмотреть, как прыгает глупая птица.

— Я тебя знаю, старый плут! — кричит Скворец сверху. — Нечего смотреть на меня...

— А если мне хочется познакомиться с тобой?

— Знаю я, как ты знакомишься...

— Меня все любят... Иди ко мне, я сказочку расскажу.

— Ах, плут... Нечего сказать, хороший сказочник! Я видел, как ты рассказывал свои сказочки жареному цыплёнку, которого стащил в кухне. Хорош!

— Как знаешь, а я для твоего же удовольствия говорю. Что касается жареного цыплёнка, то я его действительно съел; но ведь он уже никуда всё равно не годился.

III

Между прочим, Мурка каждое утро садился у топившейся плиты и терпеливо слушал, как ссорятся Молочко и Кашка. Он никак не мог понять, в чём тут дело, и только моргал.

— Я — Молочко.

— Я — Кашка! Кашка-Кашка-кашшшш...

— Нет, не понимаю! Решительно ничего не понимаю, — говорил Мурка. — Из-за чего сердятся? Например, если я буду повторять: я — кот, я — кот, кот, кот... Разве кому-нибудь будет обидно? Нет, не понимаю... Впрочем, должен сознаться, что я предпочитаю молочко, особенно когда оно не сердится.

Как-то Молочко и Кашка особенно горячо ссорились; ссорились до того, что наполовину вылились на плиту, причём поднялся ужасный чад. Прибежала кухарка и только всплеснула руками.

— Ну что я теперь буду делать? — жаловалась она, отставляя с плиты Молочко и Кашку. — Нельзя отвернуться...

Отставив Молочко и Кашку, кухарка ушла на рынок за провизией. Мурка этим сейчас же воспользовался. Он подсел к Молочку, подул на него и проговорил:

— Пожалуйста, не сердитесь, Молочко...

Молочко заметно начало успокаиваться. Мурка обошёл его кругом, ещё раз подул, расправил усы и проговорил совсем ласково:

— Вот что, господа... Ссориться вообще нехорошо. Да. Выберите меня мировым судьёй, и я сейчас же разберу ваше дело...

Сидевший в щели чёрный Таракан даже поперхнулся от смеха: «Вот так мировой судья... Ха-ха! Ах, старый плут, что только и придумает!..» Но Молочко и Кашка были рады, что их ссору наконец разберут. Они сами даже не умели рассказать, в чём дело и из-за чего они спорили.

— Хорошо, хорошо, я всё разберу, — говорил кот Мурка. — Я уж не покривлю душой... Ну, начнём с Молочка.

Он обошёл несколько раз горшочек с Молочком, попробовал его лапкой, подул на Молочко сверху и начал лакать.

— Батюшки!.. Караул! — закричал Таракан. — Он всё молоко вылакает, а подумают на меня!

Когда вернулась с рынка кухарка и хватилась молока, горшочек был пуст. Кот Мурка спал у самой печки сладким сном как ни в чём не бывало.

— Ах ты, негодный! — бранила его кухарка, хватая за ухо. — Кто выпил молоко, сказывай?

Как ни было больно, но Мурка притворился, что ничего не понимает и не умеет говорить. Когда его выбросили за дверь, он встряхнулся, облизал помятую шерсть, расправил хвост и проговорил:

— Если бы я был кухаркой, так все коты с утра до ночи только бы и делали, что пили молоко. Впрочем, я не сержусь на свою кухарку, потому что она этого не понимает...

Павел Петрович Бажов

СЕРЕБРЯНОЕ КОПЫТЦЕ

Жил в нашем заводе старик один, по прозвищу Кокованя.

Семьи у Коковани не осталось, он и придумал взять в дети сиротку. Спросил у соседей — не знают ли кого, а соседи и говорят:

— Недавно на Глинке осиротела семья Григория Потопаева. Старших-то девчонок приказчик велел в барскую рукодельню взять, а одну девчоночку по шестому году никому не надо. Вот ты и возьми её.

— Несподручно мне с девчонкой-то. Парнишечко бы лучше. Обучил бы его своему делу, пособника бы растить стал. А с девчонкой как? Чему я её учить-то стану?

Потом подумал-подумал и говорит:

— Знавал я Григорья, да и жену его тоже. Оба весёлые да ловкие были. Если девчоночка по родителям пойдёт, не тоскливо с ней в избе будет. Возьму её. Только пойдёт ли?

Соседи объясняют:

— Плохое житьё у неё. Приказчик избу Григорьеву отдал какому-то горюну и велел за это сиротку кормить, пока не подрастёт. А у того своя семья больше десятка. Сами не досыта едят. Вот хозяйка и взъедается на сиротку, попрекает её куском-то. Та хоть маленькая, а понимает. Обидно ей. Как не пойдёт от такого житья! Да и уговоришь, поди-ка.

— И то правда,— отвечает Кокованя. — Уговорю как-нибудь.

В праздничный день и пришёл он к тем людям, у кого сиротка жила. Видит — полна изба народу, больших и маленьких. У печки девчоночка сидит, а рядом с ней кошка бурая. Девчоночка маленькая, и кошка маленькая и до того худая да ободранная, что редко кто такую в избу пустит. Девчоночка эту кошку гладит, а она до того звонко мурлычет, что по всей избе слышно. Поглядел Кокованя на девчоночку и спрашивает:

— Это у вас Григорьева-то подарёнка? Хозяйка отвечает:

— Она самая. Мало одной-то, так ещё кошку драную где-то подобрала. Отогнать не можем. Всех моих ребят перецарапала, да ещё корми её!

Кокованя и говорит:

— Неласковые, видно, твои ребята. У ней вон мурлычет.

Потом и спрашивает у сиротки:

— Ну как, подарёнушка, пойдёшь ко мне жить?

Девчоночка удивилась:

— Ты, дедо, как узнал, что меня Дарёнкой зовут?

— Да так, — отвечает, — само вышло. Не думал, не гадал, нечаянно попал.

— Ты хоть кто? — спрашивает девчоночка.

— Я, — говорит, — вроде охотника. Летом пески промываю, золото добываю, а зимой по лесам за козлом бегаю, да всё увидеть не могу.

— Застрелишь его?

— Нет, — отвечает Кокованя. — Простых козлов стреляю, а этого не стану. Мне посмотреть охота, в котором месте он правой передней ножкой топнет.

— Тебе на что это?

— А вот пойдёшь ко мне жить, так всё и расскажу. Девчоночке любопытно стало про козла-то узнать. И то видит — старик весёлый да ласковый. Она и говорит:

— Пойду. Только ты эту кошку, Мурёнку, тоже возьми. Гляди, какая хорошая.

— Про это,— отвечает Кокованя,— что и говорить. Вместо балалайки она у нас в избе будет.

Серебряное копытце. Кадр из мультфильма

Хозяйка слышит их разговор. Рада-радехонька, что Кокованя сиротку к себе зовёт. Стала скорей Дарёнкины пожитки собирать. Боится, как бы старик не передумал. Кошка будто тоже понимает весь разговор. Трётся у ног-то да мурлычет: «Пр-равильно придумал. Пр-равильно».

Вот и повёл Кокованя сиротку к себе жить. Сам большой да бородатый, а она махонькая, и носишко пуговкой. Идут по улице, и кошчонка ободранная за ними попрыгивает.

Так и стали жить вместе дед Кокованя, сиротка Дарёна да кошка Мурёнка. Жили-поживали, добра много не наживали, а на

житьё не плакались, и у всякого дело было. Кокованя с утра на работу уходил, Дарёнка в избе прибирала, похлёбку да кашу варила, а кошка Мурёнка на охоту ходила — мышей ловила. К вечеру соберутся, и весело им.

Старик был мастер сказки сказывать. Дарёнка любила те сказки слушать, а кошка Мурёнка лежит да мурлычет: «Пр-равильно говорит. Пр-равильно».

Только после всякой сказки Дарёнка напомним:

— Дедо, про козла-то скажи. Какой он?

Кокованя отговаривался сперва, потом и рассказал:

— Тот козёл особенный. У него на правой передней ноге серебряное копытце. В каком месте топнет этим копытцем, там и появится дорогой камень. Раз топнет — один камень, два топнет — два камня, а где ножкой бить станет — там груды дорогих камней.

Сказал это, да и не рад стал. С той поры у Дарёнки только и разговору что об этом козле.

— Дедо, а он большой?

Рассказал ей Кокованя, что ростом козёл не выше стола, ножки тоненькие, головка лёгонькая. А Дарёнка опять спрашивает:

— Дедо, а рожки у него есть?

— Рожки-то, — отвечает, — у него отменные. У простых козлов на две веточки, а у этого — на пять веток.

— Дедо, а он кого ест?

— Никого, — отвечает, — не ест. Травой да листом кормится. Ну, сено тоже зимой в стожках подъедает.

— Дедо, а шёрстка у него какая?

— Летом, — отвечает, — буренькая, как вот у Мурёнки нашей, а зимой серенькая.

— Дедо, а он душной?

Кокованя даже рассердился:

— Какой же душной! Это домашние козлы такие бывают, а лесной козёл, он лесом пахнет.

Стал осенью Кокованя в лес собираться. Надо было ему поглядеть, в которой стороне козлов больше пасётся. Дарёнка и давай проситься:

– Возьми меня, дедо, с собой! Может, я хоть издалека того козлика увижу.

Кокованя и объясняет ей:

– Сдалека-то его не разглядишь. У всех козлов осенью рожки есть. Не разберёшь, сколько на них веток. Зимой вот — дело другое. Простые козлы зимой безрогие ходят, а этот — Серебряное Копытце — всегда с рожками, хоть летом, хоть зимой. Тогда его сдалека признать можно.

Этим и отговорился. Осталась Дарёнка дома, а Кокованя в лес ушел.

Дней через пять воротился Кокованя домой, рассказывает Дарёнке:

– Ныне в Полдневской стороне много козлов пасётся. Туда и пойду зимой.

– А как же, — спрашивает Дарёнка, — зимой-то в лесу ночевать станешь?

– Там, — отвечает, — у меня зимний балаган у покосных ложков поставлен. Хороший балаган, с очагом, с окошечком. Хорошо там.

Дарёнка опять спрашивает:

– Дедо, а Серебряное Копытце в той же стороне пасётся?

– Кто его знает. Может, и он там.

Дарёнка тут и давай проситься:

– Возьми меня, дедо, с собой! Я в балагане сидеть буду. Может, Серебряное Копытце близко подойдёт — я и погляжу.

Старик сперва руками замахал:

– Что ты! Что ты! Статочное ли дело зимой по лесу маленькой девчонке ходить! На лыжах ведь надо, а ты не умеешь. Угрузнешь в снегу-то. Как я с тобой буду? Замёрзнешь ещё!

Только Дарёнка никак не отстаёт:

– Возьми, дедо! На лыжах-то я маленько умею. Кокованя отговаривал-отговаривал, потом и подумал про себя: «Сводить разве? Раз побывает — в другой не запросится».

Вот он и говорит:

– Ладно, возьму. Только, чур, в лесу не реветь и домой до времени не проситься.

Как зима в полную силу вошла, стали они в лес собираться. Уложил Кокованя на ручные санки сухарей два мешка, припас охотничий и другое, что ему надо. Дарёнка тоже узелок себе навязала. Лоскуточков взяла кукле платье шить, ниток клубок, иголку да ещё верёвку. «Нельзя ли, — думает, — этой верёвкой Серебряное Копытце поймать?»

Жаль Дарёнке кошку свою оставлять, да что поделаешь! Гладит кошку-то на прощанье, разговаривает с ней:

— Мы, Мурёнка, с дедом в лес пойдём, а ты дома сиди, мышей лови. Как увидим Серебряное Копытце, так и воротимся. Я тебе тогда всё расскажу.

Кошка лукаво посматривает, а сама мурлычет: «Пр-ра-вильно придумала. Пр-равильно».

Пошли Кокованя с Дарёнкой. Все соседи дивуются:

— Из ума выжил старик! Такую маленькую девчонку в лес зимой повёл!

Как стали Кокованя с Дарёнкой из заводу выходить, слышат — собачонки что-то сильно забеспокоились. Такой лай да визг подняли, будто зверя на улицах увидали. Оглянулись — а это Мурёнка серединой улицы бежит, от собак отбивается. Мурёнка к той поре поправилась. Большая да здоровая стала. Собачонки к ней и подступиться не смеют.

Хотела Дарёнка кошку поймать да домой унести, только где тебе! Добежала Мурёнка до лесу, да и на сосну. Пойди поймай!

Покричала Дарёнка, но не могла кошку приманить. Что делать? Пошли дальше. Глядят — Мурёнка стороной бежит. Так и до балагана добралась.

Вот и стало их в балагане трое. Дарёнка хвалится:

— Веселее так-то.

Кокованя поддакивает:

— Известно, веселее.

А кошка Мурёнка свернулась клубочком у печки и звонко мурлычет: «Пр-равильно говоришь. Пр-равильно».

Козлов в ту зиму много было. Это простых-то. Кокованя каждый день то одного, то двух к балагану притаскивал. Шкурки у них накопилось, козлиного мяса насолили — на ручных санках

Серебряное копытце. Кадр из мультфильма

не увезти. Надо бы в завод за лошадью сходить, да как Дарёнку с кошкой в лесу оставить! А Дарёнка по привычке в лесу-то. Сама говорит старику:

— Дедо, сходил бы ты в завод за лошадью. Надо ведь солонину домой перевезти. Кокованя даже удивился:

— Какая ты у меня разумница, Дарья Григорьевна! Как большая рассудила. Только забоишься, поди, одна-то.

— Чего, — отвечает, — бояться! Балаган у нас крепкий, волкам не добиться. И Мурёнка со мной. Не забоюсь. А ты поскорее ворочайся всё-таки!

Ушёл Кокованя. Осталась Дарёнка с Мурёнкой. Днём-то привычно было без Коковани сидеть, пока он козлов выслеживал...

Как темнеть стало, запобаивалась. Только глядит — Мурёнка лежит спокойнѐхонько. Дарёнка и повеселела. Села к окошечку, смотрит в сторону покосных ложков и видит — от лесу какой-то комочек катится. Как ближе подкатился, разглядела — это козёл бежит. Ножки тоненькие, головка лёгонькая, а на рожках по пяти веточек. Выбежала Дарёнка поглядеть, а никого нет. Подождала-подождала, воротилась в балаган, да и говорит:

— Видно, задремала я. Мне и показалось. Мурёнка мурлычет: «Пр-равильно говоришь. Пр-равильно».

Легла Дарёнка рядом с кошкой да и уснула до утра.

Другой день прошёл. Не воротился Кокованя. Скучненько стало Дарёнке, а не плачет. Гладит Мурёнку да приговаривает:

— Не скучай, Мурёнушка! Завтра дедо непременно придёт.

Мурёнка свою песенку поёт: «Пр-равильно говоришь. Пр-равильно».

Посидела опять Дарёнушка у окошка, полюбовалась на звёзды. Хотела спать ложиться — вдруг по стенке топоток прошёл. Испугалась Дарёнка, а топоток по другой стене, потом по той, где окошечко, потом — где дверка, а там и сверху запостукивало. Негромко, будто кто лёгонький да быстрый ходит.

Дарёнка и думает: «Не козёл ли тот, вчерашний, прибежал?»

И до того ей захотелось поглядеть, что и страх не держит. Отворила дверку, глядит, а козёл — тут, вовсе близко. Правую переднюю ножку поднял — вот топнет, а на ней серебряное копытце блестит, и рожки у козла о пяти ветках.

Дарёнка не знает, что ей делать, да и манит его, как домашнего:

— Ме-ка! Ме-ка!

Козёл на это как рассмеялся! Повернулся и побежал.

Пришла Дарёнушка в балаган, рассказывает Мурёнке:

— Поглядела я на Серебряное Копытце. И рожки видела и копытце видела. Не видела только, как тот козлик ножкой топает, дорогие камни выбивает. Другой раз, видно, покажет.

Мурёнка знай свою песенку поёт: «Пр-равильно говоришь. Пр-равильно».

Третий день прошёл, а всё Коковани нет. Вовсе затуманилась Дарёнка. Слёзки запокапывали. Хотела с Мурёнкой поговорить, а её нету. Тут вовсе испугалась Дарёнушка, из балагана выбежала кошку искать.

Ночь месячная, светлая, далеко видно. Глядит Дарёнка — кошка близко на покосном ложке сидит, а перед ней козёл. Стоит, ножку поднял, а на ней серебряное копытце блестит.

Мурёнка головой покачивает, и козёл тоже. Будто разговаривают. Потом стали по покосным ложкам бегать.

Бежит-бежит козёл, остановится и давай копытцем бить. Мурёнка подбежит, козёл дальше отскочит и опять копытцем бьёт. Долго они так-то по покосным ложкам бегали. Не видно их стало. Потом опять к самому балагану воротились.

Тут вспрыгнул козёл на крышу и давай по ней серебряным копытцем бить. Как искры, из-под ножки-то камешки посыпались. Красные, голубые, зелёные, бирюзовые — всякие.

К этой поре как раз Кокованя и вернулся. Узнать своего балагана не может. Весь он как ворох дорогих камней стал. Так и горит-переливается разными огнями. Наверху козёл стоит — и всё бьёт да бьёт серебряным копытцем, а камни сыплются да сыплются.

Вдруг Мурёнка скок туда же! Встала рядом с козлом, громко мяукнула, и ни Мурёнки, ни Серебряного Копытца не стало.

Кокованя сразу полшапки камней нагрёб, да Дарёнка запросила:

— Не тронь, дедо! Завтра днём ещё на это поглядим.

Кокованя и послушался. Только к утру-то снег большой выпал. Все камни и засыпало. Перегребали потом снег-то, да ничего не нашли. Ну, им и того хватило, сколько Кокованя в шапку нагрёб.

Всё бы хорошо, да Мурёнки жалко. Больше её так и не видали, да и Серебряное Копытце тоже не показался. Потешил раз — и будет.

А по тем покосным ложкам, где козёл скакал, люди камешки находить стали. Зелёненькие больше. Хризолитами называются. Видали?

БОЛЬШЕ НЕ БУДЕМ ИГРАТЬ С ХЛЕБОМ!

Жили-были братец и сестричка, всем хорошие дети — и послушные, и внимательные, а вот уважать хлеб не умели. Отец их наставлял, мать делала замечания, а они всё по-старому. То крошки на пол сметут, то огрызок хлеба после обеда оставят на столе, то в школе недоеденный бутерброд выбросят.

И случилось как-то с ними приключение: поехали к родственникам в село, пошли гулять в лес, да и заблудились. Как стало вечереть — голод уже сильно давал о себе знать: хотелось хотя бы крошечку, хоть чёрствого хлеба, лишь бы что-нибудь скушать. Густые заросли напрочь путь преградили, сели они на пенёчке и загрустили. Они бы и плакали, и ещё днём наревелись за мамой, за папой, за хлебчиком, и слёз уже к вечеру не осталось. А всё-таки целый день хождения сказался. Посидели, посидели, да и затихли, будто дремотой взялись.

И видят они одинаковый сон: что будто лежит на столе вкусный каравай, радуется, что скоро людей будет кормить: взрослых — после рабочего дня, детей — чтобы росли быстрее. А тут вдруг дети, похожие на них, берут кусочки в рот, а как откусят, то на столе их оставляют, новые берут и снова надкушенными бросают. Играют так. А как наигрались, собрали все кусочки да и в собачью миску выбросили. А каравай чуть не плачет, так его долго делали: сначала в поле зерно сеяли, тогда ему Господь дал рост, и оно проросло и поднялось высоким колосом, под солнышком зерно созревало, а тогда его комбайн выкосил и смолотил. Потом его смололи в муку, а тогда в пекарне развели водой, добавили всё, что нужно, — соли, яиц, дрожжей — и месили, чтобы всходило. Как взшло тесто, разложили его в формы и в печь печься поставили. Румяные буханочки из печи выглядывают, на свет просятся. Вынули их из печи и развезли в магазины.

И вот одну буханку чьи-то дети поели с молочком, другая попала к бабушке, и она поела её с борщом. А эта, которая попала

к нашим шалунам, сразу в собачьей миске очутилась, хотя должна была она отца с работы дожидаться...

Спят дети, а самим стыдно. Даже щёчки покраснелись. Увидели, как буханка загрустила, и всё поняли. Хлеб должен людям силу давать, а для игр есть другие вещи. И как побыли целый день без хлеба, то уже и поняли, для чего Бог хлеб создал и людей научил его выпекать.

Тут вдруг шум, восклицания раздались поблизости. Встряхнулись дети ото сна, испугались сначала, а потом расслышали: «Ау, ау! Николка, Оля! Где вы?» — это кричали им дядя Павел с соседями. Видно, с поля пришёл, с косовицы, да и вместо ужина бросился с соседями племянников по лесу искать. Как закричат Николка и Оля, как заплачут: «Тут мы, тут!» Ещё каких-то пару минут, и из зарослей пробрался к ним дядя Павел, радостный такой, наклонился, прижал их к груди своими сильными руками и даже застыл на минуту.

— Это ж вы голодные, а у меня ничего с собою нет, вот лишь горбушка в кармане, от обеда осталась, домой нёс. Будете?

— Будем, будем! — обрадовались дети и поровну разделили маленький кусочек.

Домой шли все вместе, а дети держали дядю за руку и не хотели отпускать эту большую сильную руку, которая выращивает хлеб. А хлеб уж они не разбрасывали, уже на всю жизнь запомнили, что хлеб — святой.

Владимир Николаевич Крупин

СОКОЛКО

То, что животные обладают разумом, это даже и обсуждению не подлежит. Дядя мой соглашался говорить о пчёлах, если соседник тоже, как и он, считал пчёл умнее человека. Мама разговаривала с коровой, а куриц ругала, если те откладывали яйца не в гнёздах.

Кот наш Васька обедал вместе со всеми и, сидя на табуретке, лапой показывал издали на облюбованный им кусок. Дворовая

собачка Жучка, завидя нас, начинала хромать, чтобы её пожалели. Что уж говорить о лошадях, которых мы водили купать! Белёлая Партизанка, худючая, с острым хребтом, выйдя на берег из реки, валялась на песке, чтобы её снова запустили в воду, так ей нравилось купание.

Но как же я помню из своего детства собачку по кличке Соколко! Именно из своего детства, будто это пёсик был мой. А он из сказки Пушкина «О мёртвой царевне и семи богатырях». Когда царевна, отведённая в лес на погибель, приходит в дом семи братьев, Соколко очень радуется, верно ей служит. И старается оградить хозяйку от злой колдуньи, лает на неё, кидается, предупреждает царевну об опасности. Но царевна всё-таки надкусила

Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях. Кадр из мультфильма

яблоко, у неё «закатилися глаза, и она под образа головой на лавку пала и тиха, недвижна стала». Вскоре героически умирает и верный Соколко. Он, бессловесная тварь, не уберёт любимую хозяйку. Страдание его безмерно. Он отыскивает братьев в лесу, горестно воеет, зовёт их домой. Братья, чувствуя неладное, скачут вслед за ним. Спешились. «Входят, ахнули. Вбежав, пёс на яблоко стремглав с лаем кинулся, озлился, проглотил его, свалился...»

Вообще, это величайшая сказка. Чернавка ведёт царевну на съедение диким зверям, та просит её: «Не губи меня, девица! А как буду я царица, я пожалую тебя». И на краю гибели царевна уверена, что станет царицей. Пощадив царевну, оставляя её на волю Божию (она именно так и говорит: «Не кручинься, Бог с тобой»), чернавка докладывает мачехе о том, что приказание её выполнено, царевна привязана к дереву. Чернавка тут, надо думать, угождает мачехе, не смея осуждать жестокость приказа, даже успокаивая совесть незаконной царицы: «Крепко связаны ей локти, попадётся зверю в когти, меньше будет ей терпеть, легче будет умереть».

Вырастая в обезбоженное большевиками время, мы не были оставлены Богом. Такие тексты, как эта сказка, исподволь действовали на нас. Ведь царевна, войдя в дом братьев, вначале «затешила Богу свечку», а уж потом «затопила жарко печку». Это же поселялось внутри нас и влияло на душу. Когда умирает царевна, то не как-нибудь, а ложится на лавку «головой под образа». Когда она отказывает в просьбе стать женой кого-либо из братьев, то говорит: «Коли лгу, пусть Бог велит не сойти жилой мне с места. Как мне быть, ведь я невеста...»

А уж как ищет её возлюбленный Елисей! И помогает ему не солнце, не луна, а ветер. Мы же все знали наизусть этот отрывок «Ветер, ветер, ты могуч, ты гоняешь стаи туч...» Но что особенно важно, так это его слова: «Не боишься никого, кроме Бога одного». Ветер рассказывает Елисею о пещере, где «во тьме печальной гроб качается хрустальный». Пушкинский, совершенно православный мотив — преодоление любовью смерти, изображение смерти как сна перед воскресением, здесь блистателен: «И о гроб

Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях. Кадр из мультфильма

невесты милой он ударился всей силой. Гроб разбился. Дева вдруг ожила. Смотрит вокруг изумлёнными глазами...»

Вот ведь и в «Золушке» есть мотив волшебства и колдовства: превращение тыквы в карету, мышей в лошадей, но всё как-то не по-нашему. В «Спящей царевне» колдовство — сила злая, преодолеваемая любовью.

«Ветер, ветер, ты могуч, ты гоняешь стаи туч, — учили мы, — ты волнуешь сине море, ты гуляешь на просторе, не боишься никого, кроме Бога одного!» Учили, и дарвинское понимание все-силы природы, атеистическая объяснимость любых явлений её отступала перед этой вот боязнью ветра. Могучий ветер боится только Бога. Ветер, ломающий деревья, топящий корабли. Ещё

далеко впереди было чтение Священного Писания, познание о буре на Галилейском море, утихшей по одному слову Спасителя, — всё это было впереди. Но принять в сердце веру православную помогла русская литература. Особенно Пушкин. «И с невестой своей обвенчался Елисей». Не как-нибудь, не в ЗАГС пошли — обвенчались.

А как мой Соколко? А вот он не ожил. Как жаль, что он не умел говорить. Объяснил бы братьям, отчего умерла царевна. Соколко так любил царевну, так мучился своей виной, тем, что не уберёт её, что, конечно, уже не мог жить.

Если бы я стал вдруг снова мальчишкой, завёл бы щеночка и назвал бы его Соколко.

НЕНАСТЬЕ

(картинка)

Приуныли детки, молча
На окне они сидят...
Обещала накануне
Отпустить их мама в сад.
Разбудить себя просили
Няню все они чем свет;
Тачку, грабли и лопаты
Подарил им старый дед,
И с внучатами хотел он
Грядки сам прийти копать.
Деток счастливых насилу
Уложила няня спать.
И всю ночь малюткам снились
Солнце, зелень и цветы
И копающего грядки
Деда добрые черты.
Что же детки приуныли,
Не слышать их голосов?..

Отчего печально в окна
Всё глядят они без слов?
Оттого, что небо тучи
Обложили всё кругом,
Скрылось солнышко, деревья
Грустно мокнут под дождём;
Оттого, что смолкли птички
И, от бури в свой приют
В чащу тёмную забившись,
Не щебечут, не поют.
Вот и старый дед явился —
И к любимцу своему
Дети бросились, желая
Горе высказать ему:
«Ну как дождик вплоть до ночи
Будет, дедушка, идти?
Ну как целый день придётся
Просидеть нам взаперти?»
– «Что вы! мигом перестанет! —
Утешает старичок. —
А пока садитесь, детки,
Вот сюда ко мне в кружок
Да послушайте, какую
Расскажу я сказку вам».
И обрадовались детки,
И уселись по местам.
Долго сказывал он сказки
Про лису, про колобок,
Да про квакушку-лягушку,
Да про мышкин теремок.
Жадно слушали малютки,
О ненастье позабыв;
Лишь одну он сказку кончит,
Все кричат наперерыв:

«Расскажи другую!» Деду
Становилось тяжело,
Но тогда ему на смену,
К счастью, солнышко пришло;
И негаданно-нежданно
Яркий блеск его лучей
Озарил седины деда,
Кудри мягкие детей.
Дед вскочил и, настезь окна
Растворив, вскричал: «Ну вот,
Говорил я вам, что мигом
Тучки ветер разнесёт!
Посмотрите-ка, как славно
Вспрыснул дождичек листву
И алмазами усыпал
Посвежевшую траву.
Птички звонко распевают,
Рады солнечным лучам,
И цветы свои головки
Поднимают к небесам.
Ну, теперь лопатки, тачку
Забирайте, да и в сад!»
Нет пределов восхищенью,
Крику, хохоту ребят.
Вот уж скачут, словно птички,
На сыром песке аллеи!
И летят в лицо им брызги
С яркой зелени ветвей!
Вот уж песенка их в чаще
Беззаботная слышна...
Как и птичкам, детям нужны
Только солнце да весна!
«Дай-то Бог, чтоб в вашей жизни, —
Тихо молвил старичок, —

Долгой радостью сменялись
Дни недолгие тревог!
Чтоб вы так же незаметно
Пережить те дни могли,
Как сегодня дождь и бурю,
Сказки слушая мои!»

А. Н. Плещеев

Детство весёлое, детские грёзы,
Только вас вспомнишь — улыбка и слёзы...
Голову няня в дремоте склонила,
На пол с лежанки чулок уронила,
Прыгает кот, шевелит его лапкой,
Свечка уж меркнет под огненной шапкой,
Двигается сумрак, в глаза мне глядит...

Зимняя вьюга шумит и гудит.

Прогнали сон мой рассказы старушки.
Вот я в лесу у порога избушки;
Ждёт к себе гостя колдунья седая —
Змей подлетает, огонь рассыпая.
Замер лес тёмный, ни свиста, ни шума,
Смотрят деревья угрюмо-угрюмо!
Сердце моё замирает-дрожит...

Зимняя вьюга шумит и гудит.

Няня встаёт и лениво зевает,
На ночь постелю мою оправляет.
«Ляг, мой соколик, с молитвой святою,
Божия сила да будет с тобою!..»
Нянина шубка мне ноги пригрела,
Вот уж в глазах у меня запестрело.
Сплю и не сплю я... лампадка горит.

Зимняя вьюга шумит и гудит.

И. С. Никитин

БАБУШКИНЫ СКАЗКИ

В зимний вечер по задворкам
Разухабистой гурьбой
По сугробам, по пригоркам
Мы идём, бредём домой.
Опостылеют салазки,
И садимся в два рядка
Слушать бабушкины сказки
Про Ивана-дурака.
И сидим мы, еле дышим.
Время к полночи идёт.
Притворимся, что не слышим,
Если мама спать зовёт.
Сказки все. Пора в постели...
Но, а как теперь уж спать?
И опять мы загалдели,
Начинаем приставать.
Скажет бабушка несмело:
«Что ж сидеть-то до зари?»
Ну, а нам какое дело —
Говори да говори.

С. Есенин

ДЕТЯМ

Любите, дети, старину
С её былинными веками,
С её столетними церквами,
К величью ведшую страну...
Любите, дети, старину!..
Любите, дети, отчий дом
И нежность материнской ласки,
Любите бабушкины сказки
В кругу внучаток вечером
У печки с ярким огоньком!..

Любите Русь — святынь оплот,
Мир кроткой кельи монастырской,
Дух мощный рати богатырской,
Нас всех хранящей от невзгод!..
Любите, дети, свой народ!..

С. Бехтеев

* * *

Снег да снежные узоры,
В поле — вьюги разговоры,
Холод, полутьма...

День — коньки, гора, салазки...
Вечер — бабушкины сказки...
Вот она — зима!

А. Круглов

* * *

Вечер зимний, вечер скучный.
Спит природа мёртвым сном,
Только вьюга однозвучно
Завывает под окном.

Белый снег она со злобой
То поднимет и завьёт,
То в глубокие сугробы
На дороге нанесёт.

Под рыданье непогоды
Восстают передо мной
Дом родимый, детства годы,
Образ няни дорогой.

В час вечерний с нежной лаской
Приходилось тешить ей
Или песнью, или сказкой
Разблажившихся детей —

Бабушкины сказки. Художник В. Максимов

Шёл рассказ о царском сыне:
В бочке по морю носясь,
Помышлял он в злой кручине:
«Потянуться бы хоть раз!»

Говорилось о девице
У Кащея в терему, —
И казались небылицы
Страшны детскому уму.

Но зимой, когда, бывало,
Станет злее вьюги вой,
Няня сказку прерывала
И качала головой:

«Ишь ты, дал Господь погоду!
Загляни теперь в село —
Ни проезду, ни проходу,
Всё-то снегом занесло...»

С тяжким вздохом няня снова,
Потешая сказкой нас,
Продолжала с полуслова
Вьюгой прерванный рассказ...

А. Михайлов

ЗИМОЙ В ДЕРЕВНЕ

Снег сыпучий, будто тучи,
Расстился по земле...
Сосны пели и шумели...
Вьюга плакала во мгле...

Лёгкой дымкой-невидимкой
Разгулялася пурга
И скрывала покрывалом
Холмы, доли и луга...

И шуршали, как из стали,
Оголённые кусты...
Шёл обозец, а морозец
Строил крепкие мосты.

На деревне млад и древний
Жались в хатах к огоньку.
А внучатки, с речью сладкой,
Лезли с сказкой к старику...

Дед бодрился и садился;
Умолкала детвора,
Жмуря глазки... Деда сказки
Были чуть не до утра.

Ф. Шкулёв

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Шлю привет родному краю,
Уголку живой природы,
И с любовью вспоминаю
Детства прожитые годы.

Вот мелькают предо мною
Деревенские картины:
Храм на горке за рекою,
Дальше — избы и овины.

Над широкими полями
Много звуков раздаётся:
Вьются пчёлы над цветами,
Песня жаворонка льётся.

Вот брожу я одиноко
Меж травкою-муравою,
Светит солнышко высоко
Над моею головою.

Быстро тени пробегают,
Тихо травка шевелится,
Щёки рдятся и пылают.
От жары хочу я скрыться.

С поля к речке, в рожь густую
Иль в дремучий лес сосновый...
Вот под сосну вековую
На ковёр я лёг дерновый.

Леса тёмные вершины,
Как живые шевелятся,
Сосны, ели-исполины
В небо синее глядятся.

Векши, вздёрнув хвост пушистый,
По деревьям пробегают,
Птички пеньем голосистым
Лес дремучий оглашают...

Дома бабушка слепая
На постель со мною ляжет
И, крестясь и зевая,
Сказку чудную расскажет...

С. Дрожжин

КЛАД (бабушкина сказка)

1

На краю селенья
Хатка пошатнулась,
К хатке дружелюбно
Ивушка нагнулась.

Тёмными ветвями
Хатку приукрыла,
Чтобы жарким летом
Ей прохладно было.

В хатке одиноко
Век свой доживает
Бабушка Маланья —
Кто её не знает!

Здесь по всей сторонке,
В каждой деревушке,
С деда до ребёнка
Знают о старушке.

Хворь кого прихватит, —
А пора-то — страда, —
В поле люд рабочий
В это время надо.

Ну, а как больного
Без присмотра бросить?

И бегут к старушке —
Домовничать просят.
Нет у ней отказа —
Добрая такая!
За больным старушка
Ходит как родная.
Любят её дети
За привет да ласки —
Бабушка Маланья
Говорит им сказки.

2

Ясный летний вечер,
В воздухе прохлада;
С поля воротилось
На селенье стадо.
Смолкли шум и говор:
Смучен люд трудами.
Ивушка над хаткой
Не качнёт ветвями.
Тишь кругом такая —
Хоть бы где словечко...
Бабушка Маланья
Вышла на крылечко.
К бабушке Маланье
Дети собралися.
Глянь, у ней гостинцы
Для детей нашлися.
То-то детям любо,
То-то им утеха!
Сколько у малюток
Радости и смеха!
Пристают к ней дети,
Зная старой ласку:

«Бабушка Маланья,
Расскажи нам сказку!»
— «Что мне с вами делать?
Баловни вы, право!
Всё скажи вам сказку —
Только и забавы.
Прежде я вот много
Сказок этих знала,
Да перезабыла —
Старость доконала.
Памяти-то нету —
Вот беда-досада,
А сказать вам, детки,
Сказку, видно, надо...»

И. Суриков

ДЕТСТВО

Вот моя деревня,
Вот мой дом родной,
Вот качусь я в санках
По горе крутой;
Вот свернулись санки,
И я на бок — хлоп!
Кубарем качуся
Под гору в сугроб.
И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.
Всё лицо и руки
Залепил мне снег..
Мне в сугробе горе,
А ребятам смех!

Но меж тем уж село
Солнышко давно,
Поднялася вьюга,
На небе темно.

Весь ты перезябнешь,
Руки не согнёшь,
И домой тихонько,
Нехотя бредёшь.

Ветхую шубёнку
Скинешь с плеч долой,
Заберёшься на печь
К бабушке седой.

И сидишь, ни слова...
Тихо всё кругом;
Только слышишь — воет
Вьюга за окном.

В уголке, согнувшись,
Лапти дед плетёт;
Матушка за прялкой
Молча лён прядёт.

Избу освещает
Огонёк светца,
Зимний вечер длится,
Длится без конца...

И начну у бабки
Сказки я просить,
И начнёт мне бабка
Сказку говорить:

Как Иван-царевич
Птицу-жар поймал,
Как ему невесту
Серый волк достал.

Слушаю я сказку —
Сердце так и мрёт,
А в трубе сердито
Ветер злой поёт.

Я прижмусь к старушке...
Тихо речь журчит,
И глаза мне крепко
Сладкий сон смежит.

И во сне мне снятся
Чудные края.
И Иван-царевич —
Это будто я.

Вот передо мною
Чудный сад цветёт,
В том саду большое
Дерево растёт.

Золотая клетка
На сучке висит,
В этой клетке птица
Точно жар горит;

Прыгает в той клетке,
Весело поёт,
Ярким, чудным светом
Сад весь обдаёт.

Вот я к ней подкрался
И за клетку — хватить!
И хотел из сада
С птицею бежать.

Но не тут-то было!
Поднялся шум, звон,
Набежала стража
В сад со всех сторон.

Руки мне скрутили
И ведут меня...
И, дрожа от страха,
Просыпаюсь я.

Уж в избу, в окошко,
Солнышко глядит,
Пред иконой бабка
Молится, стоит.

Весело текли вы,
Детские года!
Вас не омрачали
Горе и беда.

И. Суриков

ДЕД КЛИМ

Утро. Зорькой золотою
Зарумянился восток,
Из села выходит стадо,
Заливается рожок.

Пробудилась забота,
Принимается за труд.
По селу скрипят ворота,
Бабы по воду идут.

Пробудились в хатах дети,
Как птенцы из-под застрех,
Показались, солнцу рады,
Слышен говор их и смех.

«Что ж, ребята, к деду Климу?
Он вчера нам говорил:
„Приходите! рой я пчёлоч
В новый улей отсадил.
Я вам, детки, этих пчёлоч
В новом улье покажу,

Накормлю досыта мёдом,
Сказку новую скажу“».
Кто не знает деда Клима —
Это старый пчеловод!..
Дом покинул, в лес сосновый
Забрался и там живёт.
К деду старому на пчельник
Из соседних деревень
Соберутся ребяташки
И шумят там целый день.
Дед детей сердечно любит,
Не ворчит и не бранит —
То по пчельнику их водит,
То им сказки говорит.
И теперь толпою дети
К деду старому бегут:
Знают дети, что у деда
Ласку встретят, мёд найдут.
И бегут они полями
Меж густой, высокой ржи —
И головками кивают
Василёчки им с межи.
Хорошо детишкам, любо,
На душе у них светло —
Солнце ласково так смотрит,
В поле тихо и тепло.
Миновали дети поле,
И бегут они тропой
По заросшей болотине
Под сосновый лес густой.
Вот и лес. И малых деток
Он накрыл, что тёмный свод,
И смолой своей душистой
Отовсюду обдаёт.

Чуть шумитверху соснами
Перелётный ветерок,
Ниже — темь и тишь такая...
Что за чудный уголок!
Вот и пчельник деда Клина:
Хатка, садик и прудок —
И угодника Зосимы
Над калиткой образок.
За плетнём высоким, частым
Ульи тёмные стоят,
И над ульями день целый
Пчёлы выются и жужжат.
Старый Клим сидит у хаты;
Точно лунь, он весь седой,
На свои худые руки
Оперся он головой;
От густых высоких сосен
На него ложится тень...
Деда взор так тих и ясен,
Точно светлый летний день.
Знать, чиста душа у деда,
Жизнь прожита не грешна,
Что на Божий мир он ясно
Смотрит — добрая душа!
Дед, увидя ребятишек,
Усмехнулся и привстал:
«Ну-тко, детки дорогие!
Марш на пчельник — на привал!»
Рады ласке ребятишки —
Детский смех их зазвенел...
Пчельник ожил, точно новый
Рой на пчельник прилетел.

И.Суриков

Русские басни

А. Е. ИЗМАЙЛОВ

ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Волк костью как-то подавился.
Не мудрено: всегда есть торопился;
Кость стала в горле у него.
Прожора захрипел, стеснилось в нём дыханье,
Ну, словом, смерть пришла его,
И он хотел в грехах принести уж покаянье.
По счастью, Журавль тут мимо проходил.
Страдалец перед ним пасть жалобно разинул;
Журавль в неё свой нос предлинный опустил
И кость удачно вынул.
Волк вспрыгнул с радости, избавясь от беды.
«А что ж мне за труды?» —
Спросил носатый врач. «Ах ты неблагодарный! —
Волк с сердцем отвечал. — Да как просить ты смел?
Смотри какой нахальный!
Благодари за то, что нос остался цел».

И. А. КРЫЛОВ

ЛАРЧИК

Случается нередко нам
И труд, и мудрость видеть там,

Где стоит только догадаться
За дело просто взяться.
К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался.
Вот входит в комнату механики мудрец.
Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец с секретом.
Так; он и без замка;
А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет и Ларчик вам открою:
В механике и я чего-нибудь да стою».
Вот за Ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает;
То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.
Тут, глядя на него, иной
Качает головой;
Те шепчутся, а те смеются меж собой.
В ушах лишь только отдаётся:
«Не тут, не так, не там!» Механик пуще рвётся.
Потел, потел; но, наконец, устал,
От Ларчика отстал
И, как открыть его, никак не догадался:
А Ларчик просто открывался.

ОБОЗ

С горшками шёл Обоз,
И надобно с крутой горы спускаться,
Вот, на горе других оставя дожидаться,
Хозяин стал сводить легонько первый воз.
Конь добрый на крестце почти его понёс,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху, молодая,
Ругает бедного коня за каждый шаг:

«Ай, конь хвалёный, то-то диво!
Смотрите: лепится как рак;
Вот чуть не зацепил за камень; косо! криво!
Смелее! Вот толчок опять.
А тут бы влево лишь принять.
Какой осёл! Добро бы было в гору
Или в ночную пору, —
А то и под гору, и днём!
Смотреть, так выйдешь из терпенья!
Уж воду бы таскал, коль нет в тебе уменья!
Гляди-тко нас, как мы махнём!
Не бойсь, минуты не потратим,
И возик свой мы не свезём, а скатим!»
Тут, выгнувши хребет и понатужа грудь,
Тронулася лошадка с возом в путь;
Но только под гору она перевалилась,
Воз начал напирать, телега раскатилась;
Коня толкает взад, коня кидает вбок;
Пустился конь со всех четырёх ног
На славу;
По камням, рытвинам пошли толчки,
Скачки,
Левей, левей, и с возом — бух в канаву!
Прощай, хозяйские горшки!
Как в людях многие имеют слабость ту же:
Всё кажется в другом ошибкой нам;
А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже.

ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО

Навозну кучу разрывая,
Петух нашёл Жемчужное зерно
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят?

А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну Ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

Невежи судят точно так:
В чём толку не поймут, то всё у них пустяк.

ЛЮБОПЫТНЫЙ

«Приятель дорогой, здорово! Где ты был?»
«В Кунсткамере, мой друг! Часа там три ходил;
Всё видел, высмотрел; от удивленья,
Поверишь ли, не станет ни уменя
Пересказать тебе, ни сил.
Уж подлинно, что там чудес палата!
Куда на выдумки природа торовата!
Каких зверей, каких там птиц я не видал!
Какие бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Одни, как изумруд, другие, как коралл!
Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки!»
«А видел ли слона? Каков собой на взгляд!
Я чай, подумал ты, что гору встретил?»
«Да разве там он?» — «Там». — «Ну, братец, виноват:
Слона-то я и не приметил».

ПЧЕЛА И МУХИ

Две Мухи собрались лететь в чужие краи
И стали подзывать с собой туда Пчелу:
Им насаказали попугаи
О дальних сторонах большую похвалу.
Притом же им самим казалось обидно,
Что их, на родине своей,
Везде гоняют из гостей;
И даже до чего (как людям-то не стыдно,

И что они за чудаки!):
Чтоб поживиться им не дать сладостями
За пышными столами,
Придумали от них стеклянные колпаки;
А в хижинах на них злодеи-пауки.
«Путь добрый вам, — Пчела на это отвечала, —
А мне
И на моей приятно стороне.
От всех за соты я любовь себе сыскала —
От поселян и до вельмож.
Но вы летите.
Куда хотите!
Везде вам будет счастье то ж:
Не будете, друзья, нигде, не быв полезны,
Вы ни почтенны, ни любезны.
А рады пауки лишь будут вам
И там».

Кто с пользою Отечеству трудится,
Тот с ним легко не разлучится;
А кто полезным быть способности лишён,
Чужая сторона тому всегда приятна:
Не бывши гражданин, там мене презрен он,
И никому его там праздность не досадна.

КРЕСТЬЯНИН И ЗМЕЯ

Когда почтен быть хочешь у людей, —
С разбором заводи знакомства и друзей!
Мужик с Змеёю подружился.
Известно, что Змея умна:
Так вкралась к Мужику она,
Что ею только он и клялся, и божился.
С тех пор все прежние приятели, родня,
Никто к нему ногой не побывает.
«Помилуйте, — Мужик пеняет, —

За что вы все покинули меня!
Иль угостить жена вас не умела?
Или хлеб-соль моя вам надоела?»
«Нет, — кум Матвей сказал ему в ответ, —
К тебе бы рады мы, сосед.
И никогда ты нас (об этом слова нет)
Не огорчил ничем, не опечалил:
Но что за радость, рассуди,
Коль, сидя у тебя, того лишь и гляди,
Чтобы твой друг кого, подползши, не ужалил».

ВОРОНА И ЛИСИЦА

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.
Вороне где-то Бог послал кусочек сыру.
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать совсем уж было собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близёхонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр — Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит,
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие пёрышки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица, —
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещунына с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье спёрло —

И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во всё воронье горло:
Сыр выпал — с ним была плутовка такова.

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела,
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле,
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол и дом.
Всё прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настаёт,
Стрекоза уж не поёт,
И кому же в ум пойдёт
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползёт она:
«Не оставь меня, кум милый!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!» —
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило». —
«А, так ты...» — «Я без души
Лето целое всё пела». —
«Ты всё пела? это дело:
Так поди же, попляши!»

ЛЕВ И КОМАР

Бессильному не смейся
И слабого обидеть не моги!
Мстят сильно иногда бессильные враги:
Так слишком на свою ты силу не надейся!
Послушай басню здесь о том,
Как больно Лев за спесь наказан Комаром.
Вот что о том я слышал стороною:
Сухое к Комару явил презренье Лев;
Зло взяло Комара: обиды не стерпев,
Собрался, поднялся Комар на Льва войною.
Сам ратник, сам трубач пищит во всю гортань
И вызывает Льва на смертоносну брань.
Льву смех, но наш Комар не шутит:
То с тылу, то в глаза, то в уши Льву он трубит!
И, место высмотрев и время улуча,
Орлом на Льва спустился
И Льву в крестец всем жалом впился.
Лев дрогнул и взмахнул хвостом на трубача.
Увёртлив наш Комар, да он же и не трусит!
Льву сел на самый лоб и Львину кровь сосёт.
Лев голову крутит, Лев гривую трясёт;
Но наш герой своё несёт:
То в нос забьётся Льву, то в ухо Льва укусит.
Вздурился Лев,
Престрашный поднял рев,
Скрежещет в ярости зубами
И землю он дерёт когтями.
От рыка грозного окружный лес дрожит.
Страх обнял всех зверей; всё кроется, бежит:
Отколь у всех взялися ноги,
Как будто бы пришёл потоп или пожар!
И кто ж? Комар
Наделал столько всем тревоги!
Рвался, метался Лев и, выбившись из сил,

О землю грянулся и миру запросил.
Насытил злость Комар; Льва жалует он миром:
Из Ахиллеса вдруг становится Омиром¹,
И сам
Летит трубить свою победу по лесам.

СТАРИК И ТРОЕ МОЛОДЫХ

Старик садить сбирался деревцо.
«Уж пусть бы строиться; да как садить в те лета,
Когда уж смотришь вон из света!»
Так, Старику смеясь в лицо,
Три взрослых юноши соседних рассуждали.
«Чтоб плод тебе твои труды желанный дали,
То надобно, чтоб ты два века жил.
Неужли будешь ты второй Мафусаил²?
Оставь, старинушка, свои работы:
Тебе ли затевать толь дальние расчёты?
Едва ли для тебя текущий верен час?
Такие замыслы простительны для нас:
Мы молоды, цветём и крепостью и силой,
А старику пора знакомиться с могилой». —
«Друзья!» смиренно им отвечает Старик:
«Издетства я к трудам привык;
А если от того, что делать начинаю,
Не мне лишь одному я пользы ожидаю:
То, признаюсь,
За труд такой ещё охотнее берусь.
Кто добр, не всё лишь для себя трудится.
Сажая деревцо, и тем я веселюсь,
Что если от него сам тени не дождусь,
То внук мой некогда сей тенью насладится,

¹ «Из Ахиллеса вдруг становится Омиром» — то есть из героя Троянской войны Ахиллеса становится певцом победы — Гомером (Омиром), автором «Илиады».

² Мафусаил — ветхозаветный патриарх, прославившийся своим долголетием.

И это для меня уж плод.
Да можно ль и за то ручаться наперёд,
Кто здесь из нас кого переживёт?
Смерть смотрит ли на молодость, на силу
Или на прелесть лиц?
Ах, в старости моей прекраснейших девиц
И крепких юношей я провожал в могилу!
Кто знает: может быть, что ваш и ближе час,
И что сыра земля покроет прежде вас».
Как им сказал Старик, так после то и было.
Один из них в торги пошёл на кораблях;
Надеждой счастье сперва ему польстило;
Но бурею корабль разбило;
Надежду и пловца — всё море поглотило.
Другой в чужих землях,
Предавшись порока власти,
За роскошь, негу и за страсти
Здоровьем, а потом и жизнью заплатил.
А третий — в жаркий день холодного испил
И слёг: его врачам искусным поручили,
А те его до смерти залечили.
Узнавши о кончине их,
Наш добрый Старичок оплакал всех троих.

ОСЁЛ И СОЛОВЕЙ

Осёл увидел Соловья
И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказывают, петь великий мастерище.
Хотел бы очень я
Сам посудить, твоё услышав пенье,
Велико ль подлинно твоё уменье?»
Тут Соловей являть своё искусство стал:
Защёлкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал

И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.
Внимало всё тогда
Любимцу и певцу Авроры;
Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
И прилегли стада
Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушке улыбался.
Скончал певец. Осёл, уставясь в землю лбом,
«Изрядно, — говорит, — сказать неложно,
Тебя без скуки слушать можно;
А жаль, что незнаком
Ты с нашим петухом;
Ещё б ты боле наострился,
Когда бы у него немножко поучился».
Услыша суд такой, мой бедный Соловей
Вспорхнул — и полетел за тридевять полей.
Избави, Бог, и нас от таких судей.

КУКУШКА И ПЕТУХ

«Как, милый Петушок, поёшь ты громко, важно!» —
«А ты, Кукушечка, мой свет,
Как тянешь плавно и протяжно:
Во всём лесу у нас такой певицы нет!»
«Тебя, мой куманёк, век слушать я готова».
«А ты, красавица, божусь,
Лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь,
Чтоб начала ты снова —
Отколь такой берётся голосок?
И чист, и нежен, и высок!..
Да вы уж родом так: собою невелички,
А песни, что твой соловей!»
«Спасибо, кум; зато, по совести моей,
Поёшь ты лучше райской птички,

На всех ссылаюсь в этом я».
Тут Воробей, случась, примолвил им: «Друзья!
Хоть вы охрипните, хваля друг дружку, —
Всё ваша музыка плоха!..»
За что же, не боясь греха,
Кукушка хвалит Петуха?
За то, что хвалит он Кукушку.

ВОЛК И ЯГНЁНОК

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в истории мы тьму примеров слышим,
Но мы истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят..
Ягнёнок в жаркий день зашёл к ручью напиться:
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягнёнка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питьё
Моё
С песком и с илом?
За дерзость такову
Я голову с тебя сорву». —
«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу».
«Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты ещё в запрошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил:
Я этого, приятель, не забыл!» —

«Помилуй, мне ещё и от роду нет году», —
Ягнёнок говорит. — «Так это был твой брат».
«Нет братьев у меня». — «Так это кум иль сват».
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите,
И если можете, то мне всегда вредите,
Но я с тобой за их разведаюсь грехи». —
«Ах, я чем виноват?» — «Молчи! устал я слушать,
Досуг мне разбирать вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать», —
Сказал и в тёмный лес Ягнёнка поволок.

ЛЯГУШКА И ВОЛ

Лягушка, на лугу увидевши Вола,
Затеяла сама в дородстве с ним сравняться:
Она завистлива была.
И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.
«Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я с него?» —
Подруге говорит. «Нет, кумушка, далёко!»
«Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково?
Пополнилась ли я?» — «Почти что ничего».
«Ну, как теперь?» — «Всё то ж». Пыхтела да пыхтела
И кончила моя затейница на том,
Что, не сравнявшись с Волом,
С натуги лопнула и — околела.
Пример такой на свете не один:
И диво ли, когда жить хочет мещанин,
Как именитый гражданин,
А сошка мелкая — как знатный дворянин.

МАРТЫШКА И ОЧКИ

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло ещё не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмёт, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.
«Тьфу пропасть! — говорит она, — и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне нагали;
А проку на волос нет в них».
Мартышка тут с досады и с печали
О камень такхватила их,
Что только брызги засверкали.
К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь, — цены не зная ей,
Невежда про неё свой толк всё к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он её ещё и гонит.

СЛОН И МОСЬКА

По улицам Слона водили,
Как видно, напоказ —
Известно, что Слоны в диковинку у нас —
Так за Слоном толпы зевак ходили.
Отколе ни возьмишь, навстречу Моська им.
Увидевши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться,
Ну, так и лезет в драку с ним.
«Соседка, перестань срамиться, —
Ей шавка говорит, — тебе ль с Слоном возиться?»

Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идёт
Вперёд
И лаю твоего совсем не примечает». —
«Эх, эх! — ей Моська отвечает. —
Вот то-то мне и духу придаёт,
Что я, совсем без драки,
Могу попасть в большие забияки.
Пускай же говорят собаки:
«Ай, Моська! знать она сильна,
Что лает на Слона!»

ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА

Мартышка, в Зеркале увидя образ свой,
Тихохонько Медведя толк ногой:
«Смотри-ка, — говорит, — кум милый мой!
Что это там за рожа?
Какие у неё ужимки и прыжки!
Я удавилась бы с тоски,
Когда бы на неё хоть чуть была похожа.
А ведь, признайся, есть
Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть:
Я даже их могу по пальцам перечесть». —
«Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» —
Ей Мишка отвечал.
Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.
Таких примеров много в мире:
Не любит узнавать никто себя в сатире.
Я даже видел то вчера:
Что Климыч на руку нечист, все это знают;
Про взятки Климычу читают.
А он украдкою кивает на Петра.

СКУПОЙ И КУРИЦА

Скупой теряет всё, желая всё достать.
Чтоб долго мне примеров не искать,
Хоть есть и много их, я в том уверен;
Да рыться лень: так я намерен
Вам басню старую сказать.

Вот что в ребячестве читал я про Скупого.
Был человек, который никакого
Не знал ни промысла, ни ремесла,
Но сундуки его полнели очевидно.
Он Курицу имел (как это не завидно!),
Котора яйца несла,
Но не простые,
А золотые.
Иной бы и тому был рад,
Что понемногу он становится богат;
Но этого Скупому мало,
Ему на мысли вспало,
Что, взрезав Курицу, он в ней достанет клад.
И так, забыв её к себе благодеянье,
Неблагодарности не побоясь греха,
Её зарезал он. И что же? В воздаянье
Он вынул из неё простые потроха.

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ

Свинья под Дубом вековым
Наелась желудей досыта, до отвала;
Наевшись, выпалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала.
«Ведь это дереву вредит, —
Ей с Дубу Ворон говорит, —
Коль корни обнажишь, оно засохнуть может».
«Пусть сохнет, — говорит Свинья, —

Ничуть меня то не тревожит,
В нём проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею;
Лишь были б жёлуди: ведь я от них жирею».
«Неблагодарная! — примолвил Дуб ей тут, —
Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти жёлуди на мне растут».

Невежда также в ослепленье
Бранит науку и ученье
И все учёные труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

ОРЁЛ И ПЧЕЛА

Счастлив, кто на чреде трудится знаменитой:
Ему и то уж силы придает,
Что подвигов его свидетель целый свет.
Но сколь и тот почтен, кто, в низости сокрытый,
За все труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестями не льстится,
И мыслью оживлён одной:
Что к пользе общей он трудится.

Увидя, как Пчела хлопочет вкруг цветка,
Сказал Орёл однажды ей с презреньем:
«Как ты, бедняжка, мне жалка,
Со всей твоей работой и с уменьем!
Вас в улье тысячи всё лето лепят сот:
Да кто же после разберёт
И отличит твои работы?
Я, право, не пойму охоты:
Трудиться целый век, и что ж иметь в виду?..
Безвестной умереть со всеми наряду!
Какая разница меж нами!
Когда, расширися шумящими крылами,

Ношуся я под облаками,
То всюду рассеваю страх:
Не смеют от земли пернатые подняться,
Не дремлют пастухи при тучных их стадах;
Ни лани быстрые не смеют на полях,
Меня завидя, показаться».
Пчела ответствует: «Тебе хвала и честь!
Да продлит над тобой Господь свои щедроты!
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утешаюсь тем, на наши смотря соты,
Что в них и моего хоть капля мёду есть».

ВЫСКАЗЫВАНИЯ ОБ И. А. КРЫЛОВЕ

* * *

Этот человек — загадка, и великая!

К. Н. Батюшков

* * *

Язык его в баснях есть верный отголосок языка народного, но смягчённый и очищенный опытным вкусом.

*М. Е. Лобанов, литератор, биограф Крылова,
автор воспоминаний о нём*

* * *

И. Крылов возвёл русскую басню в оригинально-классическое достоинство. Невозможно дать большего простодушия рассказу, большей народности языку, большей осязаемости нравовучению. В каждом его стихе виден русский здравый ум. <...> Его каждая басня — сатира, тем сильнейшая, что она коротка и рассказана с видом простодушия. Читая стихи его, не замечаешь даже, что они стопóваны — и это-то есть верх искусства.

А. А. Бестужев-Марлинский

Ни один из поэтов не умел сделать свою мысль так ощутительной и выражаться так доступно всем, как Крылов. Поэт и мудрец слились в нём воедино. У него живописно всё, начиная от изображения природы <...> до передачи малейших оттенков разговора, выдающих живьём душевные свойства <...> Этот ум, умеющий найти законную середину всякой вещи, который обнаружился в Крылове, есть наш истинно-русский ум. Только в Крылове отразился тот верный такт русского ума, который, умея выразить истинное существо всякого дела, умеет выразить его так, что никого не оскорбит выражением и не восстановит ни против себя, ни против мысли своей даже несходных с ним людей, — одним словом, тот верный такт, который мы потеряли среди нашего светского образования и который сохранился доселе у нашего крестьянина. Крестьянин наш умеет говорить со всеми, даже с царём, так свободно, как никто из нас, и ни одним словом не покажет неприличия, тогда как мы часто не умеем поговорить даже с равным себе таким образом, чтобы не оскорбить его каким-нибудь выражением. Зато уже в ком из нас действительно образовался этот сосредоточенный, верный, истинно русский такт ума — он у нас пользуется уважением всех; ему все позволяют сказать то, чего никому другому не позволяют; на него никто уж и не сердится...

Н.В.Гоголь

РУССКАЯ ПЕСНЯ

* * *

Как пойду я на быструю речку,
Сяду я да на крут бережок,
Посмотрю на родную сторонку,
На зелёный приветный лужок.

Ты сторонка, сторонка родная,
Нет на свете привольней тебя.
Уж ты, нива моя золотая
Да высокие наши хлеба.

Эх ты, русское наше приволье,
Краю нет на луга и поля.
Ты — широкое наше раздолье,
Ты — родимая наша земля.

Неизв. автор

ЛЕТНЕЙ НОЧЬЮ

Спит дитя, закрывши глазки, —
Усыпили няни ласки, —
И во сне героев сказки
Видит пред собой...

Занавески колыхает,
Над кроваткою порхает,
Грёзы счастья навевает
Ветерок ночной...

С синевы небес глубоких
Льёт поток лучей далёких
На простор лугов широких
 Месяц золотой...

Тишина кругом немая,
Только песня удалая —
Сердцу русскому родная, —
Словно устали не зная,
 Льётся за рекой...

А. Коринфский

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льёт печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни чёрной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только вёрсты полосаты
Попадаются одне.

А.С. Пушкин

Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка,
И уныло по ровному полю
Разливается песнь ямщика.

Столько грусти в той песне унылой,
Столько чувства в напеве родном,
Что в груди моей хладной, остылой
Разгорелось сердце огнём.

И припомнил я ночи другие,
И родные поля и леса,
И на очи, давно уж сухие,
Набежала, как искра, слеза.

Однозвучно гремит колокольчик,
Издали отдаваясь слегка...
И умолк мой ямщик, а дорога
Предо мной далека, далека...

Неизв. автор

СЕРЕНАДА

Тихо вечер догорает,
Горы золотя;
Знойный воздух холодеет —
Спи, моё дитя.

Соловьи давно запели,
Сумрак возвестя;
Струны робко зазвенели —
Спи, моё дитя.

Смотрят ангельские очи,
Трепетно светя;
Так легко дыханье ночи —
Спи, моё дитя.

А.А.Фет

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, дитя моё, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.
Улетел орёл домой.
Солнце скрылось за горой.
Ветер, после трёх ночей,
Мчится к матери своей.
Ветра спрашивает мать:
– Где изволил пропадать?
Али звёзды воевал?
Али волны всё гонял?
– Не гонял я волн морских,
Звёзд не трогал золотых —
Я дитя оберегал,
Колыбелечку качал!

А.Н.Майков

ПТИЧКА

Птичка над моим окошком
Гнёздышко для деток вьёт, —
То соломку тащит в ножках,
То пушок в носку несёт.

Птичка домик сделать хочет:
Солнышко взойдёт, зайдёт —
Целый день она хлопочет,
Но и целый день поёт.

Ночь холодная настанет,
От реки туман пойдёт,
Птичка-душенька устанет,
Спит и петь перестаёт;

Но чуть утро — птичка снова
Песню звонко заведёт;
Весела, сыта, здорова
И поёт себе, поёт.

Люди время убивают,
Время быстрое идёт,
Птичка праздности не знает
И поёт себе, поёт.

Отчего ж она счастлива,
Отчего так весела?
Оттого что хлопотлива
И ленивой не была.

Надо утром помолиться —
Для того она встаёт
Очень рано, там трудится
И в трудах поёт, поёт!

Э.Эльген

ЖАВОРОНОК

Между небом и землёй
Песня раздаётся,
Неисходною струёй
Громче, громче льётся.

Не видать певца полей!
Где поёт так громко
Над подружкой своей
Жаворонок звонкой.

Ветер песенку несёт,
А кому — не знает.
Та, кому она, поймёт,
От кого — узнает.

Лейся ж, песенка моя,
Песнь надежды сладкой...

Кто-то вспомнит про меня
И вздохнёт украдкой.

Н. Кукольник

ПЕСНЯ

Когда душа тоской полна,
Невольно нам поётся,
И наша песня, как волна,
Неудержимо льётся.

Когда в душе восторг кипит —
Приходит песня снова,
И громкий звук её летит
До неба голубого.

И в светлой радости своей,
И в тяжком, лютом горе
Спешим мы в песне поскорей
Излиться на просторе.

Л. Модзалевский

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ О НАРОДНОЙ ПЕСНЕ

Какая жизнь, такие и песни.

Соловей берёт пением, а человек — умением.

Чем труднее времена, тем нежнее песня.

Где песня льётся, там легче живётся.

Весело поётся, весело и прядётся.

Поселяйся там, где поют! Те, кто поют, худо не думают.

ВЫСКАЗЫВАНИЯ О НАРОДНОЙ ПЕСНЕ

* * *

Моя радость, жизнь моя! Песни! Как я вас люблю! Что все чёрствые летописи... перед этими звонкими, живыми летописями!

Н.В.Гоголь

* * *

Нигде народная песня не играла и не играет такой роли, как в нашем народе, нигде она не сохранилась в таком богатстве, силе и разнообразии, как у нас. Это дало особый склад и физиономию русской музыки и привело её к своим особым задачам.

В.В.Стасов

* * *

Льётся чудная народная песнь, из которой почерпают своё вдохновение и поэт, и художник, и музыкант; слышится меткое, глубокое слово, в которое... вдумываются филолог и философ и приходят в изумление от глубины и истины этого слова.

К.Д.Ушинский

* * *

В народных песнях высказывается народ; в них он является со всем своим богатством, во всей своей силе; они также изустно повторяются, они поются, и элемент музыкальный, соединяясь с поэтическим созданием, также высказывает дух народа.

К.С.Аксаков

* * *

Русские люди поют песню с самого рождения. От колыбели, от пелёнок. Поют всегда. По крайней мере, так это было в дни моего отрочества. А как хорошо пели! Пели в поле, пели на сеновалах, на речках, у ручьёв, в лесах и за лучиной.

Ф.И.Шалапин

Впервые тогда, на крыше сеней, почувствовал я неведомый мне дотопле мир — тоски и раздолья, таящийся в русской песне, неведомую в глубине своей душу родного мне народа, нежную и суровую, прикрытую грубым одеянием. Тогда, на крыше сеней, в ворковании сизых голубков, в унылых звуках маляровой песни приоткрылся мне новый мир — и ласковой, и суровой природы русской, в котором душа тоскует и ждёт чего-то... Тогда-то, на ранней моей поре, — впервые, быть может, — почувствовал я силу и красоту народного слова русского, мягкость его, и ласку, и раздолье. Просто пришло оно и ласково легло в душу. Потом — я познал его: крепость его и сладость. И всё узнаю его...

И.С.Шмелёв «Русская песня»

Музыка существовала в России издавна. Какова же была эта музыка? Прежде всего существовала народная музыка, народная песня, музыка, сопровождавшая праздники, обряды, трудовые процессы. Творцами и исполнителями этой музыки был сам народ, выразивший в ней свои печали и радости, воспевавший события национальной истории, мир и войну, судьбу человеческую и выразивший в музыке самые разнообразные черты своего национального характера.

Второй тип музыки, бытовавшей в России, — музыка церковная. Пришедшая к нам из Греции вместе с христианской верой, музыка эта принесла в Россию богатство, изысканность и утончённость великой греческой культуры. Исполнителями этой музыки были церковные певчие, а в сущности — тот же народ русский. Творцами её (уже чисто русской церковной музыки) были монахи, знатоки церковного распева и т.д. Народ сам охотно пел в церквях — сотни лет молитвы церковного обихода знали все от мала до велика. В сущности, церковное искусство стало одной из разновидностей народного искусства.

Таким образом, музыка народная да и, в значительной степени, церковная пелась самим народом.

Г.В.Свиридов «Заветное»

Родной язык, родное слово

ПРОРОК

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами лёгкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассёк мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнём,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:

«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

А.С.Пушкин

РОДНОЕ СЛОВО

Ценность слова — не в обличье громком,
Если смысл в нём стойкий заключён,
Значит, слово перейдёт к потомкам,
Уцелев под натиском времён...

...Понял я в тот грозный вечер года
На суровой фронтовой реке,
Что характер и душа народа,
И его бессмертье — в языке!

Я.Вохменцев

РОДНОЕ СЛОВО

Что такое слово?
Это чудо просто,
В нём весь мир и человек —
Маленький и взрослый.

В нём цветы и песни,
В нём друзья и дом,
Мамина улыбка,
Первый снег и гром.

В нём любовь и верность,
Эхо той войны,
О которой помнить
Мы всегда должны.

В нём моя Россия,
Пушкин и Есенин,

Сказки давней старины,
Чехов и Тургенев.

В нём такая сила,
Доброта и свет —
Ничего чудесней
В целом свете нет.

Это слово дружбы,
Мира и любви,
Лишних слов не нужно —
Ты его храни!

Н. Левина, 13 лет

Содержание

Предисловие	3
РАЗДЕЛ 1	
ТАКИЕ РАЗНЫЕ СЛОВА!	5
<i>Н. Рачков.</i> ВЫСОКОЕ РУССКОЕ СЛОВО	5
<i>Ю. Сеницын</i> «КАЖДОЕ СЛОВО ИМЕЕТ СВОЙ ВКУС...»	5
<i>А. Гаврюшкин</i> СУДЬБА СЛОВА	6
<i>К. Паустовский</i> ЗОЛОТАЯ РОЗА	7
«РОДНОЕ СЛОВО» К. Д. УШИНСКОГО	15
ИЗ «РОДНОГО СЛОВА»	15
<i>К. Ушинский</i> ВЕТЕР И СОЛНЦЕ	15
<i>В. Жуковский</i> СОЛНЦЕ И БОРЕЙ	16
<i>К. Ушинский</i> ХЛЕБ	17
КАК РУБАШКА В ПОЛЕ ВЫРОСЛА	18
ПЧЁЛКИ НА РАЗВЕДКАХ	20
ЛАСТОЧКА	21
О «РОДНОМ СЛОВЕ» К. Д. Ушинского	23
<i>Д. Мамин-Сибиряк</i> КНИЖКА С КАРТИНКАМИ (ВОСПОМИНАНИЯ)	23
ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА	28
<i>С. Есенин</i> С ДОБРЫМ УТРОМ!	28
<i>Н. Веселовская</i> ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ	28
<i>В. Солоухин</i> ЗДРАВСТВУЙТЕ	29
<i>Д. Блынский</i> ЗДРАВСТВУЙТЕ!	30

<i>Л. Воронина</i>	
«Я ОЧЕНЬ УСТАЛА НЕ СЛУШАТЬСЯ МАМУ...»	31
<i>М. Алимбаев</i>	
УРОК ВЕЖЛИВОСТИ	31
<i>В. Кудлачёва</i>	
«СПАСИБО!», «ПРОСТИТЕ!..»	32
<i>Неизв. автор</i>	
«ДОБРОТА НУЖНА ВСЕМ ЛЮДЯМ...»	33
<i>Неизв. автор</i>	
«ДОБРЫЙ ДЕНЬ — ТЕБЕ СКАЗАЛИ...»	33
<i>В. Осеева</i>	
ЧУДЕСНОЕ СЛОВО	33
СВЯТЫЕ СЛОВА	36
<i>П. Вяземский</i>	
ЦЕРКОВНАЯ МОЛИТВА	36
<i>Р. И.</i>	
«К ТЕБЕ, ГОСПОДЬ, ВОССТАВ ОТ СНА...»	36
<i>Святитель Нектарий Эгинский</i>	
ПУТЬ К СЧАСТЬЮ	37
<i>Святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский</i>	
О РОДИТЕЛЬСКОМ БЛАГОСЛОВЕНИИ	37
ПРИТЧА О МОЛИТВЕ «ОТЧЕ НАШ»	39
<i>Священник Сергей Кистин</i>	
СИЛА ПРОСТОЙ МОЛИТВЫ	40
<i>В. Шефнер</i>	
СЛОВА	41
<i>И. Северянин</i>	
«ЛЮБОВЬ! РОССИЯ! СОЛНЦЕ! ПУШКИН!..»	41
<i>А. Яшин</i>	
НЕ ТОЛЬКО СЛОВА	42
<i>Архиепископ Иоанн (Шаховской)</i>	
ЖАЛОСТЬ И НЕЖНОСТЬ	42
<i>М. Шехтер</i>	
«НЕМАЛО ВСТРЕЧАЕТСЯ ЗЛОГО...»	43
<i>М. Лисянский</i>	
«А КАК НАМ ДОБРЫЕ СЛОВА НУЖНЫ!..»	43
<i>Р. Гамзатов</i>	
«ПО-РУССКИ — „МАМА“, ПО-ГРУЗИНСКИ — „НАНА“...»	44

<i>И. Косяков</i>	
ВСЁ ОНА	44
<i>М. Пожарова</i>	
КРАЙ РОДНОЙ	45
<i>С. Романовский</i>	
РУСЬ	45
МУДРЫЕ СЛОВА-ПОСЛОВИЦЫ	49
Пословицы.....	49
<i>К. Ушинский</i>	
ТИШЕ ЕДЕШЬ, ДАЛЬШЕ БУДЕШЬ	50
<i>К. Ушинский</i>	
ГОРШОК КОТЛУ НЕ ТОВАРИЩ	50
<i>Л. Модзалевский</i>	
КОНЧИЛ ДЕЛО, ГУЛЯЙ СМЕЛО.....	50
Пословицы-загадки	52
<i>В. Даль</i>	
О РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ	53
СЛОВА ЗАБЫТЫЕ И НЕОЛОГИЗМЫ.....	56
<i>В. Шефнер</i>	
УСТНАЯ РЕЧЬ	56
<i>А. Шибаев</i>	
СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА... ..	56
<i>Б. Слуцкий</i>	
НОВЫЕ СЛОВА.....	57
<i>В. Никифоров-Волгин</i>	
ВЕСЕННИЙ ХЛЕБ.....	58
<i>В. Порудоминский</i>	
ДАЛЬ (отрывок)	58
<i>Л. Успенский</i>	
САМОЛЁТ ПРИ ПЕТРЕ I.....	62
<i>А. Некрасов</i>	
КАК ШКОЛЬНИКА СЪЕЛИ	64
ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА	67
<i>А. Пушкин</i>	
Из романа «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»	67

<i>Г. Иванов</i>	
«ТАКОЙ БЫЛ ЧЕМОДАНЧИК — ПАТЕФОН...»	67
<i>М. Зайцев</i>	
РЕЧЕНЬКА	68
ЛИШНИЕ СЛОВА	69
<i>Ю. Вахдаев</i>	
КАК БЫ СТИХ	69
<i>Н. Рыленков</i>	
«ЯЗЫК НАРОДА И БОГАТ, И ТОЧЕН...»	69
<i>А. Барто</i>	
СИЛЬНОЕ КИНО	69
ПЛОХИЕ СЛОВА	71
<i>В. Полторацкий</i>	
СЛОВО О СЛОВАХ	71
<i>Н. Рыленков</i>	
«Я НЕ ИГРАЛ СЛОВАМИ, ПОМНЯ...»	72
<i>Н. Луканов</i>	
«УПРАЖНЯТЬСЯ В НЕЖНОМ, ЧУТКОМ СЛОВЕ...»	72
<i>Неизв. автор</i>	
«КАК КАМЕНЬ ТЯЖЁЛЫЙ — ОБИДНОЕ СЛОВО...»	72
СЛОВА-ИМЕНА	73
<i>А. Пушкин</i>	
«ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЁМ?...»	73
<i>С. Маршак</i>	
«ИМЕНА, ИМЕНА, ИМЕНА...»	73
<i>С. Маршак</i>	
«ЕСЛИ ТОЛЬКО ТЫ УМЁН...»	74
<i>Святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский</i>	
О НАРЕЧЕНИИ ИМЁН	75
КРЫЛАТЫЕ СЛОВА	76
ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ БИБЛИИ	76
ИЗ БАСЕН И.А.КРЫЛОВА	81
ИЗ КОМЕДИИ «ГОРЕ ОТ УМА» А.С.ГРИБОЕДОВА	83

КАК НАШЕ СЛОВО ОТЗОВЁТСЯ84

Протоиерей Н. Мельников

«У МЕНЯ СЕГОДНЯ СОЛНЦЕ...»84

М. Дмитриев

СЛОВО.....84

И. Розов, 8 класс

КАК СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЁТСЯ85

ИЗ ЖИТИЯ ПРЕПОДОБНОГО МАКАРИЯ ЕГИПЕТСКОГО86

БИБЛИЯ И СВЯТЫЕ ОТЦЫ О СЛОВЕ.....87

К. Паустовский

ТЁПЛЫЙ ХЛЕБ89

Поговорки98

РАЗДЕЛ 2

ВВЕДЕНИЕ В РУССКУЮ СЛОВЕСНОСТЬ99

«В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО» 100

И. Никитин

НОВЫЙ ЗАВЕТ 100

Неизв. автор

ЕВАНГЕЛИЕ..... 101

П. Валув

БИБЛИЯ — КНИГА КНИГ 101

Неизв. автор

СЕЯТЕЛЬ 102

А. Шишков

ДАР СЛОВА (глава из книги «Славянорусский корнеслов») 103

КИРИЛЛИЦА 106

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКАЯ АЗБУЧНАЯ МОЛИТВА 106

«СКАЗАНИЕ О ПИСЬМЕНАХ» ЧЕРНОРИЗЦА ХРАБРА 107

И. Бунин

СЛОВО 110

Ф. Тютчев

«ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ КИРИЛЛОВОЙ КОНЧИНЫ...»..... 110

В. Жуковский

«КАК ЗВЁЗДЫ В СИНЕВЕ ДАЛЁКОЙ...» 111

Неизв. автор

«УЖ ДЕСЯТЬ СТОЛЕТИЙ ПРОМЧАЛОСЬ, СОБРАТЬЯ...»..... 111

<i>А. Хомяков</i>	
«БЕЗЗВЁЗДНАЯ ПОЛНОЧЬ ДЫШАЛА ПРОХЛАДОЙ...»	112
<i>Л. Долгушина</i>	
ПО МОТИВАМ СТИХОТВОРЕНИЯ А. ХОМЯКОВА	113
<i>Неизв. автор</i>	
«ХВАЛА И ГИМНЫ ВАМ, КИРИЛЛ, МЕФОДИЙ!..»	114
<i>Неизв. автор</i>	
ПАМЯТИ СВЯТЫХ БРАТЬЕВ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ	114
<i>Неизв. автор</i>	
«БУКВА К БУКВЕ — БУДЕТ СЛОВО...»	115
<i>Неизв. автор</i>	
«ПО ШИРОКОЙ РУСИ — НАШЕЙ МАТУШКЕ...»	115
<i>О. Мальцева-Арзиани (перевод)</i>	
СЛАВА ВАМ, БРАТЬЯ КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ!	116
<i>Д. Рыжкова, 12 лет</i>	
«АЛФАВИТ И АЗБУКУ...»	116
ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	117
<i>А. Муравьёв</i>	
ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНЫХ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ, ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ СЛАВЯН (отрывок)	119
ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК	123
<i>О. Дмитриев</i>	
СТАРΟΣЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК	123
<i>В. Никифоров-Волгин</i>	
ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ	124
<i>Святитель Димитрий Ростовский</i>	
ЦВЕТОЧКИ БЛАГОУХАННЫЕ (в сокращении)	127
<i>В. Даль</i>	
ПЕРЕВОД СО СЛАВЯНСКОГО	129
ПЕРВЫЕ УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ НА РУСИ	133
<i>А. Зализняк, В. Янин</i>	
НОВГОРОДСКАЯ ПСАЛТЫРЬ НАЧАЛА XI ВЕКА – ДРЕВНЕЙШАЯ КНИГА РУСИ (в сокращении)	133
ДРЕВНЕРУССКАЯ КНИГА	138
<i>А. Жигулин</i>	
ИЗ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ	138

<i>Н. Покровский</i> СКРИПТОРИЙ (в сокращении).....	139
ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	143
<i>Г. Иванов</i> «Я ТВЕРЖУ СЕБЕ СНОВА И СНОВА...».....	143
<i>Т. Шариязданова</i> ЛЕТОПИСЕЦ.....	143
<i>Д. Лихачёв (перевод)</i> ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ (отрывок из «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»).....	144
ИЗ ПОУЧЕНИЯ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА.....	145
<i>А. Пушкин</i> ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ.....	152
«ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» (отрывок).....	155
ЖИТИЯ СВЯТЫХ.....	157
«СВЯТЫЕ КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ, ПЕРВОУЧИТЕЛИ СЛАВЯНСКИЕ».....	157
ЖИТИЕ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В ИЗЛОЖЕНИИ СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО (отрывок).....	161
БУКВАРЬ ДИАКОНА ИВАНА ФЁДОРОВА.....	166
<i>Е. Осетров</i> СКАЗ О ДРУКАРЕ ИВАНЕ И ЕГО КНИГАХ (отрывки).....	166
МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ И ЕГО ТРУДЫ ПО РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.....	171
<i>М. Ломоносов</i> ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКОГО СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ.....	171
<i>М. Ломоносов</i> РОССИЙСКАЯ ГРАММАТИКА (из Предисловия).....	172
АФОРИЗМЫ, ЦИТАТЫ, ИЗРЕЧЕНИЯ, ВЫСКАЗЫВАНИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА.....	174
ВЫСКАЗЫВАНИЯ О М. В. ЛОМОНОСОВЕ.....	177
<i>К. Р.</i> НА ДВУХСОТЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА (в сокращении).....	180
<i>А. Майков</i> ЛОМОНОСОВ.....	181
<i>А. Пушкин</i> ОТРОК.....	183

<i>Ф. Тютчев</i> «СТО ЛЕТ ПРОШЛИ В ТРУДЕ И ГОРЕ...»	183
ЗАВЕТНЫЕ СТИХИ А. С. ПУШКИНА	184
<i>А. Майков</i> ПЕРЕЧИТЫВАЯ ПУШКИНА	184
<i>Г. Горбовский</i> СЫН РОССИИ	184
<i>Н. Гоголь</i> НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПУШКИНЕ (в сокращении)	185
<i>Ф. Достоевский</i> РЕЧЬ О ПУШКИНЕ (в сокращении)	188
РУССКИЕ СКАЗКИ	190
НАРОДНЫЕ СКАЗКИ	190
ПРИСКАЗКА	190
ГОРШЕНЯ	191
САМОЕ ДОРОГОЕ	196
КАША ИЗ ТОПОРА	197
АВТОРСКИЕ СКАЗКИ	199
<i>А. Пушкин</i> Из поэмы «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА»	199
<i>Д. Мамин-Сибиряк</i> АЛЁНУШКИНЫ СКАЗКИ	200
<i>П. Бажов</i> СЕРЕБРЯНОЕ КОПЫТЦЕ	205
<i>З. Косицкая</i> БОЛЬШЕ НЕ БУДЕМ ИГРАТЬ С ХЛЕБОМ!	214
<i>В. Крупин</i> СОКОЛКО	215
<i>А. Плещеев</i> НЕНАСТЬЕ (картинка)	219
<i>И. Никитин</i> «ДЕТСТВО ВЕСЁЛОЕ, ДЕТСКИЕ ГРЁЗЫ...»	222
<i>С. Есенин</i> БАБУШКИНЫ СКАЗКИ	223
<i>С. Бехтеев</i> ДЕТЯМ	223

<i>А. Круглов</i>	
«СНЕГ ДА СНЕЖНЫЕ УЗОРЫ...».....	224
<i>А. Михайлов</i>	
«ВЕЧЕР ЗИМНИЙ, ВЕЧЕР СКУЧНЫЙ...»	224
<i>Ф. Шкулёв</i>	
ЗИМОЙ В ДЕРЕВНЕ.....	226
<i>С. Дрожжин</i>	
ДЕТСКИЕ ГОДЫ.....	227
<i>И. Суриков</i>	
КЛАД (БАБУШКИНА СКАЗКА).....	228
<i>И. Суриков</i>	
ДЕТСТВО	230
<i>И. Суриков</i>	
ДЕД КЛИМ	233
РУССКИЕ БАСНИ	236
А. ИЗМАЙЛОВ	236
ВОЛК И ЖУРАВЛЬ	236
И. КРЫЛОВ	236
ЛАРЧИК	236
ОБОЗ	237
ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО	238
ЛЮБОПЫТНЫЙ	239
ПЧЕЛЫ И МУХИ.....	239
КРЕСТЬЯНИН И ЗМЕЯ	240
ВОРОНА И ЛИСИЦА	241
СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ	242
ЛЕВ И КОМАР	243
СТАРИК И ТРОЕ МОЛОДЫХ	244
ОСЁЛ И СОЛОВЕЙ.....	245
КУКУШКА И ПЕТУХ	246
ВОЛК И ЯГНЁНОК	247
ЛЯГУШКА И ВОЛ	248
МАРТЫШКА И ОЧКИ	249
СЛОН И МОСЬКА.....	249
ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА	250
СКУПОЙ И КУРИЦА.....	251

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ	251
ОРЁЛ И ПЧЕЛА	252
ВЫСКАЗЫВАНИЯ ОБ И. А. КРЫЛОВЕ	253
РУССКАЯ ПЕСНЯ	255
<i>Неизв. автор</i>	
«КАК ПОЙДУ Я НА БЫСТРУЮ РЕЧКУ...»	255
<i>А. Коринфский</i>	
ЛЕТНЕЙ НОЧЬЮ	255
<i>А. Пушкин</i>	
ЗИМНЯЯ ДОРОГА	256
<i>Неизв. автор</i>	
«ОДНОЗВУЧНО ГРЕМИТ КОЛОКОЛЬЧИК...»	257
<i>А. Фет</i>	
СЕРЕНАДА	257
<i>А. Майков</i>	
КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ	258
<i>Э. Эльген</i>	
ПТИЧКА	258
<i>Н. Кукольник</i>	
ЖАВОРОНОК	259
<i>Л. Модзалевский</i>	
ПЕСНЯ	260
ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ О НАРОДНОЙ ПЕСНЕ	260
ВЫСКАЗЫВАНИЯ О НАРОДНОЙ ПЕСНЕ	261
РОДНОЙ ЯЗЫК, РОДНОЕ СЛОВО	263
<i>А. С. Пушкин</i>	
ПРОРОК	263
<i>Я. Вохменцев</i>	
РОДНОЕ СЛОВО	264
<i>Н. Левина, 13 лет</i>	
РОДНОЕ СЛОВО	264

Учебное издание

РОДНОЕ СЛОВО

Хрестоматия

для 5 кл. общеобразовательных
организаций

Составитель:

Пивоваров Борис Иванович,
протоиерей

Православная Гимназия во имя
Преподобного Сергия Радонежского
Новосибирск 630090, ул. Академическая, 3
тел./факс (383) 333 28 10
e-mail: pochta@orthgymn.ru
<http://orthgymn.ru>

Редакторы: Панин Л.Г.
Баженов А.В., протоиерей
Тальшева Л.П.
Ахмадиева Ф.Ф.
Буданцева И.В.
Павлова О.А.
Третьякова М.К.
Тропина Н.Е.
Шикова М.А.

Вёрстка: Бабенков Е.Ю.

Формат 70×90/16. Бумага офсетная ВХИ 80 г/м². Усл. п/л: 20,5.

Тираж ___ экз. Печать офсетная. Подписано в печать _____

Напечатано в ЗАО ИПП «Офсет», Заказ № _____

г. Новосибирск, 630117, ул. Арбузова, 4/27.

Тел. (383) 3328232, факс: (383) 3327212, e-mail: ofsetn@yandex.ru